

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 12 (113)

Academic Journal

Series:

Philology.

Journalism. Literary Criticism

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ

№ 12 (113)

Научный журнал

Серия «Филологические науки.
Журналистика. Литературная критика»

Москва 2013

УДК 070
ББК 65.050.2я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Филологические науки. Журналистика.
Литературная критика»

Редакционная коллегия:

М.П. Одесский – ответственный редактор
Е.Н. Басовская
В.Л. Гопман
О.И. Киянская
Н.В. Ростова
Н.К. Сванидзе
Д.М. Фельдман
Т.Н. Худобина-Землянских
П.Э. Шульцман

Номер подготовили:

М.П. Одесский, Ю.Г. Бит-Юнан

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>А.Г. Готовцева, О.И. Киянская</i> «Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда»	11
<i>К.А. Махова</i> Журнал «Звездочка» А.О. Ишимовой	34
<i>Е.В. Колесникова</i> Польское восстание 1863–1864 гг. на страницах журнала «Библиотека для чтения» П.Д. Боборыкина	44
<i>Г.А. Элиасберг</i> Статьи о национальных театрах на страницах журнала «Театр и искусство» (1897–1918)	51
<i>Е.В. Бродская</i> Спектакли Театра на Таганке «Жизнь Галилея» и «Гамлет» в освещении периодики: К истории советской театральной критики	58
<i>А.В. Нестеров</i> О «литературной репутации» И.А. Бродского, аудитории поэтических чтений и медийном продвижении «новой поэзии» в России в 1960-е годы	68
<i>Ю.Г. Бит-Юнан</i> История ареста романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в освещении периодики и публицистики русского зарубежья	79
<i>Е.Н. Комарова</i> Отражение Саши Соколова в журнале «Зеркало» (К вопросу о самопрезентации русского писателя-эмигранта в эмигрантской прессе)	86

Е.А. Березина
Судебный очерк в современной журналистике 92

В.Л. Гопман
Рецепция фантастических романов Джеймса Грэма Балларда
в отечественной прессе второй половины XX в. 102

История публицистики. Риторика

М.П. Одесский
Публицистичность научного текста: Из истории
отечественной медиэвистики 111

Д.М. Фельдман
Опыт анализа публицистического дискурса: «партизаны»
в «отечественных» и прочих войнах 126

Е.Н. Басовская
«Все те же»: Заметки о лингвоэкологии и языке
современной русской литературы. 141

Е.В. Арутюнова
Реформа русской орфографии начала 1960-х годов в зеркале СМИ:
Завязка конфликта. 159

С.Е. Эрлих
Миф о Пушкине в современной российской публицистике . . . 173

Проблемы теории электронных СМИ

Г.А. Феткуллина
Мультимедиаизация СМИ в начале XXI в. 179

Д.В. Неренц
Особенности развития журналистских расследований
в Великобритании и США 186

Язык СМИ

Ю.В. Яковлева
«На обстрел отвечаем частым огнем...» (Речевая агрессия
в полемических материалах журнала «ЛЕФ» 1923 г.) 195

<i>О.М. Афанасьева, Я.Е. Каневская</i>	
Концепт «политика» в публицистике А.И. Колесникова (На материале газеты «КоммерсантЪ»).	202
<i>Н.А. Сацирова</i>	
Прагматический аспект телевизионного интервью (На материале каналов «Россия 24» и «Москва 24»).	216
<i>Д.Н. Токова</i>	
Заголовки газеты «Московский комсомолец» 2012 г. с точки зрения литературного редактирования	225
<i>Е.П. Буторина, А.К. Покатилова</i>	
Коллокации в деловой прессе.	230
<i>В.Н. Тищенко</i>	
Заголовки статей, обзоров и рецензий в журнале «Экономист» (На материале номеров за сентябрь – декабрь 2012 г.)	236

Библиография

<i>Н.А. Сацирова</i>	
Рецензия на книгу: <i>Ковалёв-Случевский К.П.</i> Тележурналистика XXI века: Настольная книга для познания современного ТВ. М.: Грифон, 2012. 176 с.	246
<i>Д. Розенсон</i>	
Рецензия на книгу: <i>Sicher E. Babel in Context: A Study in Cultural Identity: (Borderlines: Russian and East European-Jewish Studies).</i> Boston: Academic studies press, 2012. 309 p.	250
Abstracts.	253
Сведения об авторах	263

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>A. Gotovtseva, O. Kiyanskaya</i> “Temporary assessors of Parnassus”. Concerning history of the “Polyarnaya Zvezda” almanac	11
<i>K. Makhova</i> “Zvyozdochka” magazine by A.O. Ishimova	34
<i>E. Kolesnikova</i> The insurrection in Poland (1863–1864) on the pages of P.D. Boborykin’s journal «Biblioteka dlya chteniya»	44
<i>G. Eliasberg</i> Articles about the national theatres in the magazine “Theatre and art” (1897–1918).	51
<i>E. Brodskaya</i> Concerning history of the soviet theater journalism. “Life of Galileo” and “Hamlet”	58
<i>A. Nesterov</i> Joseph Brodsky’s literary reputation, the audience of poetry readings and media promotion of “new poetry” in Russia in the 1960s	68
<i>Yu. Bit-Yunan</i> Russian emigrant press and publicism on the arrest of V. Grossman’s novel “Life and Fate”	79
<i>E. Komarova</i> Sasha Sokolov’s reflection in the “Zerkalo” magazine (To the question of the self-presentation of Russian expat writer in the expatriate press)	86

<i>E. Berezina</i>	
Judicial essay in the journalism today	92

<i>V. Gopman</i>	
Reception of James Graham Ballard's science fiction novels in Russian periodicals of the second half of the XXth century . . .	102

History of Publicism. Rhetoric

<i>M. Odesskiy</i>	
Publicism in a scientific text. On the history of Russian medieval studies	111

<i>D. Feldman</i>	
Concerning analysis of the publicistic discourse. "Partisans" in "Native" and other wars	126

<i>E. Basovskaya</i>	
"All the same". Notes on linguistic ecology and language of modern Russian literature	141

<i>E. Arutyunova</i>	
Reform of the Russian spelling 1960s in mirror media. The conflict	159

<i>S. Ehrlich</i>	
Myth about Pushkin in modern Russian publicism	173

Problems of the Theory of the Electronic Mass Media

<i>G. Fetkullina</i>	
Multimediatization of mass media at the beginning of the XXIth century	179

<i>D. Nerents</i>	
Features of the development of investigative journalism in the UK and USA.	186

Language of Mass Media

<i>Yu. Yakovleva</i>	
“The intensive fire is our answer to the shelling...” (Speech aggression in the “LEF” magazine polemic articles in 1923)	195
<i>O. Afanasieva, Ya. Kanevskaya</i>	
The concept “politics” in A.I. Kolesnikov’s journalism (On a material of the newspaper “Kommersant”).	202
<i>N. Satsirova</i>	
Pragmatic aspect of television interviews (Based on studying the channels “Rossiia 24” and “Moskva 24”).	216
<i>D. Tyukova</i>	
Headlines of the newspaper “Moskovsky komsomolets” (2012) in respect to literary editing.	225
<i>E. Butorina, A. Pokatilova</i>	
Collocations in the business press.	230
<i>V. Tischshenko</i>	
Titles of the articles, reviews and references in “The Economist” magazine (issues for September – December, 2012)	236

Books in Review

<i>N. Satsirova</i>	
Review on the book: Kovalev-Sluchevskiy K.P. Television journalism of the XXIst century. Handbbook for understanding modern TV. M.: Gryphon Publishers, 2012. 176 p.	246
<i>D. Rozenson</i>	
Review on the book: Sicher E. Babel in context: A study in cultural identity: (Borderlines: Russian and East European-Jewish studies). Boston: Academic studies press, 2012. 309 p.	250
Abstracts.	253
General data about the authors	265

История журналистики и литературной критики

А.Г. Готовцева, О.И. Киянская

«ВРЕМЕННЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ПАРНАСА»: К ИСТОРИИ АЛЬМАНАХА «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»*

В статье идет речь о самом известном русском альманахе начала XIX в. – о «Полярной звезде» А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева. Рылеев и Бестужев известны прежде всего как члены тайных обществ, организаторы восстания на Сенатской площади. Соответственно, их альманах представлялся исследователям журналистики как издание, пропагандирующее революционные идеи. Однако анализ его содержания показывает, что такого рода произведений в альманахе практически не было. Причины успеха альманаха были другими: из разрозненных писательских группировок Рылеев и Бестужев впервые в русской журналистике попытались создать единое литературное пространство. В статье подробно анализируются обстоятельства издания «Полярной звезды», до сих пор не попадавшие в поле зрения исследователей; в частности, анализируются связи Рылеева и Бестужева с функционерами Министерства духовных дел и народного просвещения, возглавлявшегося князем А.Н. Голицыным.

Ключевые слова: К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев, П.А. Вяземский, альманах «Полярная звезда», А.И. Тургенев, А.Н. Голицын, А.С. Пушкин.

Альманах Кондратия Рылеева и Александра Бестужева «Полярная звезда» – одно из тех явлений русской литературы и журналистики, которые, казалось бы, давно и хорошо изучены. Этой изученности весьма способствуют биографии его редакторов: оба они были заговорщиками. По итогам следствия и суда Рылеев был казнен, а Бестужев приговорен к вечной каторге, замененной солдатчиной. И мало кто из исследователей мог удержаться от со-

блазна увидеть в альманахе «литературный извод» заговорщической деятельности Рылеева и Бестужева.

В.И. Семевский еще в начале XX в. утверждал, что «Полярная звезда» безусловно способствовала «развитию у нас революционного течения»¹. «“Полярная звезда”, насколько позволяла цензура, говорила в “Думах” Рылеева о восстании на “утеснителей народа”, о “свободе”, искупаемой жертвами», – утверждал Н.П. Павлов-Сильванский². Советские исследователи довели эти тезисы до абсурда. Согласно такого рода рассуждениям «Бестужев и Рылеев с 1820 г. (Бестужев даже несколько раньше, с 1818 г.) выступают как декабристы, находятся все время на левом фланге общественно-политического и литературного развития <...> “Полярная звезда” со второй книги фактически как бы стала печатным органом Северного общества, через нее декабристы осуществляют свою политику в литературе <...> Политическая программа декабристов требовала создания условий для широкого обсуждения литературных проблем» – именно в этом советские исследователи усматривали «революционное значение» литературного альманаха³.

Однако еще в начале XX в. В.И. Маслов утверждал: «Полярная звезда» «не являлась проводником исключительно либеральных идей». И только лишь впоследствии, «в силу трагической судьбы ее издателей», с именем их альманаха стало ассоциироваться «представление о гражданской борьбе с существующим государственным строем»⁴. С Масловым можно согласиться: в момент составления первых двух книжек «Звезды» Рылеев и Бестужев не состояли в тайном обществе и даже не знали о его существовании. И ждуть, что их альманах будет выражать идеи Северного общества – при том что вопрос о существовании единой тайной антиправительственной организации в столице в 1822–1824 гг. до сих пор однозначно не решен – по меньшей мере странно. Для большинства участников «Звезды» полной неожиданностью оказался и сам факт восстания на Сенатской площади, и то обстоятельство, что организатором его был объявлен Рылеев.

Однако в начале 1820-х годов «Полярная звезда» действительно была едва ли не самым популярным периодическим изданием. Задача данной работы – попытаться понять причины этой популярности, отрешившись при этом от явно не соответствующих реальности рассуждений о «революционности» альманаха.

***

И Рылеев, и Бестужев к концу 1822 г. – времени выхода первой книжки альманаха – были уже достаточно известны в литературных

кругах Петербурга. Рылеева, отставного подпоручика и судейского чиновника, читатели знали как поэта гражданской направленности: его сатира «К временщику», «метившая» в графа Аракчеева, наделала в 1820 г. много шума. В журналах постоянно появлялись его «Думы» – патриотические произведения, написанные на исторические сюжеты и «напоминавшие юношеству о подвигах предков». Покровительство Рылееву оказывал тогдашний министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын⁵.

Александр Бестужев, тогда поручик лейб-гвардии драгунского полка и адъютант главноуправляющего путями сообщения Августина Бетанкура, на тот момент был уже известным критиком. Известность ему принесли две разгромные рецензии, опубликованные в 1819 г. в журнале «Сын Отечества». Одна из них была посвящена переводу трагедии Расина «Эсфирь», принадлежащему перу Павла Катенина, а вторая – второму изданию комедии Александра Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды»⁶. Перевод Катенина, по мысли Бестужева, «есть почти непрерывное сцепление непростительных ошибок против вкуса, смысла, а чаще всего против языка, не говоря о требованиях поэзии и гармонии»⁷.

Шаховского же автор рецензии ругал за то, что в характерах его героев «не видно познания сердца человеческого», многие из них получились «ненужными» и «ненатуральными». Критику не нравился и «слог сей пьесы», который «шероховат и прерывист, течение неплавно, стихосложение сходствует с самою беззвучною прозою. Автор простер вольность стихотворства до того, что некоторые стихи вовсе не имеют рифмы»⁸.

И Катенин, и Шаховской были к тому времени уже маститыми драматургами с устоявшимися литературными репутациями, и вряд ли Бестужев мог опубликовать свои рецензии без поддержки, на свой страх и риск. Очевидно, что за ним стояли опытные литераторы и журналисты, те, кто уже на протяжении нескольких лет вел острую журнальную полемику с обоими писателями. «Красноречивые выступления» юного критика «дали перевес противникам Катенина», отмечал Б.В. Томашевский⁹. Положение Бестужева в литературе укрепилось: его заметили, осенью 1820 г. приняли в Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС). Общество это объединяло большинство российских литераторов 1820-х годов. Прием в его члены был в жизни литератора событием статусным: его объявляли собратом по перу известные всей России писатели и поэты.

На заседаниях этого общества Бестужев, скорее всего, и познакомился с Рылеевым, вступившим в ВОЛРС в апреле 1821 г. Традиционно считается, что идея издавать «Звезду» родилась у Рылеева и Бестужева в связи с участием в этой организации.

«Все произведения, помещенные в первой книге “Полярной звезды”, были написаны членами Общества соревнователей (неофициальное название ВОЛРС. – А. Г., О. К.), исключая стихотворения Пушкина, формально не входившего в объединение», – утверждает В.Г. Базанов, автор единственного на сегодняшний день монографического исследования о ВОЛРС¹⁰.

***

«Полярная звезда», как известно, вышла трижды: в конце 1822 г. (на 1823 год), в начале 1824 г. (на 1824 год) и весной 1825 г. (на 1825 год), после чего Рылеев и Бестужев прекратили издание. На 1826 г. они планировали издать небольшой по формату альманах «Звездочка», куда собирались поместить произведения, не вошедшие в выпуски «Звезды». Однако события декабря 1825 г. помешали выходу «Звездочки»: она осталась в корректурных листах и издана не была.

Первый же выпуск «Полярной звезды» стал главным литературным событием года: пожалуй, не было ни одного более или менее известного периодического издания, в котором бы новый альманах не стал предметом обсуждения. Так, болгаринский «Северный архив» встречает альманах с «особой благосклонностью», утверждая, что он «заслуживает сие по своему содержанию и красивому изданию»¹¹. Газета «Русский инвалид» Александра Воейкова утверждает, что «предприятие гг. Рылеева и Бестужева заслуживает признательность нашу и уважение»¹². Московский журналист, издатель «Дамского журнала» князь Петр Шаликов рекомендует «Звезду» своим читательницам: «Ведомые светом ее, они увидят истинное сокровище нынешней словесности нашей»¹³.

Открывавшую альманах критическую статью Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» журналисты и литераторы обсуждали практически целый год. Ситуация повторилась и в 1824 г. – когда из печати вышла вторая книжка альманаха, и в 1825 г. – когда вышла последняя книжка.

Для того чтобы понять причины популярности «Полярной звезды», следует, прежде всего, обратиться к одной из самых загадочных публикаций в альманахе – к стихотворению Константина Батюшкова «Карамзину», известному также под названием «К творцу “Истории государства Российского”»:

Пуškai талант не мой удел,
Но я для муз дышал не даром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел¹⁴.

Стихотворение это было опубликовано во втором выпуске альманаха, увидевшем свет в начале 1824 г. (цензурное разрешение – 20 декабря 1823 г.). Безусловно, имя Батюшкова добавило альманаху популярности: он был кумиром молодых литераторов 1820-х годов Александр Бестужев утверждал: «Поэзия Батюшкова подобна резвому водомету, который то ниспадает мерно, то плещется с ветерком. Как в брызгах одного переломляются лучи солнца, так сверкают в ней мысли новые, разнообразные»¹⁵.

Однако те, кто исследовали «Полярную звезду», констатируя присутствие Батюшкова на страницах альманаха, никогда не задавались вопросом, каким образом этот его текст попал к Рылеву и Бестужеву. Болевший психическим расстройством, Батюшков в 1818–1822 г. жил в Италии, потом вернулся в Россию, путешествовал по Кавказу, безуспешно пытаясь вылечиться. «Батюшкову хуже»¹⁶, – сообщал Александр Тургенев, друг поэта, князю Петру Вяземскому в ноябре 1823 г. Вскоре Батюшков оказался в клинике для душевнобольных в Германии. Естественно, сам он стихотворение в «Звезду» отдать не мог.

Между тем послание Карамзину было написано в 1818 г. – по прямым впечатлением от чтения «Истории государства Российского». Батюшков переслал его тому же Тургеневу – в частном письме, не предназначенном для распространения. Еще один экземпляр стихотворения поэт отправил жене Карамзина – от имени «навсегда неизвестного». О других автографах или списках этого послания ничего не известно – по-видимому, их просто не было¹⁷.

Вопрос о том, от кого – от Карамзина или от Тургенева – стихотворение попало к Рылеву и Бестужеву, решается просто. В данном случае гадать не приходится: Карамзин Рылеева очень не любил и вряд ли согласился бы помогать ему с подбором произведений в альманах¹⁸. Иное дело – Александр Тургенев. Скорее всего, именно он отдал стихотворение в альманах – и при этом заручился поддержкой самого Батюшкова. В литературных кругах было хорошо известно, что у больного поэта несанкционированные публикации его стихов вызывают тяжелые приступы агрессивной депрессии.

Вообще роль, так сказать, «административного ресурса» в составлении «Звезды» никогда не изучалась исследователями. Как-

то априори считалось, что альманах выходил едва ли не вопреки правительственной воле, преследовавшей ее либеральных составителей. Между тем Министерство духовных дел и народного просвещения – в лице одного из его руководителей, того же Александра Тургенева – оказывало альманаху прямую поддержку.

Переписка Тургенева сохранила любопытные подробности его участия в судьбе альманаха. Так, 6 ноября 1823 г. он писал Вяземскому: «Я хлопотал за “Полярную звезду” и говорил с цензором о твоих и Пушкина стихах. Кое-что выхлопотал и возвратил стихи Рылееву, поручив ему сказать, что почел нужным. Делать нечего! Многие и при прежней цензуре встретило бы затруднение».

Три дня спустя он вновь возвращается к судьбе альманаха: «Еще не знаю, на что решился цензор и что переменили издатели. Прошу Рылеева тебя обо всем подробно уведомить»¹⁹.

Мы не знаем, уведомил ли Рылеев Вяземского «обо всем» и почему цензор Александр Бируков действительно не пропустил очень многие из предназначенных во вторую «Звезду» стихотворений. Однако из этих писем явствует: перед многими другими изданиями у «Полярной звезды» было преимущество. К цензору Бирукову альманах носил лично ближайший сотрудник министра Голицына А.И. Тургенев, действительный статский советник и камергер двора, директор департамента в Министерстве духовных дел и народного просвещения, помощник статс-секретаря департамента законов Государственной канцелярии.

Эти письма, кроме всего прочего, подтверждают факт личного знакомства и делового общения Тургенева и Рылеева, а также проливают некоторый свет на то, почему одним из самых активных деятелей «Звезды», фактически ее третьим составителем, оказывается князь Петр Вяземский, до 1824 г. лично не знавший ни Рылеева, ни Бестужева.

***

Как известно, тридцатилетний Вяземский ко времени собрания первого выпуска «Звезды» – уже известный литератор. Князь был вхож в придворные круги и имел при этом репутацию отчаянного либерала, говорившего «и встречному, и поперечному о свободе, о деспотизме»²⁰. Прослуживший несколько лет в Варшаве, в марте 1818 г. официально переводивший на русский язык речь императора Александра I на открытии польского сейма, в 1821 г. он был уведомлен о нежелательности собственного пребывания там. Вяземский подал прошение о сложении с себя придворного звания камер-юнкера и уехал на жительство в Москву. Вяземский был од-

ним из самых близких, интимных друзей Александра Тургенева, о чем свидетельствует огромная переписка между ними.

Заочно Вяземский, конечно же, хорошо знал обоих составителей альманаха: к Рылееву – в 1820 г., в связи с сатирой «К времени» – привлек его внимание тот же Александр Тургенев²¹. С Бестужевым же Вяземский оказался по одну сторону литературных баррикад: он был одним из самых яростных критиков Шаховского и его «Липецких вод». Не известно, кто именно предложил Вяземскому дать свои произведения в «Полярную звезду». Зато точно известно, что Вяземский лидировал по количеству отданных в первый выпуск «Звезды» произведений.

В дальнейшем, в феврале–марте 1823 г., Вяземский познакомится с Бестужевым в Москве, и между ними завяжется оживленная переписка. Бестужев будет благодарить князя за то, что он дал свои произведения («несколько новых монет с новым штемпелем таланта»²²) для второй «Звезды» и подробно отчитываться о процессе собирания этого альманаха:

«Жуковский дал нам свои письма из Швейцарии – это барельеф оной. Пушкин прислал кой-какие безделки; между прочими в этот год увидите там кой-каких новичков, которые обещают многое – дай бог, чтоб сдержали обет; Гнедич ничего беглого не написал и потому ничего и не дал; Денис Васильевич (Давыдов. – А. Г., О. К.) не смиловался, и ничем не прислал нам, а его слог-сабля загорелся лучом, вонзенный в “Звездочку”. Не теряю надежды *наперед*, потому что он любил быть всегда впереди; Безголового инвалида Хвостова никак не пустим к ставцу»²³.

Бестужев благодарит Вяземского и за конкретную помощь в собирательской деятельности – в частности, за привлечение к сотрудничеству поэта Ивана Дмитриева. Дмитриев, к тому времени уже пожилой шестидесятирехлетний человек, давно был живой легендой русской словесности, признанным «блюстителем», «верным стражем» «парнасского закона». Друг Державина и Фонвизина, Карамзина и Жуковского, он начал свою литературную деятельность во времена Екатерины II – и успешно совмещал ее с государственной службой в немалых чинах. Отставленный в 1814 г. со всех должностей, он с тех пор жил в Москве в почете и уважении.

Ни у Бестужева, ни у Рылеева до 1823 г. личных контактов с Дмитриевым не было – по крайней мере, об этих контактах ничего не известно. Однако его участие придало альманаху больше веса – и Бестужев просил Вяземского «поблагодарить почтеннейшего Ивана Ивановича» «за его басенки, они всем очень нравятся»²⁴.

Зачем Рылееву и Бестужеву была нужна помощь Вяземского, в целом, конечно, понятно: его имя, а особенно его контакты в литературных кругах были необходимы им как воздух. Другой вопрос: зачем Вяземскому было нужно своим авторитетом и связями поддерживать двух начинающих «альманашников», которые к тому времени были уже известны в литературе, но отнюдь не мыслились как литераторы первого ряда. Ответ представляется достаточно простым: Вяземский в деле собирания альманаха выполнял не столько просьбы составителей, сколько желание Александра Тургенева. При этом, конечно, никакого министерского приказа в собственной литературной деятельности Вяземский, гордый и независимый поэт, не потерпел бы. Да и прямое руководство литературным процессом было вовсе не в компетенции Тургенева – он возглавлял департамент духовных дел.

Скорее другое: Тургенев, правая рука Голицына, выступал добровольным посредником между министром и литераторами. Сам же альманах был литературным проектом министерства лишь в том смысле, что ему оказывалась информационная и цензурная поддержка.

Причем, как следует из переписки Бестужева и Вяземского, оба корреспондента не питали никаких иллюзий относительно ангажированности альманаха. Бестужев радовался ей, рассказывая, как «князь Глагол» (в котором исследователи давно уже разглядели Голицына) остался доволен вышедшей в 1824 г. книжкой²⁵. Вяземского же ангажированность альманаха и – в особенности – бестужевских критических обзоров раздражала. «Кому же не быть независимыми, как не нам, которые пишут из побуждений благородного честолюбия, бескорыстной потребности души?» – вопрошал он Бестужева в письме от 20 января 1824 г. Вяземский опасался, что если словесность пойдет по предложенному Бестужевым пути, то «сделается... отделением министерства просвещения»²⁶.

Содержание альманаха свидетельствует: в нем было крайне мало произведений, воспевающих непосредственно Голицына, его политику и его друзей. Вовсе ничего на страницах «Звезды» не говорилось о противостоящих Голицыну Аракчееву и «православной оппозиции»²⁷. Смысл этого проекта был в другом: создать единое литературное пространство России – до того расколотое всяческими политическими, эстетическими и лингвистическими спорами. Пространство это должно было стать по преимуществу либеральным и лояльным к министру. Вот этот проект, по-видимому, и курировал Александр Тургенев. Очевидно, что эта идея пришла по

душе Вяземскому, и ради нее он готов был терпеть ангажированность «Полярной звезды».

В целом проект оказался удачным: второй выпуск альманаха тиражом 1500 экз. разошелся в три недели. По совершенно справедливому замечанию Фаддея Булгарина, «исключая Историю государства Российского Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не имел подобного успеха»²⁸.

Однако в мае 1824 г. последовала отставка Голицына и Тургенева. Собранный в этом году и вышедший на следующий год выпуск «Звезды» стал последним.

***

О том, зачем создавался альманах, Бестужев поведал читателям в рекламном тексте, опубликованном в 1823 г. в «Сыне Отечества»:

«При составлении нашего издания г. Рылеев и я имели в виду более, чем одну забаву публики. Мы надеялись, что по своей новости, по разнообразию предметов и достоинству пьес, коими лучшие писатели украсили “Полярную звезду”, – она понравится многим, не пугая светских людей сухой ученостью, она проберется на камин, на столики, а может быть, и на дамские туалеты и под изголовья красавиц. Подобным случаем должно пользоваться, чтобы по возможности более ознакомить публику с русской стариной, с родной словесностью, со своими писателями»²⁹.

С одной стороны, это объяснение вполне типично: апеллировать к благосклонности светской «красавицы» было со времен Карамзина приемом традиционным. С другой стороны, Бестужев четко дает понять – перед читателем литературная «новость». «На русском языке не было донныне подобных книжек», – соглашался с Бестужевым Николай Греч, издатель «Сына Отечества»³⁰.

И дело тут даже не в относительно новой для российского читателя «альманашной» форме – форме литературного сборника-ежегодника. «Новость» заключалась прежде всего в том, что никогда раньше журналы не собирали под одной обложкой столько литературных знаменитостей. Большинство из участников «Звезды» – первые имена русской литературы, обусловившие ее «золотой век» в начале XIX столетия. Для того чтобы полностью проанализировать состав альманаха, следует написать отдельное большое исследование. Пока же заметим, что у многих из тех, кто принял участие в «Звезде», было много оснований этого не делать.

Так, например, весьма показательна история с Пушкиным, который во время собирания первой книжки альманаха был, как известно, в ссылке в Кишиневе, затем переехал в Одессу, а оттуда в

Михайловское. Рылеева Пушкин не любил и считал в целом бездарностью. Он сурово критиковал выходившие в журналах «Думы», отмечал в них несообразности и отступления от исторической достоверности и подытожил свои размышления об этом жанре рылеевского творчества следующим образом: «“Думы” – дрянь, и название сие происходит от немецкого *dumm* (глупый. – А. Г., О. К.)»³¹. «Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии», – просил он Вяземского в марте 1823 г.³² Очевидно, еще до ссылки Пушкин был знаком с обоими составителями «Звезды», но знакомство это сложно назвать близким. И нужны были, конечно, особые обстоятельства для того, чтобы он принял приглашение участвовать в альманахе.

В первую «Звезду» Пушкин послал, по его собственному выражению, свои «бессарабские бредни» – и четыре его стихотворения появились на ее страницах. В следующем письме к Бестужеву, отправленном уже после получения «Звезды», Пушкин решает «перешагнуть через приличия» и решительно переходит со своим корреспондентом на «ты»³³. В последующих письмах Пушкин и Бестужев будут горячо обсуждать литературные новости и прояснять эстетические позиции. В 1825 г. к этому обсуждению присоединится и Рылеев. Сразу же, с первого письма, он перейдет с Пушкиным на «ты»: «Я пишу к тебе *ты*, потому что холодное *вы* не ложится под перо. Надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям»³⁴.

Никаких оснований соглашаться на предложения Рылеева и Бестужева не было и у, например, Василия Жуковского, который опубликовал в первой «Звезде» семь произведений, а во второй – четыре. Жуковский, поэт с устойчивой литературной и придворной репутацией, близкий к императрице Марии Федоровне и учитель русского языка великой княгини Александры Федоровны, жены Николая Павловича, в 1822 г. возвратился из заграничного путешествия (которое он, кстати, проделал в свите своей ученицы).

Жуковский, как следует из его письма к Бестужеву от августа 1822 г., знал Бестужева лично, однако, по-видимому, это знакомство было весьма далеким. Несмотря на это, поэт принимает в переписке с собирателем «Звезды» покаянный тон:

«Прошу Вас... уведомить меня, к какому времени должен я непременно доставить вам свою пиесу. Если бы я знал заранее о Вашем намерении издавать Альманах муз, то был уже готов с моим приношением»³⁵.

Участие в альманахе Жуковского, скорее всего, предопределило и участие в нем Александра Воейкова – родственника и друга поэта, редактора газеты «Русский инвалид», литератора и журналиста с сомнительной репутацией.

Странна и история с участием в альманахе Дениса Давыдова – уже знаменитого к тому времени поэта-партизана. О том, что Давыдов до 1822 г. имел представление о литературной деятельности Рылеева и Бестужева, сведений не сохранилось, как не сохранилось сведений и о том, что кого-то из них он знал лично. Однако на приглашение принять участие в альманахе он ответил согласием, объяснив Бестужеву, что «гусары готовы подавать руку драгунам на всякий род предприятия»³⁶.

Между тем и Пушкин, и Жуковский, и Давыдов были членами литературного общества «Арзамас», в котором Вяземский был одним из самых активных действующих лиц и где, кстати, состоял и Александр Тургенев. Арзамасцы в литературном процессе составляли тесный кружок близких друзей – несмотря даже на то, что к 1822 г. общество это уже распалось. Однако Тургенева назвать авторитетом в глазах литераторов можно лишь с большой натяжкой; министерский функционер, он не участвовал непосредственно в литературном процессе. Вяземский же, всецело погруженный в литературу, был одним из главных связующих звеньев между бывшими арзамасцами, вел обширную переписку с большинством из них. Скорее всего, именно он обратил внимание своих друзей-литераторов на новый сборник и предложил принять участие в нем.

Конечно, далеко не все участники «Звезды» были креатурами Тургенева и Вяземского. Так, Бестужеву – на ранних этапах его карьеры – покровительствовали участвовавшие в «Звезде» Николай Греч и Александр Измайлов, издатель журнала «Благонамеренный» и автор басен. Измайлов был многим обязан отцу Бестужева: в «Санкт-Петербургском журнале» Бестужева-старшего появились первые произведения будущего баснописца.

«Я очень помню, что у нас весь чердак завален был бракованными рукописями, между коими особенно отличался плодovitостью Александр Ефимович (Измайлов. – А. Г., О. К.): я не один картон слепил из его сказок»³⁷, – вспоминал Бестужев-младший впоследствии. Очевидно, именно Измайлов, близко сотрудничавший в конце 1810-х годов с Гречем, представил ему будущего составителя «Звезды». Первые его литературные опыты – стихотворные и прозаические переводы – были опубликованы в «Сыне Отечества» в 1818 г. «Он, так сказать, выносил меня под мышкой из яйца; пер-

вый ободрил меня и первый оценил», – писал много лет спустя о Грече Бестужев³⁸.

Приятельские отношения связывали Рылеева и Бестужева с Евгением Баратынским³⁹. Рылеев дружил с Булгариным, Антоном Дельвигом и Николаем Гнедичем (которого поддерживал в полемике, развернувшейся в связи с переводом гомеровской «Илиады» «русским гекзаметром») и с детства был знаком с Дмитрием Хвостовым и Иваном Крыловым⁴⁰. И Рылеева, и Бестужева хорошо знали президент Вольного общества любителей российской словесности Федор Глинка и редактор журнала общества – «Соревнователь просвещения и благотворения» – Петр Плетнев.

Однако без главных действующих лиц тогдашней литературной жизни, без Пушкина и Жуковского, без Дмитриева и Давыдова, без Батюшкова и, конечно, Вяземского, «Полярной звезде» вряд ли удалось бы достичь того громкого успеха, который в итоге и был достигнут.

***

Общую концепцию «Звезды» подтверждают и предварявшие каждый ее выпуск критические обзоры Александра Бестужева: в первом выпуске альманаха это был «Взгляд на старую и новую словесность в России», во втором – «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», в третьем – «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года».

Бестужев был не первым, кто начал писать литературные обзоры в России. К примеру, Греч в 1815 г. печатал в «Сыне Отечества» «Обозрение русской литературы 1814 года» – из номера в номер. Но обзор этот – в отличие от аналогичных обозрений Бестужева – событием в литературе не стал. Несмотря даже на то, что Греч к моменту его написания был одним из главных российских журналистов, уже сникавшим себе прочную славу.

И Греч, и другие авторы печатали свои обзоры в журналах, в которых они зачастую терялись среди множества произведений разного качества. Статьи же Бестужева открывали альманах, состоявший из произведений лучших литераторов и имевший целью объединение литературных сил. И конечно же, они выглядели как программа всего издания. Собственное имя Бестужев довольно бесцеремонно поставил «во главу» литературного процесса.

Содержание трех бестужевских обзоров давно и хорошо изучено: все они представляют собой вариации на тему упадка отечественной словесности. В первом он рассуждает о причинах упадка в историческом ключе, во втором и третьем утверждает, что при-

чины эти – в том, что современная литература не связана с политикой, что она не интересуется общественными проблемами. При этом Бестужев, конечно, лукавит: современная ему литература не говорила практически ни о чем другом, кроме общественных проблем. Очевидно, эта мысль не была для критика главной: обсуждая вопросы политизации литературы, он намеренно придавал своим статьям больше веса, добивался большей популярности у читателей.

Вообще содержание бестужевских обзоров вызывало недоумение и у современников, и у позднейших исследователей. Так, Карамзин, прочтя первый из них, отметил: «Обозрение русской литературы написано как бы на смех, хотя автор и не без таланта, кажется»⁴¹.

А историк литературы Н.А. Котляревский констатировал: у Бестужева «нет никакого критического масштаба; он не разделяет ни школ, ни направлений в словесности, он лишь кое-где... верно схватывает основной мотив творчества поэта».

Бестужевские характеристики деятелей отечественной словесности Котляревский называет «сборником сентенций» и отмечает, что «главное значение» в его статьях имела «публицистическая тенденция»⁴².

Котляревский прав: критические статьи в «Звезде», при всей их литературной направленности, решали внелитературную задачу. Сторонники, к примеру, «партии Жуковского», мыслившие одним из своих главных противников автора «Липецких вод» Шаховского, искали в обзорах Бестужева продолжения критики пьесы, однако встречали нейтрально-положительный отзыв о его творчестве: Князь Шаховской заслуживает благодарность публики, ибо один поддерживает клонящуюся к разрушению сцену⁴³.

Сам Жуковский, один из главных оппонентов Шаховского, тоже заслужил положительный отзыв критика:

Есть время в жизни, в которое избыток неизъяснимых чувств волнует грудь нашу; душа жаждет излиться и не находит вещественных знаков для выражения: в стихах Жуковского, будто сквозь сон, мы как знакомцев встречаем олицетворенными свои призраки, воскресшим былом⁴⁴.

Столь же объективным оказался Бестужев и при оценке двух главных эстетических антагонистов эпохи – Николая Карамзина и Александра Шишкова. С Карамзиным ассоциировался «легкий» литературный слог, наполненный заимствованиями из иностранных языков. Шишков же с его книгой «О старом и новом слоге русского языка» противостоял Карамзину, стремясь очистить

русский язык от иноземных влияний. Знаменитое «корнесловие» Шишкова базировалось на идее замены слов с иностранными корнями русскими аналогами. С его именем у современников ассоциировалось литературное «староверство» и политический консерватизм – в аракатеевском духе.

Конечно же, читатели были вправе предполагать, что, коль скоро Бестужев в ранних статьях критиковал эстетически близких к Шишкову Шаховского и Катенина, то образ мыслей Шишкова тоже будет раскритикован, однако и здесь их ждало разочарование.

Конечно, Бестужев отдавал должное Карамзину: «Он преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже отягчалый в руках бесталантных писателей и невежд-переводчиков... долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переворот в русском языке на лучшее»; «там (в «Истории государства Российского». – А. Г., О. К.) видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукою истинного дарования»⁴⁵.

Однако и Шишков удостоился под пером Бестужева безусловной похвалы: «Когда слезливые полурусские Иеремиады наводили нашу словесность, он сильно и справедливо восстал проживу сей новизны в полемической книге “О старом и новом слогe”. Теперь он тщательнее занимается родословною русских наречий и речений и доводами о превосходстве языка славянского над нынешним русским»⁴⁶.

Вообще языковые пристрастия Бестужева из его статьи угадать достаточно сложно. Он утверждал: «От времен Петра Великого с учеными терминами вкралась к нам страсть к германизму и латинизму. Век галлицизмов настал в царствование Елисаветы, и теперь только начинает язык наш обтрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий»⁴⁷.

Таким образом, и «чуждые наречия», и «пыль древности» оказываются для Бестужева равно неприемлемыми. Вообще в качестве одной из главных причин, замедливших ход словесности в России, Бестужев называет «небрежение русских о всем отечественном»⁴⁸.

При этом следует добавить, что в повседневной литературной практике Бестужев был безусловным последователем Карамзина. Язык его повестей, в том числе и опубликованных в «Звезде», вполне укладывается в карамзинскую традицию и никак не связан с «корнесловием»; апелляция к «благосклонному взору красавицы» также говорит сама за себя. Однако лично к Карамзину кри-

тик относился более чем прохладно. Много лет спустя, в 1831 г., он заметит: «Никогда не любил я бабушку Карамзина, человека без всякой философии <...> Он был пустозвон красноречивый, трудолюбивый, мелочный, скрывавший под шумихой сентенций чужих свою собственную ничтожность»⁴⁹.

Но и Шишков не пользовался у Бестужева уважением. «Шишков скотина старовер», – безапелляционно заявлял он в сентябре 1824 г. в частном письме⁵⁰.

Однако в статьях Бестужева четко выражены его политические пристрастия. Они – гимн просвещению, неразрывно связанному у читателя начала 1820-х годов с именем министра Голицына. Русская история представляется ему как битва просвещения с «нищетою и невежеством». Его статьи – борьба с теми, кто не понимает цену просвещения: «Университеты, гимназии, лицеи, институты и училища, умноженные благотворным монархом и поддержанные щедротами короны, разливают свет наук, но составляют самую малую часть в отношении к многолюдству России. Недостаток хороших учителей, дороговизна выписанных и вдвое того отечественных книг и малое число журналов, сих призм литературы, не позволяют проникать просвещению в уезды, а в столицах содержать детей не каждый в состоянии. Феодальная умонаклонность многих дворян усугубляет сии препоны»⁵¹.

Таким образом, задача, которую поставил перед собой и блестяще решил Бестужев, была сходна с задачей всего альманаха. Из разрозненных писательских группировок, разделенных и эстетическими, и политическими пристрастиями, а зачастую и личной враждой, предстояло создать единое литературное пространство, а шире – культурное поле, подконтрольное министру просвещения.

***

Сразу после выхода первой «Полярной звезды» стало ясно: ситуация в российской словесности изменилась. По свидетельству участника заговора Николая Лорера, который не был литератором, но внимательно наблюдал за общими настроениями в Петербурге, альманах оказался «на всех столах кабинетов столицы»⁵². Два ее составителя, еще вчера второстепенные молодые литераторы, в одночасье стали организаторами литературного процесса. А Бестужев, кроме того, еще и арбитром в этом процессе, с мнением которого уже нельзя было не считаться. И этот новый статус составителей «Звезды» был подтвержден авторитетом самых знаменитых писателей, поэтов и журналистов – от Пушкина и Жуковского до Греча

и Булгарина. Естественно, что подобная ситуация задевала честолюбие очень многих литераторов, в том числе и тех, кто участвовал в «Звезде», но до ее выхода не представлял себе общей концепции издания.

«Временными заседателями нашего Парнаса»⁵³ назвал составителей «Звезды» Александр Измайлов. И это мнение разделяли многие: репутации составителей альманаха стали раздражать современников. Желание критиковать «Звезду» подогревали и сами ее составители: известно, что они – видимо, поверив в свое право руководить литературным процессом, часто редактировали присланные в альманах авторские тексты. Переписка Рылеева и Бестужева с участниками «Звезды» сохранила возмущенные отповеди Вяземского и Пушкина, однако далеко не все письма, которые они писали и получали, дошли до нас⁵⁴.

Против «Звезды» в печати выступали многие литераторы: и Петр Плетнев, и Александр Воейков, и Михаил Каченовский, и многие другие журналисты и литераторы. А тот же Измайлов, задетый отзывом Бестужева о собственном журнале «Благонамеренный», в начале 1824 г. шокировал светское общество своим появлением на маскараде в костюме «Полярной звезды» – со звездами на сюртуке и «барабаном критики» на шее. Об этой истории упоминает Булгарин в одном из номеров «Литературных листков»: Измайлов «представляет себя вооруженного фонарем критики, рассматривающего произведения так называемых баловней поэтов и прозаиков, и даже не пощадил своих собственных произведений»⁵⁵.

***

В январе 1824 г., когда вторая «Звезда» еще только выходила из печати, Бестужев написал письмо Вяземскому: «Дельви́г и Слѣнин грозятся тоже “Северными цветами” – быть банкротству, если Вы не дадите руки»⁵⁶.

Перед нами – первое упоминание о расколе в литературе и журналистике, который – не случись декабря 1825 г. – имел бы далеко идущие последствия.

Собственно, весь 1824 – начало 1825 г., время собирания последней книжки «Звезды», было для Рылеева и Бестужева очень тяжелым. Голицын потерял свой пост, отставленный со всех должностей Тургенев покинул столицу и не мог больше оказывать покровительство писателям и журналистам. Некоторые сторонники бывшего министра – тот же Греч и цензор Бируков – оказались под уголовным преследованием. Ситуация осложнялась тем, что Рыле-

ев в момент собирания альманаха уже вступил в тайное общество и осознал себя лидером тайной организации, кроме того, пост правителя дел Российско-американской компании отнимал много времени. Альманах не вышел в срок, к началу года: читатели увидели его лишь весной 1825 г. (цензурное разрешение – 20 марта). В объявлении о выходе третьего альманаха Рылеев и Бестужев просили прощения у «почтенной публики» за это «невольное опоздание»: «Если она («Полярная звезда». – А. Г., О. К.) была благосклонно принята публикой как книга, а не как игрушка, то издатели надеются, что перемена срока выхода ее в свет не переменит о ней общего мнения»⁵⁷.

История возникновения альманаха-конкурента хорошо известна: в процессе подготовки второй «Звезды» Рылеев и Бестужев поссорились со своим издателем, книгопродавцем Иваном Слёниным, и решили отказаться от его услуг. Слёнин предложил Дельвигу издавать «Северные цветы», на что тот согласился. За составление альманаха Слёнин обещал заплатить Дельвигу 4 тысячи рублей. Новый альманах опирался на тот же круг авторов, что и «Звезда»: в принципе других литераторов, чьи имена способны были бы привлечь читателей, в ту пору в России просто не было.

Чтобы не потерять «звездный» состав своего издания, Рылеев и Бестужев решили поставить предприятие на коммерческую основу: авторам они стали платить гонорары. Финансистом проекта стал Рылеев: с помощью разного рода финансовых операций ему удалось добыть сумму, необходимую и для издания третьей книжки, и для выплаты денег авторам⁵⁸.

Друг Рылеева Евгений Оболенский вспоминал: «Во второй половине 1824 г. родилась у Кондратия Федоровича мысль издания альманаха на 1825 год с целью обратить предприятие литературное в коммерческое. Цель... состояла в том, чтобы дать вознаграждение труду литературному более существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившие себя занятиям умственным. Часто их единственная награда состояла в том, что они видели свое имя, напечатанное в издаваемом журнале; сами же они, приобретая славу и известность, терпели голод и холод и существовали или от получаемого жалованья, или от собственных доходов с имений или капиталов»⁵⁹.

«Вознаграждение за литературный труд точно было одною из основных целей издания альманаха», – подтверждал его слова Михаил Бестужев, брат издателя «Полярной звезды»⁶⁰.

«Литературное “соперничество” перерастало, таким образом, в борьбу торговых фирм. Грань между “словесностью” и “коммер-

цией” становилась исчезающе тонкой», – утверждает В.Э. Вацуро в книге, посвященной «Северным цветам»⁶¹. Издатели «Звезды» считали, что за «предприятием» Дельвига стоит недовольный альманахом Воейков, желавший подорвать авторитет «Звезды» и для того составивший план «Северных цветов». Верный своей «разбойничьей» тактике, Воейков пиратским образом перепечатал отрывок поэмы Пушкина «Братья-разбойники», предназначенный для новой «Звезды», и напечатал его в «Новостях литературы», приложении к издаваемой им газете «Русский инвалид»⁶².

Бестужев был убежден, что Дельвиг – лишь исполнитель коварных замыслов Воейкова, что люди из окружения издателя «Русского инвалида» делают все, чтобы поссорить его с Жуковским, Пушкиным и Баратынским.

«Мутят нас через Льва (Льва Пушкина, брата поэта. – А. Г., О. К.) с Пушкиным; перепечатывают стихи, назначенные в “Звезду” им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно; <Жуковский> обещал горы, а дал мышь. Отдал “Иванов вечер” и взял назад; а теперь... в то самое время отказал на мое письмо, уверяя, что ничего нет, когда отдавал Дельвигу новую элегию <...> одним словом, делают из литературы какой-то толкучий рынок», – жаловался Бестужев Вяземскому⁶³.

Финансовая политика «Звезды» оставила на ее страницах много известных имен, в частности имена Пушкина и Жуковского. Большинство главных сотрудников «Звезды» участвовало в обоих альманахах. Однако в последнем выпуске не было редактора «Северных цветов» Дельвига, не прислал своих произведений участвовавший во втором выпуске Кюхельбекер, не было Александра Измайлова и некоторых других авторов. В третьем выпуске было много «литературной продукции» сомнительного качества, вышедшей из-под пера малоизвестных начинающих литераторов. Стало ясно, что альманах – в прежнем его виде объединявший всех и дававший издателям право быть «заседателями» «на Парнасе», – больше существовать не будет.

***

«Полярная звезда» просуществовала всего три года. Она перестала выходить не из-за того, что случилось восстание на Сенатской площади. Трудно выявить и прямую связь между прекращением издания и отставкой Голицына. Проект исчерпал себя не потому, что Рылеев и Бестужев были плохими издателями, и не потому, что их альманах стал качественно уступать тем же «Северным цветам».

Дело, очевидно, было в том, что идея создания единого культурного и литературного пространства в начале XIX в. не была органичной для российских литераторов и не имела для своего существования других предпосылок, кроме административных.

После появления «Северных цветов» литераторы вновь разделились по «партиям»: «партия» Рылеева, включавшая Бестужева, Ореста Сомова, Греча, Булгарина и некоторых других литераторов, вступила во вражду с «партией Дельвига», к которой примкнули Воейков, Жуковский и Баратынский и которую в целом поддерживал Пушкин.

Особняком в этой борьбе стоял, например, Павел Свиньин, издатель «Отечественных записок», не приглашенный ни в один из альманахов. Напечатавший в 1820 г. в своем журнале одно из первых прозаических произведений Рылеева⁶⁴, три года спустя он стал объектом публичных насмешек со стороны близких к Рылееву литераторов. Инициатором травли Свиньина был Булгарин, а в «Полярной звезде» на 1824 год была опубликована «сказка» Измайлова под названием «Лгун»:

Павлушка Медный лоб – приличное прозвание! –
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!⁶⁵

К началу 1825 г. травля уже сошла на нет, но вряд ли издатель «Отечественных записок» забыл оскорбление со стороны собратьев по перу⁶⁶.

Учеником Свиньина был молодой московский журналист Николай Полевой, с 1825 г. начавший издание своего журнала «Московский телеграф».

«В Москве явился двухнедельный журнал «Телеграф», изд. г. Полевым. Он заключает в себе всё, извещает и судит обо всем, начиная от бесконечно малых в математике до петушьих гребешков в соусе или до бантиков на новомодных башмачках. Неровный слог, самоуверенность в суждениях, резкий тон в приговорах, везде охота учить и частое пристрастие – вот знаки сего «Телеграфа», а смелым владеет бог, его девиз», – писал Бестужев в своем последнем обзоре⁶⁷. Этот отзыв стал причиной резкой критики в адрес альманаха, прозвучавшей со страниц «Телеграфа», за что, в свою очередь, на Полевого ополчились Греч и Булгарин.

«Страх журнальной конкуренции заставил журналистов-монополистов встретить новый печатный орган в штыки; Полевой не остался в долгу, и вскоре между “Московским телеграфом”

и изданиями Греча–Булгарина началась настоящая литературная война» – таким видит итог полемики «Звезды» и «Телеграфа» О.А. Проскурин⁶⁸.

Последствия новой литературно-журнальной войны в полной мере сказались уже в другую эпоху, когда власть в России сменилась, а Рылеев и Бестужев были признаны государственными преступниками. Эта война серьезно отличалась от всех предыдущих, ибо в основе ее лежали не столько эстетические и политические пристрастия воюющих сторон, сколько их представления о коммерческой выгоде и способах ее достижения. В историческом смысле Бестужев оказался прав: журналистика постепенно стала превращаться в «толкучий рынок».

Примечания

¹ *Семевский В.И.* Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909. С. 223.

² *Павлов-Сильванский Н.П.* Очерки по русской истории XVIII – XIX вв. // Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения. СПб., 1910. Т. 2. С. 246.

³ *Архипов В.А., Базанов В.Г., Левкович Я.Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 806, 818, 883.

⁴ *Маслов В.И.* Литературная деятельность К.Ф. Рылеева. Киев, 1912. С. 370.

⁵ См. о Рылееве: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 282 с.; *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Сатира К.Ф. Рылеева «К временщику»: Опыт историко-литературного комментария // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 297–340; *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Из истории русской журналистики 1820-х гг.: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиньин // Вестник РГГУ. 2011. № 6. С. 11–36; *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Дума К.Ф. Рылеева «Царевич Алексей Петрович в Рождестве»: из комментариев к произведению // Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею: Сб. ст. Саратов: Наука, 2011. С. 132–148; *Киянская О.И.* К истории газеты «Северная пчела»: Ф.В. Булгарин и Российско-американская компания // Вестник РГГУ. 2012. № 13 (93). С. 24–42.

⁶ *Бестужев А.А.* Эсфирь, трагедия из Священного писания в трех действиях в стихах, сочинение Расина, перевод с французского. С.П.б. 1816 г. в типогр. Дрехслера // Сын Отечества. 1819. Ч. 51. № 3. С. 107–124; *Он же.* Липецкие воды, или Урок кокеткам: Комедия в 5 действиях в стихах. 1815 года. В типогр. импер. театра // Сын Отечества. 1819. Ч. 51. № 6. С. 254–273.

⁷ *Бестужев А.А.* Эсфирь, трагедия из Священного писания... С. 109–110.

⁸ *Бестужев А.А.* Липецкие воды, или Урок кокеткам... С. 265–267, 269.

- ⁹ *Томашевский Б.В.* Пушкин: В 2 т. М.: Худож. лит, 1990. Т. 1. С. 257.
- ¹⁰ *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. С. 288.
- ¹¹ [*Булгарин Ф.В.*] Полярная звезда, карманная книжка для любителей-лиц и любителей российской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 3. С. 293.
- ¹² Полярная звезда. Карманная книжка для любителей и любителей русской словесности на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб. в Тип. Н. Греча. 384 стр. в 16 // Русский инвалид, или Военные ведомости. 1823. № 4. 6 янв. С. 15.
- ¹³ [*Шаликов П.И.*] Полярная звезда. Карманная книжка, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым // Дамский журнал. 1823. Ч. 1. Кн. 1. № 1. С. 38.
- ¹⁴ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 278.
- ¹⁵ Там же. С. 21.
- ¹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 2: Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1820–1823). С. 365.
- ¹⁷ [*Благой Д.Д.*] Комментарий к стихотворению: *Батюшков К.Н.* К творцу «Истории государства Российского» // Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 576.
- ¹⁸ О взаимоотношениях Карамзина и Рылеева см.: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Сатира К.Ф. Рылеева «К временщику»: Опыт историко-литературного комментария. С. 336–338.
- ¹⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 365, 366.
- ²⁰ Цит по: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М.: Мысль, 1975. С. 356.
- ²¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 151.
- ²² Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823–1825) // Литературное наследство. Декабристы литераторы. Т. II. Кн. I. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 202.
- ²³ Там же. С. 208, 211, 213.
- ²⁴ Там же. С. 210.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Из литературной и общественной истории 1820–1830 годов: Письмо П.А. Вяземского А.А. Бестужеву от 20 января 1824 г. // Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11 (нояб.). С. 324.
- ²⁷ См. об этом противостоянии: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф. Рылеева. С. 119–124.
- ²⁸ [*Булгарин Ф.В.*] Литературные новости // Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 2. С. 64–65.
- ²⁹ *Бестужев А.А.* Ответ на критику «Полярной звезды», помещенную в 4, 5, 6 и 7 номерах «Русского инвалида» 1823 года // Сын Отечества. 1823. Ч. 83. № 4. С. 174–175.

- ³⁰ [Греч Н.И.] Новости неполитические // Сын Отечества. 1822. Ч. 82. № 48. С. 84.
- ³¹ Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 205.
- ³² Там же. С. 158.
- ³³ Там же. Т. 2. С. 459.
- ³⁴ *Рылеев К.Ф.* Письмо к А.С. Пушкину от января 1825 г. // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934. С. 479.
- ³⁵ Из литературной и общественной истории 1820–1830 годов: Письмо В.А. Жуковского А.А. Бестужеву 21 августа 1822 г. // Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11 (окт.). С. 311.
- ³⁶ Из литературной и общественной истории 1820–1830 годов: Письмо Д.В. Давыдова А.А. Бестужеву // Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 10 (окт.). С. 166.
- ³⁷ *Бестужев А.А.* Письма Н.А. и К.А. Полевым // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 304.
- ³⁸ *Бестужев А.А.* Письмо А.М. Андрееву от 9 августа 1831 г. // Бестужев А.А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 637.
- ³⁹ Из литературной и общественной истории 1820–1830 годов: Письмо Е.А. Баратынского А.А. Бестужеву и К.Ф. Рылееву // Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11 (нояб.). С. 321–322.
- ⁴⁰ О взаимоотношениях Рылеева и Гнедича см.: *Рылеев К.Ф.* Послание к Гнедичу // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. С. 111–114; *Рылеев К.Ф.* Письмо Ф.В. Булгарину от 20 июня 1821 г. (о Гнедиче) // Там же. С. 458. О взаимоотношениях Рылеева и Хвостова см.: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Правитель дел. С. 20–21. И.А. Крылов знал отца поэта: в 1797 г. будущий баснописец получил должность секретаря генерала Сергея Голицына, а затем несколько лет жил в его украинских имениях, в которых Ф.А. Рылеев служил управляющим.
- ⁴¹ Цит. по: *Архипов В.А., Базанов В.Г., Левкович Я.Л.* Указ. соч. С. 881.
- ⁴² *Котляревский Н.А.* Александр Александрович Бестужев-Марлинский // Котляревский Н.А. Декабристы. СПб.: Летний сад, 2009. С. 225, 235.
- ⁴³ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. С. 25.
- ⁴⁴ Там же. С. 20–21.
- ⁴⁵ Там же. С. 17, 493.
- ⁴⁶ Там же. С. 18–19.
- ⁴⁷ Там же. С. 12.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Александр Бестужев на Кавказе 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. Т. 87. № 6 (июнь). С. 506–507.
- ⁵⁰ *Архипов В.А., Базанов В.Г., Левкович Я.Л.* Указ. соч. С. 849.
- ⁵¹ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. С. 28.
- ⁵² *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 60.
- ⁵³ Письма А.Е. Измайлова к И.И. Дмитриеву 1816–1830 // Русский архив. 1871. Т. 16. № 7–8. Стб. 975.

- ⁵⁴ См.: Переписка А.С. Пушкина. Т. 2. С. 25; Т. 1. С. 462; Из литературной и общественной истории 1820–1830 годов: Письмо П.А. Вяземского А.А. Бестужеву // Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11 (нояб.). С. 322–325.
- ⁵⁵ [Булгарин Ф.В.] Литературные новости // Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 2. С. 66.
- ⁵⁶ Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому. С. 214.
- ⁵⁷ Бестужев А.А., Рылеев К.Ф. Объявление // Литературные листки. 1824. Ч. 4. № 23–24. С. 180; Бестужев А.А., Рылеев К.Ф. Объявление // Сын Отечества. 1825. Ч. 99. № 1. С. 111.
- ⁵⁸ О финансировании «Полярной звезды» см.: Готовцева А.Г., Киянская О.И. Правитель дел. С. 47–59.
- ⁵⁹ Оболенский Е.П. Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 85.
- ⁶⁰ Воспоминания Бестужевых. СПб.: Наука, 2005. С. 241.
- ⁶¹ Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига–Пушкина. М.: Книга, 1978. С. 9.
- ⁶² Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому. С. 226. Ср. письмо Рылеева и Бестужева к А.Ф. Воейкову от 15 сентября 1824 г. // Рылеев К.Ф. Сочинения / Ред., вст. ст. и коммент. С.А. Фомичева. Л.: Худ. лит., 1987. С. 309.
- ⁶³ Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому. С. 223, 226.
- ⁶⁴ Рылеев К.Ф. Еще о храбром М.Г. Бедрге // Отечественные записки. 1820. Ч. 4. № 8 (дек.). С. 284.
- ⁶⁵ «Полярная звезда», изданная К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым. С. 388–390.
- ⁶⁶ Подробнее об этом см.: Готовцева А.Г., Киянская О.И. Из истории русской журналистики 1820-х годов: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиныин.
- ⁶⁷ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. С. 497.
- ⁶⁸ Проскурина О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. С. 272.

ЖУРНАЛ «ЗВЕЗДОЧКА» А.О. ИШИМОВОЙ

В статье идет речь о детском журнале, издававшемся в середине XIX в, – «Звездочке» А.О. Ишимовой. Это был один из первых журналов для детей. Как издание сугубо монархической направленности «Звездочка» вызывала неодобрение со стороны либерально настроенных современников. В статье подробно проанализированы материалы журнала и показано, как в иносказательной форме в его статьях реализовывались идеологические установки царствования Николая.

Ключевые слова: А.О. Ишимова, журнал «Звездочка», Я.К. Грот, Н.А. Добролюбов.

Имя Александры Осиповны Ишимовой обычно ассоциируется с детской литературой. Отчасти это верно, поскольку славу писательнице принесла «История России в рассказах для детей», которая еще при жизни автора была перепечатана несколько раз. Но Ишимова также была журналистом – она выпускала детские журналы «Звездочка» и «Лучи». «Звездочка» выходила в 1842–1845 гг. двумя отдельными изданиями с подзаголовками: «Журнал для детей младшего возраста» и «Журнал для детей старшего возраста» (последнее издание в 1850–1860 гг. выходило под названием «Лучи» и с подзаголовком «Журнал для девиц»).

Современники отзывались о ее деятельности негативно. Н.А. Добролюбов в статье «Обзор детских журналов» пишет о том, что редакция «очень мало думает о современном движении идей и остается по-прежнему очень преданною высшим отвлеченностям и идеальным стремлениям»¹. Это абсолютно естественная реакция критика на консервативность журнала. Ранее выражал неодобрение общей направленности журнала и В.Г. Белинский. «“Звездоч-

ка” всегда была дрянью», – безапелляционно заявлял он в частном письме².

В советский период как личность Ишимовой, так и ее журналистская деятельность оказались прочно забытыми. Это и понятно: в Стране Советов не было места промонархическому изданию.

Об Ишимовой заговорили снова уже в период перестройки. Однако отношение к ней почти не претерпело изменений. Хотя в книге «Детская литература», вышедшей под общей редакцией Е.Е. Зубаревой, Ишимова названа «первой профессиональной писательницей в детской литературе»³, отношение к ней авторов весьма негативное: цитируя отрицательные отзывы Белинского и Добролюбова, они не только подчеркивают религиозность и консервативность журналов, но и иронизируют над историческими трудами Ишимовой: «Исторические события она объясняла идеалистически, ссылаясь на предопределенность их божьей волей»⁴.

В настоящее время отношение к Ишимовой и ее журналистике гораздо более сдержанное. Исследователи от идеологических оценок перешли к изучению журналов. Историю создания журналов описала О.С. Стыкалина в работе «К истории создания журналов для детей А.О. Ишимовой “Звездочка” и “Лучи”». Автор достаточно полно рассмотрела идею создания детских журналов женщиной в контексте николаевской эпохи, возможность или невозможность определенных публикаций, а также трудности, которые пришлось преодолеть как самой Ишимовой, так и всей редакции. Л.Н. Аверьянова попыталась реабилитировать Ишимову в отечественной историографии, отмечая ее несомненные заслуги на ниве просвещения⁵.

***

«Звездочка» – одно из первых изданий для детей. Журнал был направлен на обучение детей, следовательно, должен был соответствовать определенным правилам, обозначенным властью. Политика в области просвещения в принципе не очень отличалась от государственной политики в целом, проводимой императором Николаем I. Николаевская эпоха – время полного проникновения государственной идеологии в общественную жизнь. А образование как одна из главных сфер общественной жизни среди первых отразило концепцию монарха. Государство было заинтересовано в появлении новых рычагов воздействия на граждан. Собственно, если журнал мог свободно издаваться, распространяться в детских учебных заведениях, то, следовательно, его содержание полностью удовлетворяло органы цензуры: он распространял монархические

и христианские идеи, созвучные существующей идеологической концепции власти – созданной С.С. Уваровым триаде «православие – самодержавие – народность».

Огромная педагогическая и идеологическая роль журналов для детей была отмечена еще Н.И. Новиковым, издателем первого в России журнала для детей. «Чтение таких пиес, – писал он в предуведомлении к первой части «Детского чтения для сердца и разума», – послужит к рождению в младых сердцах таких чувствований, без которых человек в жизни благополучен и доволен быть не может. Они помогут вам некогда сделаться угодными вашему Творцу и добрыми гражданами нашего отечества»⁶. Таким образом, отмечалось два направления в воспитании юношества – религиозное и государственно-идеологическое.

Через много лет оба эти направления отразились в «Звездочке» – государственная идеология царствования Николая I как бы соединила их в себе. Она диктовала определенные принципы подачи материала. Журналы Ишимовой занимались возвышением царской власти и христианской церкви в глазах читателей. В данной статье на примере материалов за 1848 г. – год европейских революций – будет показано, как в завуалированной, доступной для детей форме проводилась пропаганда официальной идеологии.

***

Поэтические произведения, опубликованные в «Звездочке», практически все посвящены религиозной теме, они подписаны либо криптонимом, либо анонимны, что затрудняет выяснение круга авторов журнала.

Стихотворение «Дума о севере» написано анонимным автором. Оно призвано развить религиозное чувство, привычку размышлений наедине с самим собой:

Я полон восторга, святых ощущений,
Но не с кем, как прежде, делить впечатлений⁷.

Стихотворение «Безумец человек, когда в нем жизнь играет...» опубликовано под псевдонимом А.К. (можно предположить, что под этим псевдонимом скрывался Александр Костылев, некоторые свои стихотворения в «Звездочке» подписывавший полным именем). Рассказывает оно о вечной борьбе духа с телом: душа стремится ввысь, а телесная оболочка желает остаться на земле:

Душа грустит о небесах,
Но самый человек не райское творенье:
Он праха сын, и любит этот прах...⁸

Далее поднимается вопрос: а достоин ли человек небесной жизни, если он так боится покинуть этот бранный мир? Ответ: достоин, поскольку Творец «любит до конца», он всепрощающ.

Надо отметить, что философские стихотворения, а также переводы за подписью А.К. появляются в «Звездочке» достаточно регулярно⁹. Этим же криптонимом подписан, в частности, и перевод с немецкого, напечатанный в 28-й части¹⁰.

Есть и переводные произведения на религиозные темы. Например, перевод «Молящейся» из Матиссона¹¹, а также «Мадонны» из Новалиса. Последнее стихотворение перевел Григорий Данилевский. Известный писатель и публицист, выпускник Петербургского университета, он занимался переводами Шекспира, Байрона, на протяжении 20 лет (1869–1890) был редактором официальной газеты «Правительственный вестник». В начале литературной деятельности Г.П. Данилевский писал стихи, позже работал над исторической беллетристикой. Судя по дате, указанной в конце стихотворения (5 апреля), Данилевскому было всего 18 лет, когда его перевод был опубликован. В произведении снова поднимается религиозная тема – образ Божьей Матери:

Вижу ль Тебя тогда, – в сладком молчании,
Мысли, как звезды, в душе загораются...¹²

Обращение к Божьей Матери, а не к Богу-Творцу было характерно скорее для католической и протестантской Европы, нежели для русского религиозного самосознания.

Стихотворение А. Попова, входящее составной частью в материал, рассказывающий о выпуске из Смольного института, вполне соответствует концепции журнала:

Сиротками в приют священный
Вошли мы в сень монастыря,
Благодаря Творца вселенной
За милость к нам Отца-Царя¹³.

В стихотворении «Журавли» не указан автор. В нем нет религиозных мотивов, зато пропагандируются семейные ценности:

Жаль расстаться с кровлею родною,
 Жаль покинуть край,
 Если связан с ним душою;
 Если ж милые с тобою,
 Всюду будет рай¹⁴.

Известное стихотворение П.А. Вяземского «Святая Русь» – апофеоз официальной идеологии:

Когда народным бурям внемлю
 И с тайным трепетом гляжу,
 Как Божий гнев карает землю,
 Предав народы мятежу;

Когда надменные ученья,
 Плоды лжемудрости и тьмы,
 Питают ядом обольщенья
 Самолюбивые умы;

<...>

Горжусь венцом многодержавным,
 Блестящим на челе твоём,
 И некогда, не меньше славным,
 Твоим страдальческим венцом.

<...>

О, дорожи своим залогом!
 Блюди тобой избранный путь
 И пред людьми, и перед Богом,
 Святая Русь, святою будь!

О, будь всегда, как и доньше,
 Ковчегом нашим под грозой,
 И сердцу русскому святыней,
 И нашей силой пред враждой!¹⁵

***

Прозаических произведений было опубликовано в «Звездочке» примерно столько же, сколько поэтических. Ситуация с их авторством была такая же, как и с авторством поэтических: в «Звездочке» было много анонимных или подписанных только инициалами текстов. Несмотря на то что в некоторых материалах присутствовала религиозная тема, были работы, совсем не поднимающие подобные вопросы. Прозаические материалы преследовали другие цели.

Так, научные материалы лишены религиозно-дидактической составляющей. Они преследуют учебные цели: в доступной форме изложить основы знаний по тем или иным наукам.

Среди такого рода материалов привлекает к себе внимание работа В.И. Шиховского о прорастании «зародыша в семени». В.И. Шиховский был, по-видимому, сыном известного ботаника Ивана Осиповича Шиховского. Статья весьма интересная, написана легко. Интересны приемы, с помощью которых автор пытается привлечь внимание юного читателя. Так, он сравнивает Кощея Бессмертного и его душу в ящике со срединным ростком лука. Цель автора была в том, чтобы превратить изучение биологии из скучного и иногда слишком трудного занятия в интересное времяпровождение, приохотить детей к постижению научных знаний.

Таким образом, лицо журнала определялось не только идеологическим воспитанием, но и научным просвещением.

Более того, в 27-й части «Звездочки» появился материал, который никак нельзя назвать религиозным и тем более промонархическим. Это «Десять правил для жизни», которые написал третий президент США, один из авторов «Декларации о государственном суверенитете», Томас Джефферсон своему тезке Томасу Джефферсону Смиуту. Как известно, в 1780 г. Екатерина II, отказавшись помогать Англии в борьбе за колонии и объявив о вооруженном нейтралитете, фактически поддержала новое республиканское государство. С тех пор отношения между Россией и США (если не считать некоторых трений из-за территорий Российско-американской компании) были дружественными. В первой половине 40-х годов XIX в. американские инженеры привлекались для строительства железной дороги между Москвой и Санкт-Петербургом. Таким образом, этот материал свидетельствует о том, что идеологическая компонента уваровской триады уступала иногда место завуалированному подчеркиванию внешнеполитических интересов Российской империи.

Сами же «Правила» не содержат в себе ничего политического или идеологического. Они являются морально-дидактическими размышлениями и советами. Вот некоторые из них:

4. Никогда не покупай бесполезных вещей потому только, что они дешевы <...>
5. Гордость дороже нам приходится, нежели голод, жажда и холод <...>
8. Как часто чувствуем мы в воображении нашем то страдание, которое в действительности никогда не наступает для нас¹⁶.

Рассказ «Богач и бедняк»¹⁷ можно назвать правоучительной притчей. Религиозная тематика в нем уступает место политической пропаганде. Он направлен против эгалитаризма, проповедуемого европейским революционным движением. Содержание рассказа просто. Бедняк, пожелавший, чтобы не было богатых, не было роскоши, сам остался без работы и средств к существованию, потому что его помещик, оказавшись в весьма стесненных материальных обстоятельствах, не смог ему работу предоставить. Потеряли работу и его родственники, производившие предметы роскоши. В конце делается вывод о том, что «издержки богатого не вредят бедному, пока не вредят самому богатому»¹⁸. Излишняя роскошь губительна и для богатых, однако именно социальное неравенство – основа экономического благосостояния.

Аналогично морально-дидактическим целям служил исторический анекдот. Исторический анекдот в то время – случай из истории, произошедший с тем или иным известным человеком. Сама форма подачи материала в историческом анекдоте выполняла обучающую функцию. Знание исторических анекдотов зачастую заменяло историческую эрудицию. «Анекдот из жизни Фридриха Великого», опубликованный в 27-й части журнала А. Костылевым, никоим образом не относится к характерным для журнала религиозным материалам. Речь идет о том, как однажды во время прогулки король Фридрих, «который, как известно, сильно нюхал табак»¹⁹, увидел инвалида, который жевал табак. Ему это не понравилось, и он стал убеждать воина, что от такого способа приема табака можно быстро умереть. Оказалось, что этому инвалиду уже семьдесят лет, и жует табак он с шестнадцати. Фридрих решил провести эксперимент: поместил трех человек одинакового возраста, которые примерно одинаковое время употребляли табак, в отдельный дом и приказал выдавать им табак, только следить за тем, чтобы каждый употреблял его так, как и раньше. В итоге те, которые курили и нюхали табак, умерли гораздо раньше. А инвалид, который жевал табак, пережил монарха. Подобного рода рассказы о монархах и о сметливых простолюдинах жили в европейской культуре еще со Средневековья, постепенно перебираясь на русскую почву как в виде переводов, так и в виде оригинальных рассказов.

Помимо поучительных рассказов, в журналах есть целая серия материалов о различных городах и странах, служащая, безусловно, просвещенческим целям. Среди них «Прогулка по Готенбургу» известного ученого Я.К. Грота, «Две ночи в Мехике», «Новая Земля», «Африканские сцены»²⁰ и другие. «Прогулка по Готенбургу»²¹ –

часть записок, сделанных Гротом во время его путешествия в Швецию в 1847 г. Много места уделяется самым мелким деталям. По пути на фабрику пива автор рассказывает о том, как он нанимал извозчика, мимо каких улиц и домов проезжал. Затем следует рассказ о том, как варится это знаменитое шведское пиво. «Прогулка...», затем вошедшая в полное собрание сочинений Грота²², изданное его сыном, впервые была опубликована в «Звездочке», о чем в «Трудах Я.К. Грота» имеется специальное примечание. Яков Грот был хорошим знакомым Ишимовой. Его публикации появлялись в журнале довольно часто.

***

Присутствовал в «Звездочке» и такой обязательный атрибут журналов XIX в., как отдел библиографии. Назывался он традиционно – «Новые книги».

В 25-й части впервые за два месяца появился подобный обзор книг. Причина такой задержки – отсутствие хотя бы «одной замечательно-хорошей книги для молодых людей»²³. Поэтому «Звездочка» возвращается к тому, что было напечатано годом ранее, – к изданиям басен И.А. Крылова. В рецензии отмечается, что вышедшее в том же году собрание сочинений Крылова предназначено для взрослых, тогда как его басни адресованы детям. Причем основной упор делается на то, что издание для детей более дешевое.

После этого речь идет о книге, «достойной вашего внимания»²⁴. Это – «Педагогическая гимнастика со включением плавательного искусства» Ф.З. Германа²⁵. Отзыв на эту книгу заключается в одном предложении, которое никак не отображает содержание: «О пользе гимнастики мы уже не раз говорили в книжках Звездочки»²⁶. Вероятно, это связано с тем, что таких пособий было немного, и каждое было достаточно известно и уникально. Однако такое беглое упоминание говорит также об авторитете журнала: простое упоминание книги должно было привлечь к ней читателей.

Далее следует перечисление книг, к которым не дан даже краткий обзор: «Великий пост, или беседы на св. Четырдесятницу», «Слова, беседы и речи к пастве Харьковской», «Всеобщий географический атлас». Указано, где можно купить эти произведения. В списке книг много христианской религиозной литературы. Видимо, данный раздел был предназначен для родителей или наставников, так как утилитарная информация вроде стоимости и места приобретения юным читательницам была не нужна.

***

Замысел издания удался, «Звездочка» выходила почти 20 лет. Целью Ишимовой было воспитание и образование подрастающего поколения, что, конечно, не могло вестись помимо официальной государственной концепции. Тем не менее многие материалы журнала интересны и познавательны и действительно служат целям просвещения.

 Примечания

---

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. С. 490.

² Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1981. Т. 7. С. 732. Надо отметить, что в официальных рецензиях, публикуемых в «Отечественных записках», оценки Белинского были вполне положительны (Там же. Т. 5. С. 221; Т. 7. С. 428). Однако представляется, что доверять стоит мнению, высказанному частным образом.

³ Детская литература / Под ред. Е.Е. Зубаревой. М.: Просвещение, 1989. С. 90.

⁴ Там же.

⁵ Аверьянова Л.Н. Александра Осиповна Ишимова – известная русская писательница XIX века, педагог и переводчик // Школьная библиотека. 2004. № 5. С. 31–37.

⁶ Новиков Н.И. Благородному российскому юношеству // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч. 1. С. 5.

⁷ П. В-ий. Дума о севере // Звездочка. 1848. Ч. 25. С. 1.

⁸ А.К. «Безумец человек, когда в нем жизнь играет...» // Там же. С. 40.

⁹ См., напр.: Звездочка. 1848. Ч. 26. С. 61; 1848. Ч. 28. 145, 178–179.

¹⁰ А.К. Невидимому. Сонет из Уланда // Там же. Ч. 28. С. 144.

¹¹ Молящаяся // Там же. Ч. 25. С. 160.

¹² Мадонна // Там же. 1848. Ч. 27. С. 10. Григорию Данилевскому принадлежит в «Звездочке» и другой перевод из Новалиса (Наши крылья // Звездочка. Ч. 27. С. 113).

¹³ Попов А. Чувства и молитвы воспитанниц при выходе из заведения // Звездочка. Ч. 26. С. 54.

¹⁴ Костылев А. Журавли // Звездочка. Ч. 25. С. 76.

¹⁵ Вяземский П.А. Святая Русь // Там же. 1848. Ч. 27. С. 23–27.

¹⁶ Десять правил для жизни // Там же. С. 178–179.

¹⁷ В-ский. Богач и бедняк // Там же. Ч. 25. С. 48–58.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ Анекдот из жизни Фридриха Великого / Пер. с нем. А. Костылева // Звездочка. Ч. 27. С. 53.

²⁰ Верещагин В. Поморы // Звездочка. Ч. 25. С. 3–39; Он же. Самоеды // Там же. Ч. 26. С. 123–144; Он же. Новая Земля // Там же. Ч. 27. С. 61–79, 125–142; Он же. Северная Двина // Там же. Ч. 28. С. 90–120, 146–175;

Две ночи в Мехике / Пер. с нем. В. Верещагина // Там же. Ч. 26. С. 5–20;
Н.У. Африканские сцены // Звездочка. Ч. 27. С. 89–98 и др.

²¹ Грот Я.К. Прогулки по Готенбургу // Звездочка. 1848. Ч. 25. С. 100–113.

²² Труды Я.К. Грота: В 5 т. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1898. Т. 1.
С. 558–563.

²³ Новые книги // Звездочка. Ч. 25. С. 171.

²⁴ Там же. С. 172.

²⁵ Герман Ф.З. Педагогическая гимнастика с включением плавательного искусства. СПб., 1847. 154 с.

²⁶ Новые книги // Звездочка. Ч. 25. С. 172.

Е.В. Колесникова

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863–1864 гг.
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ» П.Д. БОБОРЫКИНА

В статье идет речь об освещении восстания в Польше 1863–1864 гг. в журнале П.Д. Боборыкина «Библиотека для чтения». Анализируется ситуация в журналистике 1860-х годов, позиции редакторов журналов по польскому вопросу. Описывается полемика, которую журнал вел с изданиями М.Н. Каткова, и прежде всего с его журналом «Русский вестник». Делается вывод о том, что в вопросе о свободе Польши журнал Боборыкина придерживался демократических позиций, был сторонником точки зрения, выраженной в журнале «Колокол» А.И. Герцена.

Ключевые слова: П.Д. Боборыкин, Н.Н. Воскобойников, журнал «Библиотека для чтения», Польское восстание 1863–1864 гг.

Художественное творчество Петра Дмитриевича Боборыкина хорошо изучено¹. Однако из поля зрения исследователей практически выпала еще одна сфера деятельности Боборыкина – его журналистская и редакторская деятельность. Отчасти это связано с тем, что в годы советской власти он был признан «буржуазным» писателем. Журнал, который он издавал, «Библиотека для чтения», оказался убыточным, и это тоже не способствовало исследовательскому интересу.

Между тем журналистская и редакторская деятельность Боборыкина безусловно достойны изучения: без этого наши представления об историко-культурной ситуации второй половины XIX в. заведомо будут неполными.

Ярчайший пример такой неполноты – рассуждения исследователей о ситуации в отечественной журналистике, сложившейся в результате Польского восстания 1863–1864 гг. Современный исследователь, рассуждая о самоопределении русских журналистов по отношению к польскому вопросу, выделяет «в русской публицистике 60-х годов» «четыре основных направления»: 1) славя-

нофильское и почвенническое направление; его представители искали национальные идеалы в духовных, нравственных началах, отождествляя понятия русскости и православия, для них была характерна идеализация русской нации и признание ее всемирной исторической миссии (газеты И.С. Аксакова «День», «Москва», «Москвич», «Русь», журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»); 2) консервативно-монархическое направление (или государственный национализм) тесно связывало развитие нации с ее государственным, самодержавным началом, выступало с идеей преобразования Российской империи в национальное русское государство (издания М.Н. Каткова «Московские ведомости» и «Русский вестник»); 3) либерально-буржуазное направление стремилось к конституционному преобразованию Российского государства по западноевропейскому образцу, к созданию гражданского общества и политической нации (журнал М.М. Стасюлевича «Вестник Европы»); 4) революционно-демократическое направление выступало с социально-революционными лозунгами, стремилось с помощью социальной революции создать новую русскую свободную нацию без сословий и монарха (журнал А.И. Герцена «Колокол», журнал Н.А. Некрасова и И.И. Панаева «Современник»)².

Однако, во-первых, самоопределение, о котором рассуждает исследователь, произошло далеко не сразу. А во-вторых, в перечне отсутствует журнал «Библиотека для чтения» – и это серьезное упущение, поскольку позиция Боборыкина оказалась в 1863 г. выраженной достаточно ярко.

В данной работе будут проанализированы две статьи, опубликованные в «Библиотеке» и посвященные польскому вопросу, – «Польское дело» и «Польша и наша публицистика» (состояла из двух частей). Об обстоятельствах появления этих статей в журнале Боборыкин вспоминал впоследствии: «Журнал попал в мои руки как раз к тому моменту, когда польское восстание разгорелось и перешло в настоящую партизанскую войну. Польской литературой и судьбой польской эмиграции он (Н.Н. Воскобойников, сотрудник журнала; с 1865 г. – соиздатель «Библиотеки для чтения». – Е. К.) интересовался уже раньше и стал писать статьи в “Библиотеке”, где впервые у нас знакомил с фактами из истории польского движения, которые повели к восстанию. Он читал по-польски. <...> Он дельно и в хорошем тоне составлял ежемесячное обозрение с такими подробностями и цитатами с польского, каких *нигде* в других журналах не появлялось, даже и в тех, которые считались радикальнее во всех смыслах, чем наш журнал»³.

Таким образом, автором этих статей, по свидетельству Боборыкина, был журналист Николай Воскобойников – офицер, служивший в то время в Польше и занимавшийся организацией безопасности железных дорог.

***

Восстание в Польше, начавшееся в январе 1863 г., вызвало смятение и среди власть имущих, и среди журналистов. Для императора Александра II это восстание было изменой по отношению лично к нему. «Александр II, вступив на престол, ослабил режим военной диктатуры, установленный в Царстве Польском после подавления восстания 1830–1831 гг. По амнистии на родину вернулось 9 тысяч бывших участников восстания. Цензура выпустила в свет сочинения ранее запрещенных писателей, разрешила выпуск неправительственных журналов и газет. Католическая церковь получила самостоятельность, получила свободу и оппозиция. В 1857 г. власти утвердили устав Общества землевладельцев во главе с графом А. Замойским – сторонником мирного обретения независимости. Польские деятели требовали восстановить конституцию, дарованную Александром I в 1815 г., передать Царству земли Речи Посполитой до Днепра и Западной Двины и вернуть краю полную независимость», – пишет современный исследователь⁴.

Петербургские журналы и газеты в первые полгода восстания писали о польских событиях по преимуществу информационные заметки, не зная, как правильно реагировать на происходившее. В этой атмосфере в июне 1863 г. в «Библиотеке для чтения» появляется большая статья «Польское дело»⁵. Ее автор приводит подробности из истории Польши до и после вхождения в состав России, подробно анализирует причины и ход восстания. Однако однозначного вывода о том, на чьей стороне правда, в статье нет. Очевидно, что Воскобойникову с Боборыкиным, как и другим журналистам, политический расклад был понятен не до конца.

Однако по мере «разгорания» польского восстания и в общественном мнении, и в журналистике разгорались эмоции. Консервативно-монархическое направление, выраженное в изданиях Каткова, постепенно занимало лидирующие позиции. В марте 1863 г. Катков утверждал: «Оставляя за Польшей какую-либо политическую особенность значило бы понапрасну питать в польской национальности несбыточные надежды на восстановление польского королевства и тем поставлять ее в враждебные отношения к России, делать ее смертельным нашим врагом и подготавливать для будущего возможность новых восстаний, новых кровопролитий»⁶.

И хотя поначалу его позиция не была поддержана журналистами, к концу лета 1863 г. такая позиция стала общепринятой. Более того, по мнению специалистов, именно позиция Каткова в итоге и предопределила решительные действия правительства⁷.

Главным врагом в польском вопросе для Каткова был Герцен, знаменитый журналист и политический эмигрант, издатель газеты «Колокол». Задолго до событий 1863 г. он был сторонником польской независимости и призывал русских «соединиться» «с поляками в общую борьбу “за нашу и их вольность”». «Чего хочет Польша? – писал он. – Польша хочет быть свободным государством, она готова быть соединенной с Русью, но с Русью тоже свободной... Для того, чтобы соединиться с нею, ей необходима полная воля. Поглощение Польши царской Россией нелепость, насилие... Польша, как Италия, как Венгрия, имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России»⁸.

В августе 1863 г., когда позиции определились достаточно четко, в «Библиотеке для чтения» выходит статья «Польша и наша публицистика»⁹.

На взгляд автора статьи, ситуация в Польше была очень сложной: все пришло в упадок, в том числе литература, искусство, наука и промышленность. «Польша когда-то была, на короткое время, одною из передовых держав в деле просвещения, а теперь что стало с польскою наукою, с польским искусством, с польской общественной жизнью, торговлею и промышленностью?.. Вся теперешняя польская жизнь обращена к прошедшему, которое вдохновляет...»¹⁰

После описания положения Польши автор переходит к обзору петербургских периодических изданий и отмечает, что раньше в них публиковались небольшие сводки о восстании, а журналисты не брались за какие-либо рассуждения и мысли по этому вопросу. Теперь, когда общественное мнение сформировалось, публицисты стали писать большие статьи и не боятся высказывать свою точку зрения.

Первым в ряду публицистов автор статьи «Польша и наша публицистика» упоминает Каткова. Он считает статьи Каткова необъективными, поскольку они носят политический, «партийный» характер. Верную оценку происходившему в Польше там не следует искать, так как мнение Каткова меняется согласно его политическим целям: «В его статьях не для чего искать всесторонней оценки польского вопроса», оценки Каткова «беспрестанно меняются... сообразно той цели, которая непосредственно имеется в виду»¹¹.

В статье также анализируются взгляды Аксакова, редактора газеты «День». По мнению автора статьи, Аксаков занял чисто ли-

тературную позицию и предлагал полякам решить вопрос простой полемикой. Редактор «Дня» считал, что в Польше нужно строить как можно больше русских церквей, школ или хотя бы поддерживать их, чтобы в будущем избежать таких волнений. Однако из-за отсутствия четкой политической позиции Аксакова его «мнения» проигрывают «мнениям» Каткова.

Позиция самого Воскобойникова выражена достаточно жестко и сближается с позицией Герцена: «Что бы ни случилось с Польшей, нам, во всяком случае, необходимо остаться самим по себе. Для нашего собственного развития Польша нам не нужна... Польский вопрос определился теперь с совершенною ясностью, и до сих пор минута очень удобна для того, чтобы мы дали ему истинное решение. Если бы мы сумели решить польское дело, то за нами бы осталось удивление всего мира, и к нам бы пришла, наконец, благодарность самой Польши»¹².

Кстати, упоминается в данной статье и сам Герцен – как антипод Каткова. Каткову в вину ставятся его конспирологические выкладки: «“Русский вестник” признал за господином Герценом огромное влияние, перед которым “все снимали шляпы и кланялись”, он заговорил даже о целой “партии беспорядка”, о ее “интриге” и занял относительно всех сюда относящихся явлений положение противного лагеря»¹³. Естественно, автор уверен, что никакой «партии беспорядка» на самом деле не существует.

В октябрьском выпуске «Библиотеки для чтения» публикуется продолжение статьи «Польша и наша публицистика» – теперь она имеет подзаголовок «Справедливо ли обвинение по польскому делу, возведенное г. Катковым на петербургскую журналистику»¹⁴. Опубликованная тогда, когда восстание было уже практически подавлено, а общественное мнение требовало покарать «изменников», она представляла собою попытку защититься как раз от обвинений в измене.

Собственно, статья является ответом Каткову, который первым разглядел «измену» среди собратьев по перу. К измене он приравнял «молчание», которым ответила российская печать на начало восстания. «Позволяем себе думать, что мы имеем не только право, но и обязанность отвечать на страшное обвинение в измене, в не любви к родному народу»¹⁵, – парирует эти обвинения автор статьи в «Библиотеке для чтения».

Автор утверждает, что периодические издания никогда не «молчали» о польском вопросе, а то, что Катков принимал за «молчание», на самом деле является «сбивчивостью и замешательством». Автор разбирает статьи Каткова, которые он писал в первые недели

польского восстания, и приходит к выводу о том, что «замешательство» было свойственно ему точно так же, как и другим издателям. «При начале восстания, – утверждает автор, – г. Катков, теперешний руководитель общественного мнения, не имел никакого ясного представления о польском деле. Он не знал тогда ни сущности притязаний польской народности, ни замыслов польской партии действия, ни выработанного ею плана для борьбы»¹⁶. Этих «ясных представлений» у издателей не было потому, что до восстания журналисты практически не давали себе труда узнать, чем живет Польша.

Не отказываясь в целом от своей позиции, выраженной в первой части статьи, Воскобойников, тем не менее, склонен объяснять ее теми же ошибками.

***

Соответственно, можно сделать следующий вывод: классификацию российских периодических изданий – в их отношении к польскому вопросу – следует дополнить, включив в нее «Библиотеку для чтения», разделявшую демократические воззрения на польские события.

Следует также признать: Воскобойников как публицист был смелым полемистом с ярко выраженной политической позицией. Безусловно, творчество этого публициста нуждается в самом тщательном дальнейшем изучении.

Кроме того, следует учитывать: в истории с публикациями, посвященными польскому восстанию, Воскобойникова безусловно поддерживал сам Боборыкин, издатель «Библиотеки для чтения». «Когда я много лет спустя просматривал эти статьи в “Библиотеке”, я изумлялся тому, как мне удавалось проводить их *сквозь тогдашнюю* цензуру <...> С студенческих лет я имел симпатии к судьбам польской нации, а в конце 60-х годов в Париже стал учиться по-польски и занимался и языком и литературой поляков в несколько приемов, пока не начал свободно читать Мицкевича», – утверждал он в мемуарах¹⁷.

Примечания

¹ См., напр.: *Чупринин С.И.* Начало века: Москва начала XX столетия глазами русских писателей. М.: Московский рабочий, 1988; *Виленская Э., Ройтберг Л.* [Вступительная статья] // Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. М.: Худ. лит., 1965. Т. 1. С. 5–26; *Сараскина Л.И.* Модный писатель в салоне и дома (версия П.Д. Боборыкина) // Знамя. 1998. № 4. С. 205–219; *Щеблыкин С.И.* П.Д. Боборыкин – критик и теоретик литературы. Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2004 и др.

- ² *Иванова С.* Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. Wrocław, 2012. № 1 (2). С. 12.
- ³ *Боборыкин П.Д.* За полвека [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0060.shtml (дата обращения: 26.04.2012).
- ⁴ *Воронин Е.В.* Польское восстание 1863–1864 гг. [Электронный ресурс] // Слово: Православный образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35317.php> (дата обращения: 30.01.2012).
- ⁵ [*Воскобойников Н.Н.*] Польское дело // Библиотека для чтения. 1863. Июнь. С. 1–64.
- ⁶ Московские ведомости. 1863. № 69. 28 марта.
- ⁷ *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. С. 30.
- ⁸ *Герцен А.И.* Поляки прощают нас... // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1957. Т. 12. С. 93; *Он же.* Россия и Польша // Там же. Т. 14. С. 18.
- ⁹ [*Воскобойников Н.Н.*] Польша и наша публицистика // Библиотека для чтения. 1863. Август. С. 87–130.
- ¹⁰ Там же. С. 89.
- ¹¹ Там же. С. 111.
- ¹² Там же. С. 129–130.
- ¹³ Там же. С. 106.
- ¹⁴ [*Воскобойников Н.Н.*] Польша и наша публицистика: (Справедливо ли обвинение по польскому делу, возведенное г. Катковым на петербургскую журналистику) // Библиотека для чтения. 1863. Октябрь. С. 142.
- ¹⁵ Там же. С. 145.
- ¹⁶ Там же. С. 151.
- ¹⁷ *Боборыкин П.Д.* За полвека.

Г.А. Элиасберг

СТАТЬИ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕАТРАХ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ТЕАТР И ИСКУССТВО» (1897–1918)

Статья посвящена деятельности петербургского журнала «Театр и искусство» по ознакомлению русской публики с драматургией и театральной жизнью на национальных окраинах Российской империи. Особое внимание уделяется польскому театру и драме и их отражению на страницах «Театра и искусства».

Ключевые слова: «Театр и искусство», А.Р. Кугель, польский театр, С. Пшибышевский, провинция.

Петербургский еженедельный журнал «Театр и искусство» (1897–1918) по праву считается ведущим изданием рубежа XIX–XX вв.¹ На протяжении двух десятилетий здесь печатались обзоры столичных и провинциальных постановок, театральная хроника и реклама, новости зарубежной сцены, письма актеров и зрителей. Редакция журнала издавала два приложения: «Библиотеку “Театра и искусства”» (1898–1915), публиковавшую наряду с новинками русских драматургов переводные пьесы европейской и национальной драматургии народов Российской империи, мемуарные и обзорные статьи, и справочник «Словарь сценических деятелей» (1898–1903; 16 выпусков). Кроме того, периодически выходили специальные сборники, например «Эстрада», с произведениями малых литературных форм. Подобное соединение информационного еженедельника, сборников пьес и библиографического указателя предоставляло читателям информацию в объеме толстого журнала².

Бессменным руководителем и ведущим критиком в журнале был его основатель Александр Рафаилович Кугель (1864, Мозырь – 1928,

Ленинград), печатавшийся под псевдонимом Homo Novus. В 1124 книжках «Театра и искусства» насчитывается более 1100 статей, но общее число его публикаций намного больше³. Журналу «Театр и искусство» посвящены научные статьи, подробно характеризующие идейно-художественные предпочтения его редактора⁴. Особый интерес для понимания значения этого издания в культурной жизни России представляют отклики современников и публикации 1900–1910-х годов, приуроченные к юбилейным датам в истории журнала⁵.

На протяжении двух десятилетий А. Кугель отстаивал лучшие традиции мастеров Малого и Александринского театров, противопоставляя их МХТ и принципам режиссерского театра Станиславского и Мейерхольда: «Апология актера, эта центральная идея Кугеля, во многом определяла “лицо” “Театра и искусства” <...>, развивавшего гражданское и эстетическое самосознание людей театра»⁶. Однако, оставаясь цитаделью традиционного понимания театра⁷, журнал всегда был открыт статьям оппонентов.

В журнале сотрудничали представители разных направлений: критики Б.И. Бентовин (Импрессионист), И.И. Иванов, А.А. Измайлов, В.А. Вакулин (В. Линский), Н.И. Николаев, Е.Е. Эфрос, М. Южный (Зельманов), С. Сутугин (О.Г. Этингер), П.М. Ярцев. Здесь публиковались видные театральные деятели Н.Ф. Арбенин и Е.П. Карпов. Столичный журнал помещал статьи ведущих провинциальных критиков: цикл «Письма из Киева» публиковал Н.И. Николаев, «Казанские письма» – М. Зельдович, «Харьковские письма» – У. Тавридов, «Одесские письма» – М. Рабинович.

Среди постоянных рубрик журнала была «Провинциальная летопись». Важным источником по истории национальной драматургии и театров служат специальные статьи и обзоры, посвященные украинскому, польскому, латышскому, эстонскому, татарскому, армянскому, еврейскому и другим театрам. Среди их авторов были известные театральные критики (П. Ярцев, С. Петлюра, Ф. Синицын, Э. Бескин, Б. Витвицкая), литераторы (Ст. Пшибышевский, П. Гиршбейн, Д. Бенарье, Ш. Аш, Кара-Дервиш (А. Генджян)) и актеры (М. Фишзон и П. Пинн). Целый ряд статей и комментариев к публикациям, посвященным национальным театрам, принадлежит перу А.Р. Кугеля.

«Театр и искусство» последовательно освещал проблемы русского театра в главных провинциальных городах империи, таких как Киев, Одесса, Казань, Варшава, Тифлис (Тбилиси), Ревель (Рига), Вильно, Гельсингфорс (Хельсинки) и др.

В одном из первых номеров журнал поместил обширную статью о Тифлисском театре, где была сооружена одна из самых крупных театральных сцен в империи⁸.

Характерна ранняя редакционная заметка под названием «Театр на окраине» (1897), в которой критиковалась ситуация, сложившаяся в Александринском театре в Гельсингфорсе (Хельсинки), сдавшем на сезон сцену итальянской оперной труппе. Это стало поводом для рассуждений о просветительских задачах казенных театров: «Таким образом, русской драмы в Гельсингфорсе не будет, чему, впрочем, не следует удивляться, так как оставлять ее в том виде, в каком ее представляли раньше – значит давать на посмеяние дело русского искусства. Тем не менее, культурная роль итальянской оперы и международного балета с точки зрения нашего национального дела на окраинах – вещь спорная...[Они] представляют прекрасные развлечения и в силу своей международной могут содействовать сближению между русскими и инородцами на нейтральной почве. В Варшаве, быть может, это является даже делом высших политических соображений. Но что делать русским людям, оторванным от родного края, лишенным общения с родною речью и родными нравами. Где и на чем отвести им душу?»⁹

В статье «Тифлиссские оперетоманы» (1899) редакция критиковала дирекцию театра, разрешившую опереточные спектакли в дни Великого поста: «Мы не думаем, чтобы насаждение оперетки входило в круг общественных забот о художественном просвещении населения <...> Неужели для этих целей существует казенный театр, и только на такую просветительскую деятельность способна местная дирекция...»¹⁰. В одной из передовиц 1899 г., поддерживая решение Рижской думы о выделении средств на постройку второго городского театра, предназначенного для русских спектаклей, редакция замечала: «Театр на окраине, хотя бы и несколько обрусевшей, может принести при правильной постановке дела громадную пользу, прежде всего, в деле самого обрусения края. Излишне повторять, что литература и искусство вообще, а театр в особенности – сами по себе наиболее действенные орудия культурного влияния...» Сообщая о решении городских властей Вильно поддержать строительство нового театра, редакция ставила вопрос о русском театре в Варшаве: «Остается разрешить главную, самую нужную в государственном смысле театральную задачу – учреждение русского театра в Варшаве, где боятся невыгодного для русского искусства сравнения с польским и потому предпочитают совершенное отсутствие русского театра»¹¹.

Вопрос о русском театре в Варшаве обсуждался в дальнейшем на протяжении двух десятилетий вплоть до начала Первой мировой войны, в корне изменившей как расстановку политических сил, так и пути решения культурных задач¹².

В данной статье в качестве примера мы коснемся освещения польского театра и драмы на страницах «Театра и искусства».

В 1905 г. был опубликован очерк И.А. Горновского «Прошлое польского театра», знакомявший читателей с его давней историей, восходящей к XV в. Среди произведений старинной польской драматургии автор выделял драму «Отправление послов греческих» (1554) Я. Кохановского.

Яркая страница истории польского театра связана с именем актера и драматурга В. Богуславского (1760–1829), написавшего более 60 оригинальных пьес. Разделы польских земель затрудняли развитие театральной жизни. Тем не менее в 30-е годы XIX в. в Варшаве было уже три театра, в 40-е годы успешно пользовались труппы Львова, Кракова и Вильно¹³.

В связи с историей польской драматургии примечательна заметка известного библиографа В. Лугаковского, автора указателя «Русские писатели в польской литературе» (1903–1913), в которой сообщалось о редком издании пьесы А. Коженёвского (1820–1869) «Комедия» (Вильно, 1855). Ее конфликт и герои восходили к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»¹⁴.

В 1909 г. в статье проф. И. Флаха «Современная польская драма и театр» подчеркивалось решающее значение наследия Ю. Словацкого и Ст. Выспяньского: «Насколько Словацкий воспитался на драмах Шиллера, Шекспира и Кальдерона, настолько Выспяньский, подобно Вагнеру, стремился соединить в себе целый ряд искусств и сообщить своим произведениям все настроения и действия, начиная с всеуничтожающей трагедии и кончая самой сентиментальной меланхолией <...> [Он] оставил своему народу... богатое наследство. Своему, потому что за границей его пока не знают даже по имени»¹⁵.

Оба писателя «способствовали развитию техники на польской сцене, решающейся в настоящее время на такие постановки, о которых на Западе еще недавно из чисто технических соображений можно было только мечтать». Среди заметных современных драматургов здесь приводились имена А. Новашинского, автора драм на исторические сюжеты, а также Е. Жулавского, «любимым сюжетом которого являются идейные сказки или пьесы из времен итальянского ренессанса», Габриэлы Запольской, написавшей знаменитую пьесу «Мораль пани Дульской», и сатирика В. Перчинского.

Флах указывал, что к ранее существовавшим театрам в Кракове, Львове, Варшаве и Познани прибавились постоянные театры в Лодзи, а также в Вильне и Киеве, где «с давних времен живет довольно значительное по количеству интеллигентное польское население. Из всех этих театров Краковский успешнее других выполняет двойную миссию: служить национальным интересам и в то же время знакомить нацию с общей цивилизацией». Именно в этом театре под руководством режиссера Л. Сольского впервые были поставлены сложные произведения Выспяньского и Словацкого. Львовский театр славится своей оперой и опереттой к опере тяготеет и Варшавский театр.

Из польских драматургов особый интерес в России в начале XX в. вызывало творчество писателя-модерниста Ст. Пшибышевского (1868–1927). В 1903–1904 гг. вместе с театральной труппой, ставившей его драмы, он путешествовал по России, посетив Киев, Одессу и Петербург. Среди поклонников творчества Пшибышевского были А.М. Ремизов, К.Д. Бальмонт и В.Я. Брюсов, его печатали в журналах русских символистов «Весы» и «Золотое руно». В 1901 г. отдельным изданием «Театр и искусство» опубликовал его драму «Золотое руно» в переводе с польского языка.

В 1904 г. была опубликована теоретическая статья польского писателя «О драме и сцене», излагавшая взгляды Пшибышевского на современный театр и задачи актеров. Прежняя драма была драмой внешней – она разыгрывалась вокруг героев, что провоцировало актеров «сильно и резко подчеркивать свое отношение к этим факторам», а это отношение было ограничено тесным кругом первобытных чувств: любви, ненависти, мести, отчаяния и т. д. Задача актера в прежней драме была сравнительно легкой.

Новая драма почти совсем игнорирует эти внешние факторы. Все происходит в душе героя, в его сердце – начало и конец драмы. «Герой греческой драмы – игрушка в руках богов, герой новой драмы тоже игрушка – в руках собственных инстинктов, он – жертва борьбы и разлада своей собственной души, неведомых сил своего сердца <...> Драма становится драмой чувств и предчувствий, угрызений совести, борьбы с самим собой, становится драмой беспокойства, ужаса и страха...»¹⁶.

Подчеркивая роль Ст. Выспяньского в развитии новой польской драматургии, Пшибышевский признавал, что в польской литературе именно он впервые «вывел на сцену видения и сны не как что-то отвлеченное и туманное, но как самую реальную действительность», а его драма «Свадьба» «явилась переломом во всем современном творчестве и не только польских драматургов <...> он

завоевал сцену для настоящей символической драмы на почве современных общественных условий»¹⁷.

В свете изложенных идей Пшибышевский подробно проанализировал сюжет и символику собственной пьесы «Снег». Наряду с этим «Театр и искусство» печатал статьи известных русских критиков о Пшибышевском¹⁸.

На примере цикла статей о польском театре видно, как журнал А. Кугеля стремился показать развитие национальных театров от зарождения их на родной почве до самых современных постановок. Эта журнальная политика сохранялась в «Театре и искусстве» на протяжении всех лет его существования.

Примечания

- ¹ *Махонина С.Я.* Театральные журналы // Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта, 2004. С. 224–233.
- ² *Борзенко В.В.* Российская театральная журналистика: 1808–1991 гг.: Историко-типологическое исследование: Дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2008. С. 68–69.
- ³ *Королев Д.Г.* Театральные газеты и журналы конца XIX – начала XX в.: «Театр и искусство» // Очерки по истории издания и распространения театральной книги в России XIX – начала XX века. СПб.: РНБ, 1999. С. 192.
- ⁴ *Иокар Л.Н.* Театральные журналы // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Кн. 2: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 298–328; *Герасимов Ю.К.* А.Р. Кугель // Очерки истории русской театральной критики: Конец XIX – начало XX века. Кн. 3. Л.: Искусство, 1979. С. 70–90; *Он же.* История русской театральной критики. Вып. V. Л.: ЛГИТМ и К, 1977. С. 21–42; *Королев Д.Г.* Указ соч. С. 177–203; *Петровская И.Ф.* Театр и зритель российских столиц. 1895–1917. Л.: Искусство, 1990. С. 25–26.
- ⁵ Театр и искусство. Юбилейный номер. 24 декабря 1906; *Линский В.* Праздник десятилетия // Театр и искусство. 1907. № 1. С. 7–13.
- ⁶ *Герасимов Ю.К.* А.Р. Кугель. С. 72, 89.
- ⁷ *Герасимов Ю.К.* История русской театральной критики. С. 33.
- ⁸ Новый Тифлисский театр // Театр и искусство. 1897. № 5. С. 86.
- ⁹ Театр на окраинах // Театр и искусство. 1897. № 24. С. 434.
- ¹⁰ Тифлисские оперетоманы // Театр и искусство. 1899. № 11. С. 218.
- ¹¹ Театр на окраинах // Театр и искусство. 1899. № 37. С. 626.
- ¹² «Русский» театр в Варшаве // Театр и искусство. 1904. № 5. С. 101–102; Еще о русском театре в Варшаве // Театр и искусство. 1904. № 10. С. 200–201; О русском театре в Варшаве (письмо в редакцию) // Театр и искусство. 1913. № 22. С. 462–463.

- ¹³ *Горновский И.А.* Прошлое польского театре // Театр и искусство. 1905. № 26. С. 417–418; № 28. С. 447–448.
- ¹⁴ *Лугаковский В.* «Горе от ума» в польской перекройке (библиографическая справка) // Театр и искусство. 1904. № 40. С. 720. Поэт и драматург Аполлон Кожанёвский был отцом известного английского писателя-неоромантика Дж. Конрада (1857–1924).
- ¹⁵ *Флах И.* Современная польская драма и театр / Пер. с нем. П. Н-ъ // Театр и искусство. 1909. № 24. С. 418–421.
- ¹⁶ *Пшибышевский С.* О драме и сцене // Театр и искусство. 1904. № 49. С. 869.
- ¹⁷ *Пшибышевский С.* О драме и сцене // Театр и искусство. 1904. № 50. С. 893.
- ¹⁸ *Ярцев П.* Новая драма («Снег» Пшибышевского) // Театр и искусство. 1903. № 50. С. 964.

Е.В. Бродская

СПЕКТАКЛИ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ
«ЖИЗНЬ ГАЛИЛЕЯ» И «ГАМЛЕТ»
В ОСВЕЩЕНИИ ПЕРИОДИКИ:
К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ
ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ*

Сегодня Театр на Таганке превратился в легенду, в символ целой эпохи. На протяжении нескольких десятилетий он был одним из «оазисов» инакомыслия в стране. При этом часто забывают, что так было не сразу, и Таганка прошла путь от вполне лояльного режиму театра до театра оппозиционного, раз за разом вызывавшего раздражение партийных функционеров. В данной статье разбирается реакция советской прессы на две постановки Театра на Таганке – «Жизнь Галилея» и «Гамлет». На этом примере можно проследить, каким образом реакция советской прессы и постановки Театра на Таганке были связаны с политикой, проводимой СССР, как внешней, так и внутренней. Рассмотренный сюжет показывает, насколько неоднородны и сложны были культурные процессы, происходящие в советском социуме – было бы неправильно сводить их к броским формулам на уровне противопоставления интеллигенции и власти. В этом отношении история постановок «Гамлета» и «Жизни Галилея» позволяет проследить, какие механизмы здесь задействованы.

Ключевые слова: Театр на Таганке, советская пресса, Гамлет, Галилей, советский социум, власть, интеллигенция.

Сегодня Театр на Таганке превратился в легенду, в символ целой эпохи. Театр, который начинал свою жизнь с вполне лояльного режиму постановок, внезапно приобрел другую окраску и стал фактически оппозиционным. В застойные брежневские годы велась война между чиновниками, с одной стороны, и художественным руководителем Таганки Ю.П. Любимовым и его труппой – с другой. Спектакли запрещали, снимали с показа после премьеры, пытались цензурировать пьесы до неузнаваемости и т. д.

© Бродская Е.В., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

Однако театр продолжал жить, и его спектакли вызывали неизменный общественный резонанс. Этому во многом способствовала обстановка в самом театре, установка Любимова на создание единой творческой труппы, а не труппы, подобранной под «одного актера». «Форма у вас и есть содержание <...> Именно это и позволяет вам отказаться от сюжета и поставить традиционную актерскую игру совсем в иную, новую, непривычную для зрителя плоскость. <...> Может быть, в этом-то и заключается ваша главная заслуга – создан театр без актера. <...> Театр на самообслуживании», – писали о театре современники¹.

Театр был чем-то вроде отдушины в 1960–1970-е годы, когда «оттепель» уже закончилась, а на смену ей пришел застой. В 1964 г. СССР возглавил Л.И. Брежнев, новый курс начисто лишил общество каких-либо иллюзий. «Водоразделом» между относительной хрущевской «оттепелью» и брежневским застоєм стали для интеллигенции судебные процессы над И.А. Бродским (1964) и Ю.М. Даниэлем и А.Д. Синявским (осень 1965 – февраль 1966 г.). Так, в предуведомлении «От издателя» к «Белой книге» по делу Синявского и Даниэля, составленной А. Гинзбургом, говорилось: «Процесс против А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля рассматривается в нашей стране как веха, отмечающая новый поворот курса партийной политики. Процесс этот ясно выразил стремление партийного руководства вернуться на старую сталинскую тропу. Идет зажим общественного мнения и расправа над теми, кто указывает, что тропа эта ведет к тупику»².

***

В этих условиях в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Жизнь Галилея» (7 мая 1966 г.).

«Жизнь Галилея» была встречена публикой с большим оживлением. Спектакль сконцентрировал в себе множество смыслов, актуальных для своего времени. Брехтовский сюжет об ученом, в одиночку противостоящем давлению церкви, которая требует от него отречения от истины во имя догмы, приобретал более чем актуальные коннотации. Спектакль говорил и о цене противостояния человека окружающей косности и ограниченности, о столкновении личности и инерционного социума.

О том, что подобные интенции достигали цели, свидетельствуют отклики на спектакль со стороны СМИ. Наиболее показательна в этом отношении статья Т. Ланиной «Жизнь Галилея» в газете «Вечерний Ленинград». Это достаточно серьезный разбор спектакля, с некоторой акцентуацией его злободневных черт. Ланина

подписывается как «кандидат филологических наук», как бы подчеркивая объективно-академический характер своего анализа, но на самом деле пытается затронуть тему индивидуальной свободы в социуме. Так, рецензент пишет: «Не предательство плоти под страхом пыток и смерти, а медленное, вынужденное умерщвление в себе самом и страсти жизни, и “сладострастия мышления” играет актер <...> Движение жизни остановлено театральной паузой, которая легко читается зрителем как вынужденный человеческий простой <...> Человек не может носить маску. Двуликое существование непосильно»³. Сам подбор образного ряда и лексики в приведенных отрывках говорит о том, что критик пытается подтолкнуть читателя к параллелям между спектаклем и привычной ему жизнью, намекнув на сходство между беседами монахов с Галилеем и «дружескими увещаниями» кураторов из органов безопасности, с которыми приходилось сталкиваться многим творческим людям в СССР.

Близкое к этому «прочтение» любимовского спектакля представлено и в большой статье М.Н. Строевой «Жизнь или смерть Галилея», опубликованной в сентябре 1966 г. в журнале «Театр», чья редакция благожелательно относилась к экспериментам таганковцев и старалась по мере сил поддержать молодой театр. Строева как бы восстанавливает перед зрителем спектакль, комментируя его шаг за шагом, выхватывая самые яркие сцены и реплики. Вот после отречения Галилей говорит с учеником, и в пересказе Строевой это выглядит следующим образом: «Человек побежден. Любимый ученик Андреа Сарти упал, забив кулаками об пол: “Трус! – и поднял заплаканные глаза. – Несчастлива та страна, у которой нет героев!” Но сразу с мучительной силой ему бросает поверженный Галилей: “Нет! Несчастлива та страна, которая нуждается в героях!”» В тексте рецензии точная цитата из спектакля приобретает дополнительный смысл. Сама по себе, вне пьесы, яркая и сильная формула Брехта начинает звучать иронично-злым комментарием к клише советской пропаганды, эксплуатирующей тему «героизма советского народа».

Но существовали и рецензии, в которых спектакль описывался в соответствии с партийной линией. К этому типу рецензий можно отнести статью И.Л. Вишневской «Жизнь Галилея», появившуюся в газете «Вечерняя Москва». В ней достаточно много типичных журналистских клише тех лет. Так, комментируя финал спектакля, когда на сцену к Галилею выходят пионеры с вертящимися глобусами, подчеркивая этим конечную правоту ученого, критик пишет: «Нравственные нормы и трудовые деяния должны быть приведе-

ны в соответствие, в гармонию, которую возвестил хор прозрачных детских голосов – хор будущего»⁴.

Существовали и отрицательные отзывы на спектакль. Так, например, в декабре 1966 г. в газете «Советская культура», органе Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры, появилась большая статья Ю. Зубкова «Поиски на Таганке», весьма недоброжелательно оценившая работу театра в целом и «Жизнь Галилея» в частности. Театр, по словам рецензента, «много использует из творческого наследия первых лет советского искусства». Однако это «многое» оказывается тем, от чего советский театр «в итоге открытого, честного и отнюдь не скороспелого художественного соревнования (а не по чьей-то субъективной злой воле) отказался»⁵.

В упрек театру ставится отход от заветов Станиславского и подчеркивается, что «перед нами стоит серьезнейшая задача ... политического и этического, идейного и эстетического воспитания. Решить ее наиболее успешно и плодотворно можно лишь в русле идей социалистического реализма, в русле коммунистической партийности и народности, утверждения нашей современной действительности, создания полнокровного реалистического образа современника, покоряющего зрителей силой и глубиной своих переживаний»⁶.

Такого же рода и статья А. Солодовникова, опубликованная в 1968 г. в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист». О спектакле «Жизнь Галилея» и трактовке роли главного героя в статье сказано: «...модная тенденция – дегероизация сильной личности. Б. Брехт дважды возвращался к своей пьесе о Галилее – в 1939 и 1945 годах. Писателя интересовало становление личности, вырвавшейся вперед, и общества, оставшегося далеко позади. Однако в спектакле Театра на Таганке (режиссер Ю. Любимов) трагедия сильного человека, сломленного дремучим невежеством среды, отодвинута на задний план. <...> Философская суть пьесы, ее трагический характер перестали звучать, оказались нераскрытыми. Этому содействовало ивольное обращение с авторским текстом. После “Доброго человека из Сезуана” Театр на Таганке в понимании и трактовке Брехта сделал шаг назад, а не вперед»⁷.

Таким образом, отрицательные рецензии на спектакль говорили о неправильном восприятии Любимовым и его актерами творчества Брехта, о неверном толковании «наследия» Станиславского. Однако о главном – о том, что установки спектакля противоречили установкам партийной идеологии – даже в отрицательных рецензиях прочитать было невозможно.

***

Начало 1970-х годов ознаменовалось все возрастающим давлением власти на разные слои общества. Отправной точкой здесь стал ввод советских войск в Чехословакию (1968 г.). Это событие знаменовало собой, кроме всего прочего, значительное увеличение идеологического прессинга в отношении общества и культуры. В современном исследовании «Семидесятые как предмет истории русской культуры» подчеркивается, что партия занялась «зачисткой поля»: «Партия, очевидно, в порядке подготовки к съезду (XXIV съезду ЦК КПСС. – Е. Б.) заранее чистила свои ряды от инакомыслящей интеллигенции, при этом весьма облегчала переход творческого интеллигента-шестидесятника из рядов партии – в разряд диссидентов, хотя отнюдь не все становились политическими деятелями. По материалам “Хроники текущих событий” за два года до съезда исключены из партии художник Б. Биргер, литературовед и публицист Ю. Карякин, строгий выговор получили театровед К. Рудницкий, художник Н. Андронов, поэт П. Антокольский, лишлись работы Л. Копелев, Л. Пажитнов, Б. Шрагин, тоже предварительно лишившись партбилетов, из Союза писателей исключен А. Галич. Список на самом деле огромен. Основной криминал – “подписанство”, подписи под письмами в защиту осужденных, преследуемых и депортируемых, ставшие основной формой политического протеста»⁸. Естественно, общее политическое «похолодание» не обошло стороной и Таганку: в 1968 г., после предварительного просмотра спектакля «Живой» министром культуры СССР Е.А. Фурцевой, этот спектакль был запрещен.

В этих условиях и ставился «Гамлет», премьера которого состоялась 19 ноября 1971 г. По словам Ю.П. Любимова, «“Гамлет” возник от бешенства... Два года составлял сценарий по хроникам Шекспира, а они мне сказали: нам надоели эти Ваши композиции. Ставьте каноническую пьесу, а другое мы запрещаем. Ах так, давайте...»⁹.

Естественно было бы – в ситуации «зачистки» от инакомыслия – что спектакль будет обруган в прессе. Однако этого не произошло: сразу после премьеры в «Советской России», органе ЦК КПСС, появляется информационная заметка о новом спектакле¹⁰. Затем в течение двух месяцев выходят целых четыре благожелательные рецензии на любимовскую постановку¹¹. Две из них принадлежат перу маститых шекспироведов – А.В. Бартошевича и А.А. Аникста. Аникст, входивший в художественный совет Таганки и потому присутствовавший на обсуждении «Гамлета» в Главном управлении культуры исполкома Моссовета, выступал в качестве силы, кото-

рая способствовала положительному исходу обсуждения. Поэтому появление его отклика на «Гамлет» закономерно. По-видимому, это была своеобразная «игра на опережение», когда специалисты, имеющие вес в обществе, спешили высказаться, чтобы тем самым перекрыть возможность резкой критики.

Все четыре рецензента говорят о спектакле «Гамлет» как о большой и серьезной удаче Театра на Таганке. «Гамлет» воспринимается в контексте современности. Проблемы, затронутые в спектакле, созвучны ситуации в обществе: «При всей своей привычной новизне спектакль Ю. Любимова крепко связан с тем, что происходит в театральной шекспириане последних лет. Мировой театр решительно повернулся от романтически-выспренного толкования Шекспира к Шекспиру реалисту, художнику. <...> Освобождая поэзию “Гамлета” от романтических покровов, спектакль Ю. Любимова открывает взору живую плоть трагедии», – пишет Бартошевич¹².

Во всех четырех рецензиях присутствует своеобразный «эзопов язык» советской эпохи, позволявший постичь смысл «Гамлета». Этот язык позволял писателям и журналистам проговаривать проблемы, о существовании которых не принято было говорить открыто:

«Король, каким увидел его режиссер, вовсе не похож на трагического Клавдия – злодея и сладострастника. У этого Клавдия сухое лицо, трезвый, практичный ум, трудная работа. Он мало чем выделяется из толпы придворных, он один из них. Не тот – король, так этот», – пишет Бартошевич¹³. Ритмически эта фраза абсолютно соответствует высказыванию Ф.Э. Дзержинского о том, каким должен быть идеальный чекист: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками»¹⁴. Эта картинка вполне логично попадает под описание советских лидеров той эпохи, лишенных ярких личностных черт, воплощающих в себе нечто серое и незаметное. Образ Клавдия, с точки зрения В.Ю. Силюнаса, не сильно отличается от того, что описал Бартошевич: «В.Б. Смехов, блиставший в “Часе пик” филигранной отточенностью мастерства, играет нечто совершенно неопределенное»¹⁵. Сходным образом описывает ситуацию и А. Щербаков: «...Король Клавдий В. Смехова молод, циничен, деловит и вовсе не глуп – он вполне отдает себе отчет в том, что незачем, придя к власти, резко ломать внешние формы и ритуалы жизни. Нет, ритуалы, формы остались прежними, и на троне прежняя королева, которая – все это знают – была предана Гамлету – отцу, благородному мудрому королю и, стало быть, нашла в Клавдии некое его подобие. <...> “Век вывихнут, век расшатался, распалась связь времен” – эти слова произносит в спектакле не только Гамлет, но и Полоний, и Клав-

дий. Последний, к примеру, преисполнен решимости вправить веку суставы, заставить его ходить по струнке и делает это по своему разумению»¹⁶. Продолжая разговор о Клавдии, Бартошевич приходит к выводу: «Клавдию не доставляет никакого удовольствия выслеживать и отравлять. “Шпионы поневоле, мы спрячемся вблизи с ее отцом”. Клавдий-Смехов произносит “шпионы поневоле” тоном извиняющимся, с некоторой даже иронией над собой – неприятно, дескать, но ничего не поделаешь, надо. Он убийца не по призванию, а по долгу службы. Гамлета приходится уничтожить в интересах дела». «В Эльсиноре живут деловито и осмотрительно. Придворные подслушивают и подсматривают, за занавесом вечно кто-то прячется, телохранители Клавдия привычно цепким взглядом всех обшаривают, могильщики торопливо, с оглядкой сплетничают о дворцовых новостях и ловко вбивают гвозди в струганный гроб Офелии. Все завалены делом по горло», – делает вывод Бартошевич¹⁷.

«Это Гамлет – сегодняшний. Его прописку не спутаешь. Спектакль верен завету Шекспира, что выражен гамлетовской репликой: “Назначенье театра ... показывать каждому веку истории его неприкрашенный облик”. На истолковании трагедии лежит печать миросознания современного художника – его раздумья, сомнения, скептицизм и вера, его попытки достичь истину» – таким видит итог спектакля М. Любомудров, чья рецензия на спектакль выходит через полгода после премьеры¹⁸.

После этого «залпа рецензий» наступает затишье – и о спектакле «Гамлет» почти никто не пишет. Популярный журнал «Театр» вообще не реагирует на спектакль Любимова, хотя в 1972 г. на своих страницах трижды обращается к постановке «Гамлета» в других театрах Советского Союза¹⁹. Все три рецензии говорят об историчности Гамлета, о его возрожденческом духе: «И. Четвериков раскрывает в Гамлете то, что роднит принца с миром, его окружающим: Ведь Гамлет плоть от плоти Эльсинора. Он умеет быть по-средневековому коварным и жестоким. А возрожденческая широта мысли делает его неуязвимым – он гибче и ловчее всех придворных интриганов»²⁰. М. Мелкумян, комментируя спектакль «Гамлет», поставленный в ленинградском ТЮЗе, дает такую оценку: «...Как бы мы ни приближали Гамлета к сегодняшнему дню, он, оставаясь героем пьесы Шекспира, выражает дух исканий эпохи Возрождения...»²¹. Это похоже на несогласие с постановкой Любимова, ибо он представляет зрителю Гамлета современного.

В большой статье «Станиславский работает над Шекспиром» С.М. Нельс пишет о Гамлете и о том, каким видел его К.С. Стани-

славский, вступая во внутреннюю полемику с версией Любимова. Но эта полемика – чисто профессиональная. В ней заявлена позиция профессионального сообщества, представители которого не готовы разделять таганковский эксперимент: «Задача сценического воплощения Шекспира прежде всего состоит в том, чтобы выразить гениальную простоту поистине народного писателя. В этой задаче Станиславский и Немирович-Данченко остались единодушными до конца жизни. В 1940 году, приступая к постановке Гамлета, Немирович-Данченко писал: “Для нас главное заключается в том, чтобы найти большое, яркое поэтическое воплощение этой простоты”. С возмущением пишет Станиславский, что европейский театр последнего века сделал Шекспира непонятным для простой публики из-за разных надуманных традиций и правил. Шекспир должен затронуть души самого широкого зрителя. Вот первое аксиоматическое положение Станиславского»²². Автор статьи четко дает понять, что, с ее точки зрения, таганковский эксперимент провалился. И Шекспир вообще не нуждается в экспериментах, потому что «Гамлет» – это вечная классика: «Очистить театр от натурализма – эта задача стояла перед Станиславским, когда он решил пригласить Гордона Крэга для постановки “Гамлета”»²³.

Однако прямой оценки таганковскому спектаклю в целом доброжелательно настроенный к нему журнал «Театр» не дает, – если не считать таковым упоминание в одной из статей журнала, написанной на другую тему: «Я полагаю, что “Гамлет” У. Шекспира не входит в число лучших работ Театра драмы и комедии на Таганке, хотя в спектакле есть немало интересного. Но в целом постановка не поднимается до степени философской и трагической высоты. А жаль»²⁴. Примечательно, что статья выходит только в 1974 г., т. е. через три года после премьеры спектакля «Гамлет» на Таганке.

Отрицательных же рецензий – в идеологическом значении этого слова – на постановку «Гамлета» отыскать не удалось; возможно, их не было вовсе.

***

Завершая разговор о постановке спектаклей «Жизнь Галилея» и «Гамлет» в Театре на Таганке, следует отметить: оппозиционность Таганки была дозволенной. Руководству страны, безусловно, нужна была видимость свободной жизни в совершенно несвободном обществе. И в отношении к Таганке были выработаны – очевидно, негласные и не зафиксированные на бумаге – особые правила игры. В случае «Жизни Галилея» они состояли в том, что пьеса эта была написана немецким драматургом Б. Брехтом, который почитал-

ся убежденным марксистом и даже получил Сталинскую премию (1954 г.). И противостояние в основе сюжета – между церковью и ученым – вполне укладывалось в идеологическую линию партии. «Жизнь Галилея», спектакль о жестком столкновении ученого и церкви, мог восприниматься как критика религиозного сознания, вполне лежащая в русле партийной линии. Особенно учитывая тот факт, что при Н.С. Хрущеве ЦК КПСС был принят ряд постановлений, направленных на укрепление антирелигиозного воспитания в стране. В случае же с «Гамлетом» речь шла о постановке знаменитой пьесы, содержание которой формально никакого отношения к современности не имело и иметь по определению не могло.

По сути Таганка воспроизводила «идеологически верную» форму, но содержание было иным. Спектакли театра были ориентированы на привычку советских людей «читать между строк», улавливать подтекст и т. п. Кроме того, в случае с «Гамлетом» мы имеем дело не просто с вечной актуальностью классики, но с той особой ролью, которую классика начинает играть в советском обществе времени застоя. XX съезд КПСС осудил сталинизм, но ничего не предложил взамен; одновременно в сознании поколения 1960–1970-х умерла и российская дореволюционная культура, свидетелями существования которой они уже не были. Собственно, классика стала играть для мыслящих людей роль идеологии, задавать образцы поведения. Но в принципе зрителю было предоставлено право самому решать, «считывать» ли оппозиционное содержание таганковских спектаклей или нет, принимать ли вечный смысл классических произведений за идеологию или довольствоваться идеологией официальной.

Стоит отметить, что подобные механизмы лежали в основе не только таганковских постановок. Например, в 1965 г. на экраны вышел фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», рассказывающий о становлении нацистской Германии, но «считываемый» зрителем как критика советского строя и партийного аппарата: слишком ярки и узнаваемы были параллели²⁵.

Рассмотренный сюжет показывает, насколько неоднородны и сложны были культурные процессы, происходившие в советском социуме и фиксировавшиеся в прессе; было бы неправильно сводить их к броским формулам на уровне противопоставления интеллигенции и власти.

- ¹ *Амирагова Л., Кордо Н.* Театр без актера?: Письмо Ю.П. Любимову, главному режиссеру Театра на Таганке // Комсомольская правда. 1968. 18 сент. С. 2.
- ² Цит. по: Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Гинзбург А., сост. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С. 3. (URL: http://imwerden.de/pdf/belaya%20kniga_po_delu_sinyavskogo_danielya_1967.pdf. (дата обращения: 28.08.2011)).
- ³ *Ланина Т.* «Жизнь Галилея» // Вечерний Ленинград. 1967. 10 мая. С. 3.
- ⁴ *Вишневецкая И.Л.* Жизнь Галилея // Вечерняя Москва. 1966. 13 июня. С. 3.
- ⁵ *Зубков Ю.* Поиски на Таганке // Советская культура. 1966. 10 окт. С. 3.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Солодовников А.* Об отношении к классическому наследию // Коммунист. 1968. № 13. С. 107.
- ⁸ *Уварова И.П., Рогов К.Ю.* Семидесятые: хроника культурной жизни // Семидесятые как предмет истории культуры / Ред.-сост. К.Ю. Рогов. М.: Венеция, 1998 (URL: <http://www.ruthenia.ru/document/202590.html> (дата обращения: 01.09.2011)).
- ⁹ *Абелюк Е.С., Леенсон Е.И.* Таганка: личное дело одного театра. М.: НЛО, 2007. С. 429.
- ¹⁰ Премьера столицы // Советская Россия. 1971. 30 нояб. С. 5.
- ¹¹ *Аникст А.А.* Трагедия: гармония, контрасты // Литературная газета. 1972. 12 янв. С. 8; *Бартошевич А.В.* Живая плоть трагедии // Советская культура. 1971. 14 дек. С. 4; *Щербаков А.* Трагедия Шекспира на сцене театра на Таганке // Комсомольская правда. 1971. 26 дек. С. 3; *Силлионас В.Ю.* Мужество совести // Труд. 1971. 19 дек. С. 3.
- ¹² *Бартошевич А.В.* Указ. соч. С. 4.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Зубов Н.И.* Феликс Эдмундович Дзержинский: Краткая биография. М., 1941. Гл. 6. С. 47.
- ¹⁵ *Бартошевич А.В.* Указ. соч. С. 4.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Любомудров М.* Принц Гамлет и старшина Федот Васков // Вечерний Ленинград. 1972. 6 июля. С. 3.
- ¹⁹ *Мелкумян М.* На пути к Шекспиру // Театр. 1972. № 3. С. 24–33; *Нельс С.М.* Станиславский работает над Шекспиром // Театр. 1972. № 9. С. 131–139; *Швидкой М.* Спектакль «Гамлет» // Театр. 1972. № 9. С. 40–42.
- ²⁰ *Швидкой М.* Указ. соч. С. 41.
- ²¹ *Мелкумян М.* Указ. соч. С. 29.
- ²² *Нельс С.М.* Указ. соч. С. 132.
- ²³ Там же. С. 133.
- ²⁴ *Дмитриев Ю.* Классическое – всегда современно // Театр. 1974. № 6. С. 86.
- ²⁵ См. об этом: *Туровская М.И.* Обыкновенный фашизм, или Сорок лет спустя // Искусство кино. 2007. № 7. С. 115–121.

О «ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ»
И.А. БРОДСКОГО, АУДИТОРИИ
ПОЭТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ И МЕДИЙНОМ
ПРОДВИЖЕНИИ «НОВОЙ ПОЭЗИИ»
в РОССИИ в 1960-е годы

В статье рассматриваются некоторые механизмы борьбы за читателя, благодаря которым «поэзия Политехнического» смогла утвердиться в 1960-е годы как доминирующее течение. В 1960-е годы поэзия И. Бродского существовала в тени Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского и Б. Ахмадулиной. Эти четыре поэта ассоциировались с «поэзией Политехнического» – чтениями, организованными для съемок фильма М. Хуциева «Мне двадцать лет» (1965). Этот фильм обеспечил «паблисити» для молодых поэтов, принявших в этих чтениях участие. В итоге они стали восприниматься как «голоса поколения». Их аудитория была ориентирована на утоление эмоционального голода определенного рода, что определяло формат стихотворения: оно должно было быть достаточно коротким, легко запоминаться, содержать несколько легко цитируемых формул, вбирающих опыт группы, на основе которого и строилась ее социальная идентичность. На этом фоне поэзия Бродского была «явлением иного рода».

Ключевые слова: И. Бродский, Б. Слуцкий, М. Хуциев, читательская аудитория, эмоциональный голод, поколенческий невроз, дезориентация в реальности, дети XX съезда.

Каждая эпоха сама выбирает своих поэтов – но что лежит в основании этого выбора? И ссылки на *Zeitgeist*, как любые ссылки, тут по-своему правомерны, но все же недостаточны. Почему 1960-е годы – выбрали своими поэтами «авторов Политехнического» – Евтушенко, Вознесенского, Окуджаву, Ахмадулину – и почему, собственно говоря, «не заметили» Бродского? Для поколения, которое сделало этот выбор, Бродский остался одним из многих – «да, талантливых – но...». Несомненно, запомнился и вызвал резонанс суд над поэтом в 1964 г., но после возвращения из ссылки сильно ли слава Бродского превышала – скажем, в студенческой среде – славу Леонида Губанова, например?

Тот факт, что «властители дум» принадлежали если не к «официальной», то все же к печатной словесности, а Бродский существовал в рамках «неподцензурной» литературы, объясняет многое, но не все. Окуджава ведь в сознании того поколения ассоциировался не с издаваемыми стихами, а с песнями, как Галич – не с пьесами и сценариями, а опять же с песнями. Магнитиздат, конечно, расходился лучше самиздата и захватывал большую аудиторию, но только ли в этом дело?

Попробуем взглянуть на такой своеобразный индикатор, как тетрадки с выписанными чужими стихами (речь не о девичьих школьных альбомах, а о тех копиях любимых текстов, которые делали для себя какие-нибудь студентки филфаков начала 60-х). Автору данной статьи доводилось видеть десятка полтора подобных сборников (статистически это немного, но все же позволяет оценить тенденцию). Там, как правило, много А. Ахматовой. Много В. Маяковского – раннего. Много А. Вознесенского. Там есть Б. Пастернак. И на все эти «сборники» мне довелось видеть лишь с полдюжины текстов Бродского, причем не полдюжины стихотворений, а опять и опять переписываемых «Пилигримов», да еще пару других стихов в придачу – на все-то тетрадки. Повторяю: это не статистический показатель, но вполне говорит о распределении предпочтений.

Характерно, что не была замечена одна из немногих «подцензурных» публикаций Бродского, все же просочившаяся в советскую печать, в силу того что в какой-то момент власти осознали: «моральные потери» на Западе от процесса над Бродским оказались слишком высоки – и попробовали сделать вид, будто в СССР присутствует свобода творчества. В «Дне поэзии» за 1967 год были напечатаны два стихотворения Бродского: «На смерть Т.С. Элиота» (под названием «Памяти Т.С. Элиота») и «В деревне Бог живет не по углам...»¹.

Бродский в начале 60-х годов довольно часто выступал с чтением стихов – и, как свидетельствуют современники, успешно. Так, Я. Гордин пишет: «Бродский в 1958–1959 гг. много выступал публично, главным образом в студенческих аудиториях. Мне не раз случалось выступать с ним или присутствовать на его выступлениях, и я могу засвидетельствовать: успех был неизменным и полным»². Ему вторит С. Шульц: «...ведущий объявил: “Иосиф Бродский!” Зал сразу зашумел, и стало ясно, что этого поэта знают и его выступления ждут. <...> Первым Иосиф прочитал стихотворение “Сад” (“О, как ты пуст и нем! В осенней полумгле...”). Когда он кончил – мгновенное молчание, а потом – шквал аплодисментов.

И крики с мест, показывавшие, что стихи его уже хорошо знали: “Одиночество”! “Элегию”! “Пилигримов”! “Пилигримов”!»³. Схоже А. Сергеев описывает чтения в Москве в 1966 г. в Фундаментальной библиотеке общественных наук: «Зал ФБОНа был битком, в проходах стояли. Иосиф воздвигся на трибуне, он был необыкновенно вдохновлен обширной аудиторией. Как Зевс Громовержец, метал перуны. Он был хорош, великолепен, все шло на ура, абсолютно на ура. Произошло редкое взаимодействие обоюдного интереса. Аудитория была просто потрясена»⁴. Но у того же Сергеева мы читаем о неприятии Бродского аудиторией, когда несколькими днями позже тому довелось читать стихи в Союзе писателей в столице: «...он начал с тем же напором, как и в два описанных раза. И споткнулся. Потому что встретил непонимание, отчуждение. Прошибить аудиторию не удалось. Кроме того, здесь сидели живые литературные оппоненты – СМОГи. Губанов, когда потом было обсуждение, пытался убивать Бродского совсем по-советски <...> Иосиф после этого выступления... был в мрачном настроении. Лицо выражало всегдашнее брезгливое отношение к Союзу писателей...»⁵.

Почему в этих описаниях чтение в СП так разительно отличается от остальных? Ответ, видимо, из серии неочевидных очевидностей. Студенческая аудитория – это сверстники Бродского или – во второй половине 60-х – те, кто немногим младше его. Аудитория эта достаточно однородна с точки зрения образовательного уровня: он заведомо выше среднего, это достаточно эрудированные ребята. И заведомо эрудирована аудитория ФБОН. Что касается Союза писателей, там оказался широк и возрастной, и образовательный разброс. И сочетания двух этих факторов достаточно, чтобы восприятие стихов – засбоило. А если прибавить к этому вкусы «костяка» СП, то можно представить, сколько в том зале было еще и «лернеров»⁶.

Что до поэтических чтений в Политехническом, ставших одним из символов 60-х годов, напомним, что на самом деле они были тем, что сегодня называют словом «проект». Цикл поэтических вечеров в музее на излете лета 1962 г. организовал Марлен Хуциев для съемок «Заставы Ильича». Как вспоминал Б. Окуджава, «вечера в Политехническом музее, которые снимал Марлен Хуциев для своего фильма, были замечательны. Съемки шли пять вечеров подряд по восемь часов. Была установлена аппаратура, которую, однако, никто не замечал. Продавали билеты, публика была разная, а программа одна и та же»⁷. Читали Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Казакова, Б. Окуджава, Г. Поженян, Р. Рождественский, М. Светлов, Б. Слуцкий... Вечера, по сути, «строились» под фильм, его задачу: вспом-

ним, что на экраны он вышел (помимо воли авторов, но в данном контексте это не столь важно) под названием «Мне двадцать лет». Авторы для чтения изначально подбирались так, чтобы показать мироощущение молодых героев через «их» поэтов – Ахмадулину, Вознесенского, Рождественского, Евтушенко, а поэты старшего поколения были призваны «оттенить преемственность». Светлов в фильме читает «Советские старики», Слуцкий – предсмертное стихотворение погибшего на войне М. Кульчицкого и несколько строк из П. Когана... То есть поэты старшего поколения представлены как хранители памяти прошлого, прежде всего памяти о войне. Последний лейтмотив чрезвычайно важен в фильме Хуциева: его герой мучительно пытается связать память о погибшем на войне отце со своим опытом, нащупать связь прошлого и настоящего. Но главный акцент делается на «переживании современности», причем переживании заведомо романтизированном (сказалось влияние Г. Шпаликова, писавшего сценарий).

Именно благодаря «Заставе Ильича» Хуциева вечера поэзии в Политехническом были «впечатаны» в культурную память эпохи: лишь за первый год проката фильм посмотрело почти девять миллионов человек. И именно «молодые поэты» Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский стали героями «мифа о Политехническом» – и новой поэзии. О том, чтобы именно эта «великолепная четверка» стала синонимом «новой поэзии», каждый из них позаботился по-своему. Вознесенский в 1964 г. объявит: «Нас мало. Нас, может быть, – четверо», – перефразируя слова Мандельштама, оброненные тем перед Рудаковым: «В России пишут четверо: я, Пастернак, Ахматова и П. Васильев»⁸. Присвоение «мифа о Политехническом» произошло ровно так же, как была присвоена мандельштамовская цитата. Сделано это в стихотворении «Прощание с Политехническим», что написано по свежим следам, сразу после первого чтения, – настолько вовремя, что даже было вмонтировано закадровым голосом в хуциевский фильм. Интересно, что в стихотворении используется та же тактика, что и в «Нас мало...»: как и там, это примерка на себя «не по чину барственной шубы», когда своя, еще проблематичная, поэтическая судьба уравнивается с чужой, полностью состоявшейся: «Нам жить недолго. Суть не в овациях, / Мы растворяемся в людских количествах / в твоих просторах, Политехнический. / Невыносимо нам расставаться. <...> Политехнический – /моя Россия! – ты очень бережен и добр, как бог, / лишь Маяковского не уберег...»⁹

А с другой стороны, и впрямь, не Слуцкому же делать из Политехнического миф? Для него те чтения не были самыми острыми

ми впечатлениями в его жизни. Что ему до этих чтений – человеку, повидавшему войну и успевшему хлебнуть на ней не военного братства, а совсем иного: он с год прослужил секретарем при военной прокуратуре в дивизии и насмотрелся расстрелов... Крайне далеки стихи позднего Слуцкого от романтики, столь востребованной 60-ми годами. Его «Кельнская яма» куда как страшней и жестче «Гойи» Вознесенского, а если поставить рядом его поздние, «непроходные» для советской печати стихи – такие как «Почему люди пьют водку?», «Усталость проходит за воскресенье», «Человечество делится на две команды»¹⁰ – все то, что всерьез и глубоко повлияло на раннего Бродского, то по глубине и оригинальности все эти вещи сильно перевешивали Евтушенко или Вознесенского¹¹. Но все это не было востребовано аудиторией. Прочитано – да не считано. Это потом Бродский скажет, но тоже безрезультатно: «Именно Слуцкий едва ли не в одиночку изменил звучание послевоенной русской поэзии. Его стих был сгустком бюрократизмов, военного жаргона, просторечия и лозунгов, с равной легкостью использовал ассонансные, дактилические и визуальные рифмы, расшатанный ритм и народные каденции. Ощущение трагедии в его стихотворениях часто перемещалось, помимо его воли, с конкретного и исторического на экзистенциальное – конечный источник всех трагедий. Этот поэт действительно говорил языком двадцатого века <...> Его интонация – жесткая, трагичная и бесстрастная – способ, которым выживший спокойно рассказывает, если захочет, о том, как и в чем он выжил»¹².

А то, что делали Вознесенский, Ахмадулина, в меньшей степени Евтушенко, было лишь судорожным усвоением их поколением опыта тех, чьи тексты всплывали тогда из небытия – Цветаевой, Кузмина, Ходасевича. Почти вся пытающаяся разорвать оковы сталинского канона «дозволенная», допущенная до печати поэзия тех лет – не что иное, как последовательный «импринтинг» поэтик Серебряного века в сознании стихотворцев нового поколения. Так, Андрей Вознесенский, начинавший писать стихи в тени Пастернака, говорил, что собственная поэтическая интонация сформировалась у него лишь к стихотворению «Гойя» (1959). Однако внимательный читатель слышит, что все инновации этого стихотворения есть не что иное, как открытия Маяковского¹³, сделанные еще в «Облаке в штанах» (1913) и увиденные через призму Пастернака. Недаром И. Сельвинский говорил, что в Москве 1960-х годов в поэзии царит «пастернакишь», а в Петербурге – «мандельштамп»¹⁴. Массовая популярность поэтов, выступавших на вечерах в Политехническом музее, свидетельствует о том, что им выпало озвучить те комплексы

идей и эмоций, которые находились на грани осознания аудитории, жадно этой поэзии внимавшей: все эти идеи и чувства существовали, требовали выхода – просто их нужно было облечь в яркую форму. «Новая поэзия» 1960-х годов – это не поэзия личных прозрений и поисков, а артикуляция определенных массовых стереотипов, существовавших у читателей и слушателей этих текстов.

Слуцкий был слишком индивидуалистичен, слишком ироничен и не желал ни с кем маршировать, в то время как «четверка Политехнического», во-первых, активно себя продвигала, во-вторых (что главное), прекрасно резонировала с ожиданиями аудитории, не очень искушенной, по сути дезориентированной в реальности. Для них, «детей XX съезда», произошло «обнуление истории»: «возвращение к ленинским нормам законности» отбросило их сознание к началу Советской эпохи, истоку ее, 1917 г.; им предложили строить настоящее и будущее из чужих воспоминаний о революции, ценностями которой они были абсолютно индоктринированы, но революции этой в их опыте не было и быть не могло. С этой точки зрения «Оттепель» и 1960-е годы – это проект мифологизации общества, по сравнению с которым предшествующие советские десятилетия – образец рациональности и контакта с реальностью. И произошло это в социуме, где целое поколение подростков никогда не знало отцов – те были вырваны из семьи войной. Некоторым повезло, отцы вернулись – но поздно, многие же и этого оказались лишены. И если смотреть на 60-е годы под этим углом зрения, становится понятно, откуда «революционный романтизм» тех лет и инфантильность в странном сочетании с брутальностью – и многое, многое другое. И та самая «Застава Ильича» (как почти все фильмы, сценаристом которых был Г. Шпаликов) очень точно улавливает это состояние потерянности «детей XX съезда», которое и сформировало ауру 60-х годов

Поколение 1960-х искало общности – интеграции личного опыта с опытом социальным. И стихи, и проза тех лет – они прочитываются как попытки создания таких матриц общности. И стихи тут были хороши тем, что предлагаемые ими матрицы были сжаты, компактны, легко запоминались – и притом, как правило, были достаточно облегчены для восприятия. В поэзии ценилось сочетание формульности и эмоциональности, а не возможность рефлексии над текстом. Недаром, говоря о ситуации тех лет уже из 1980-х годов, В. Кривулин подчеркивал, что в 60-е годы «поэзия, как правило, восполняла недостаток экзистенциального опыта слушателей. Слушателей, а не читателей: будучи даже изданы, перепечатаны или переписаны от руки, стихи воспринимались в первую очередь как звучащее, а не написанное слово. Живой голос поэта как бы заполнял

лакуны в эмоционально обедненной жизни среднего человека»¹⁵. Отсюда, среди прочего, и популярность поэтических чтений: они давали возможность за небольшой промежуток времени получить «готовые к употреблению формулы», которые оседали в памяти. С другой стороны, это диктовало и определенные «форматы» – короткое, достаточно афористичное стихотворение: именно на подобные стихи был спрос. Что касается опыта, слишком индивидуализированный опыт, особенно если он еще подчеркнуто заявлен как таковой, здесь не годился – на нем заведомо нельзя было выстроить общность. Отсюда, с одной стороны, вынесение на периферию, например, Слуцкого, а с другой – попытка поверхностно разделить чужой опыт, походя к нему приобщиться: в виде поощряемого властями «литературно-производственного туризма», из которого вырастали «Братские ГЭС» Евтушенко, «фабричные» стихи Вознесенского и прочее в том же духе.

И здесь тоже лежит один из водоразделов, отсекающих поэзию Бродского от «поэзии Политехнического» – и той массовой аудитории, которая была потребителем этой поэзии. Как ни странно это звучит, за Бродским – еще до ссылки в Норенскую – стоит, в отличие от «литературных туристов», серьезный и весьма богатый опыт реальной жизни: поэт успел по-настоящему поработать фрезеровщиком, кочегаром в бане, смотрителем маяка, матросом на пристани, лаборантом на кафедре кристаллографии, не говоря о всех его геологических экспедициях...¹⁶ На этом фоне Евтушенко с его вояжем к строителям Братска выглядит просто карикатурно. «Интеллектуал и богомный туняец» в глазах массового читателя, Бродский как раз простой труд знал отнюдь не понаслышке, изнутри. Но что характерно: эту часть своей жизни, кроме разве что геологической, он в стихи не пускал.

В какой-то степени «несистемность» Бродского связана с тем, что он поздно начал писать, тем самым миновав «школьно-юношескую» стадию поэзии с ее неизбежной ориентацией на канонические образцы, и уберегся от литературных студий. Про последние Евгений Рейн в одном из интервью обмолвился: «Нам не нравилась подсоветская поэзия, которая бытовала в ЛИТО при университете, в ЛИТО при Союзе писателей. Но самой могущественной была группа Глеба Семенова, собранная им при Горном институте. Но что-то у нас с ними не склеивалось. <...> он был референтом при Союзе писателей по работе с молодыми авторами, вел какие-то вечера. Бродского он несколько раз на этих вечерах не выпускал на сцену. Тот был иногда даже в списке выступающих, но Семенов боялся неприятностей»¹⁷. Эта «поздняя постановка го-

лоса» и движение в одиночку вели к тому, что слух на стихи нарастал по каким-то совсем другим вещам, во многом – по переводной поэзии, которую тогда начали печатать несколько больше, чем в предыдущее десятилетие. И тут возникает интересный диссонанс в свидетельствах современников. Так, Анатолий Найман в своем предисловии «Заметки для памяти» к «Остановке в пустыне» (в издании 1970 г. в качестве подписи стояло лишь Н. Н.) говорит об этих влияниях, что стихи Бродского казались переводами с какого-то чужого языка¹⁸, Евгений Рейн вспоминает, что в начале их знакомства Бродский «читал стихи, которые нигде потом не публиковались. Подражал, сколько помню, западной революционной поэзии – Пабло Неруда, Назым Хикмет»¹⁹. Последнее свидетельство вызывает ряд вопросов. Назым Хикмет – настолько неочевидная ассоциация (хотя тогда его как раз много печатали), что сомнительно ее возникновение без подсказки. Не о стихотворении ли «Путешественник, наконец, обретает ночлег» (1960), имевшем эпиграф из Назыма Хикмета «Пришлите мне книгу со счастливым концом», идет речь? Но тогда оно было напечатано уже в сборнике 1965 г., вышедшем в Нью-Йорке, откуда Бродский был в ссылке. И от Хикмета там – лишь это, а основное влияние – очевидное в стихотворении, как и в целом ряде других вещей Бродского начала 1960-х годов, – от Слуцкого. Но Рейн хочет подчеркнуть свое воздействие на поэтику Бродского, а признание роли Слуцкого эту легенду, поддержанную самим Бродским, дезавуирует. Однако в комментирующих текстах в «Антологии Голубой лагуны» Константин Кузьминский, в своей «нелицеприятной манере», говорит следующее: «...спросите Бродского – кто его учитель, и он, ежели не согрешит, ответит: Уфлянд и Рейн. Не обойдет и Красовицкого и Чудакова, ибо если рассматривать позднейшие тексты Бродского – то тут-то и всплывают эти имена, наряду с поэзией Запада (поляки, Донн, Блейк, Элиот – да сам Иосиф лучше знает, кто именно), Ахматова же – просто красивая легенда. Безусловно, что за вычетом этой группы, никто из поэтов об Ахматовой всерьез и не думал – принимали, как должное. Бродский мне почему-то читал не Ахматову, а – “Кёльнскую яму” Слуцкого – то самое влияние, которое активно опровергает автор предисловия “Заметки для памяти” в сборнике Бродского “Остановка в пустыне”»²⁰. И, видимо, как раз в 1960 г. Бродский это влияние вполне осознал – и перешагнул, попросившись со Слуцким в стихотворении «Лучше всего спалось на Савеловском», кончающемся словами «До свидания, Борис Абрамыч. / До свидания. За слова спасибо»²¹. А происходит «смена ориентиров», которая очень четко сформулирована Ахматовой: «Вот в

чем сила Иосифа: он несет то, что никто не знал: Т. Элиота, Джона Донна, Перселла – всех этих мощных, великолепных англичан! Кого, спрашивается, несет Евтушенко? Себя, себя и еще раз себя»²².

И вот здесь лежит глубинное размежевание Бродского и «поэтов Политехнического», всей популярной поэзии 1960-х. Та была, как уже формулировалось выше, лишь артикуляцией определенных массовых стереотипов, существовавших у читателей и слушателей этих текстов. По сути, это была социальная поэзия как таковая. (Именно эта ее черта стоит за жесткой фразой Бродского о том, что для него «Евтушенко – человек другой профессии»²³.) А социальная поэзия, отвечающая на проблемы советского социума, не нуждалась в «донорстве» иноязычной культуры; более того, это «донорство» могло быть чревато утратой контакта между поэтом и его аудиторией: вливание чужой группы крови грозит летальным исходом.

И на этом фоне становится вполне понятно, почему та же «подцензурная» публикация Бродского в ленинградском «Дне поэзии» 1967 г. не оставила никакого следа в культурной памяти – в отличие от процесса над поэтом. «Памяти Т.С. Элиота» – стихотворение, абсолютно невнятное для «аудитории Политехнического»: имя Элиота могло вызывать у нее какие-то смутные ассоциации, и не более того; томик переводов А. Сергеева из Т.С. Элиота выйдет лишь в начале 1970-х годов. Стихотворение Бродского воспринималось вне какого-либо культурного контекста, превращаясь для читателей в совершенно герметичное произведение: ни повод к написанию стихотворения, ни его форма, повторяющая оденовское «Памяти У.Б. Йейтса», ни отношение к поэзии, программно выраженное в стихотворении, этими читателями не могли быть востребованы. И особенно интересно посмотреть на разрыв «больших вещей» Бродского, писавшихся в ссылке и после нее, и читательскими ожиданиями. Приведем лишь один пример – «Два часа в резервуаре»²⁴. Само название поэмы, отсылающее к полету Гомункулуса в колбе из второй части гётевского «Фауста», уже могло для многих читателей представлять проблему. А тем самым «не считывалась» основная тема поэмы: у Гёте Гомункул соответствовал Эросу, и тем самым Бродский в «Двух часах...» ставил вопрос о правильном творческом эросе, по сути, развивая круг идей, изложенных Платоном в «Пире». Если прибавить к этому ироничнейшие аллюзии на «Доктора Фаустуса» Манна и «Закат Европы» Шпенглера, то получится весьма взрывчатая смесь, но явно не рассчитанная на рядового советского интеллигента. Все это было рассчитано не на утоление эмоционального голода, а на понимание и размышление. Это действительно была другая поэзия.

Примечания

- ¹ День поэзии 1967. Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 134–135; *Полухина В.* Эвтрепа и Клио Иосифа Бродского: хронология жизни и творчества. Томск: ИД СК-С, 2012. С. 137.
- ² *Гордин Я.А.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010. С. 20.
- ³ *Шульц С.* Иосиф Бродский в 1961–1964 гг. // Звезда. 2000. № 5. С. 75–76.
- ⁴ *Сергеев А.* Omnibus. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 440–441.
- ⁵ Там же. С. 441.
- ⁶ Я. Лернер – один из соавторов (наряду с А. Иониным и М. Медведевым) пасквиля «Окололитературный трутень», опубликованного 29 ноября 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» и давшего начало процессу над Бродским. До этого, в 1957 г., инициировал разгром стенгазеты «Культура» в Технологическом институте.
- ⁷ *Окуджава Б.* Пятидесятые // Известия. 1986. 14 марта.
- ⁸ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 г. СПб.: Академический проект, 1997; Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб.: Наука, 1997. С. 81–82.
- ⁹ *Вознесенский А.* Прощание с Политехническим [Электронный ресурс] // Ruthenia. Русская поэзия 1960-х годов. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/voznes/antimir/proschanie.htm> (дата обращения: 25.02.2013).
- ¹⁰ *Слуцкий Б.* Человечество делится на две команды... [Электронный ресурс] // World Art. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9562> (дата обращения: 25.02.2013).
- ¹¹ Заметим, что на репутации Б. Слуцкого очень сильно сказалось его выступление на устроенном СП судилище над Пастернаком. Но про это лучше всего написал Омри Ронен в статье «Грусть», по сути объясняя, насколько иной смысл, чем то пытаются ему обычно придать, имел этот эпизод на самом деле, что именно имел в виду Слуцкий и насколько это отличалось от позиции литературных погромщиков. См.: *Ронен О.* Грусть // Звезда. 2012. № 9.
- ¹² Цит. по: *Полухина В.* Бродский глазами современников. СПб.: Звезда, 1998. С. 63.
- ¹³ Н. Асеев еще в начале 1960-х годов заметил: «Родственность Вознесенского Маяковскому несомненна. И не только в необычном строе стиха – она в содержании, в глубокой ранимости впечатлениями...» (Цит. по: *Скорино Л.* Послесловие к книге Андрея Вознесенского «Ахиллесово сердце» (1964) [Электронный ресурс] // Ruthenia. Русская поэзия 1960-х годов. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/voznes/ahilles/skorino.htm> (дата обращения: 25.02.2013)). Не в последнюю очередь именно для того, чтобы затушевать эту очевидную связь, Вознесенский со второй половины 60-х настойчиво «озвучивает» свои юношеские визиты к Пастернаку, выстраивая для себя более приемлемую с точки зрения формирующегося нового культурного контекста генеалогию.

- ¹⁴ Кузьминский К. Ахматовские сироты [Электронный ресурс] // Кузьминский К.К., Ковалев Г.Л. Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны в 5 томах. Т. 2b. URL: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom2b/nov.htm> (дата обращения: 01.02.2013).
- ¹⁵ Каломиров А. [Кривулин В.]. Двадцать лет новейшей русской поэзии: (Предварительные заметки) // Русская мысль. 1985. № 3601. 27 дек. Литературное приложение № 2. С. VII.
- ¹⁶ Полухина В. Эвтрепа и Клио Иосифа Бродского. С. 50–110.
- ¹⁷ Крыщук Н. Евгений Рейн: Мне скучно без Бродского и Довлатова [Электронный ресурс] // Люди. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/geun/> (дата обращения: 01.02.2013).
- ¹⁸ Н. Н. [Найман А.] Заметки для памяти // Бродский И. Остановка в пустыне. Н. У.: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 11.
- ¹⁹ Крыщук Н. Указ. соч.
- ²⁰ Кузьминский К. Указ. соч.
- ²¹ Бродский И. Соч.: В 4 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. Т. 1. С. 34.
- ²² Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Einaudi, 1996. С. 695.
- ²³ Ср.: «Для Бродского Евтушенко – человек другой профессии» (Довлатов С. Соло на IBM // Довлатов С. Собр. соч.: В 3 т. СПб.: Лимбус-пресс, 1993. Т. 3. С. 320).
- ²⁴ Бродский И. Указ. соч. Т. 1. С. 334–340.

Ю.Г. Бит-Юнан

ИСТОРИЯ АРЕСТА РОМАНА В.С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» В ОСВЕЩЕНИИ ПЕРИОДИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

В статье проводится анализ публицистических произведений и материалов периодической печати русского зарубежья, посвященных «аресту» романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Автор приходит к выводу, что специфика описания этого события отвечала публицистической прагматике.

Ключевые слова: журналистика русского зарубежья, публицистика, В.С. Гроссман, «Жизнь и судьба», мемуаристика.

Как известно, 19 декабря 1960 г. состоялось расширенное заседание редколлегии журнала «Знамя». Тема – обсуждение романа «Жизнь и судьба». Расширенным же заседание было названо постольку, поскольку главный редактор В.М. Кожевников пригласил туда представителей руководства Союза писателей. И фактически все присутствовавшие признали роман антисоветским, что отражено в стенограмме¹.

Далее сотрудники редакции дважды официально уведомили автора о коллегиальном решении. Также рекомендовано было принять меры к тому, чтобы роман не попал во вражеские руки.

Меры были приняты, правда, не Гроссманом. 14 февраля 1961 г. три офицера Комитета государственной безопасности СССР изъяли отовсюду рукописи крамольного романа².

Автор пытался протестовать, отправил письмо Н.С. Хрущеву и был впоследствии вызван в ЦК КПСС, где разговаривал о романе с М.А. Суловым. Рукописи ему не вернули. И дело не получило огласки.

© Бит-Юнан Ю.Г., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

Как известно, относящиеся к перечисленным событиям документы – редакционные материалы, протоколы обысков, копия обращения к Хрущеву, запись сказанного Суловым и т. д. – публиковались на родине Гроссмана более четверти века спустя. А при его жизни и даже вскоре после смерти об аресте и борьбе за возвращение рукописей мало кто слышал.

Заметно изменилась ситуация лишь в 1975 г., когда эмигрантские издания начали публикацию глав романа. В одном из редакционных примечаний упоминалось, что роман был арестован³.

Некоторые подробности читатели узнали в 1976 г. Тогда об аресте рассказал Б.С. Ямпольский в посмертно опубликованной «Континентом» статье «Последняя встреча с Василием Гроссманом»⁴.

По словам Ямпольского, в квартиру Гроссмана пришли некие «двое». Они и взяли «не только все копии, но и черновики, и материалы, а у машинистки, перепечатававшей роман, забрали даже ленты пишущей машинки». Тут следует отметить, что эту историю Ямпольский узнал не со слов Гроссмана – ему ее поведал кто-то уже после смерти последнего. Протоколов же обыска, где сказано, что обыскивавших было не «двое», а про «ленты пишущей машинки» и вовсе нет упоминаний, мемуарист, конечно, не видел.

В 1979 г. об аресте романа рассказал и Г.Ц. Свирский. В его книге «На лобном месте: литература нравственного сопротивления» сообщается, что донос на Гроссмана в ЦК КПСС отправил Кожевников. Далее же сотрудники КГБ – после обыска у Гроссмана – бросили «на следовательский “конвейер” большую женщину-машинистку. “Конвейер” – это когда следователи меняются, а подсудимый – нет»⁵.

У «больной женщины» и «ленту пишущей машинки» отобрали, и спать не давали, пока она не сообщила, сколько экземпляров напечатала и кто ей помогал. Затем обыски у родственников и друзей Гроссмана по всей территории СССР, изъятие 17 копий романа.

Похоже, мемуары Ямпольского в данном случае были главным источником. Разве что явно вымышленные сюжеты и детали Свирский где-нибудь еще почерпнул.

Тему продолжил Е.Г. Эткинд. На исходе 1979 г. нью-йоркский журнал «Время и мы» опубликовал его статью «Двадцать лет спустя. О Василии Гроссмане»⁶.

Она гораздо более аналитична, нежели книга Свирского, только на уровне фактографии различия невелики. Так, донос Кожевников отправил в КГБ, а не в ЦК партии, участвовали еще два сотрудника журнала. Как это стало известно, не сообщается.

***

Уместно отметить, что все писавшие тогда об арестованном романе не объясняли, почему он попал именно в «Знамя». Логичнее бы отдать роман в самый авторитетный журнал – «Новый мир». А.Т. Твардовский, главный редактор, был давним приятелем автора, и в его журнале впервые напечатана первая часть дилогии – роман «За правое дело»⁷.

Вопрос был, что называется, деликатный: Гроссман, выбрав «Знамя», словно бы демонстративно игнорировал Твардовского.

Причины странного выбора рассматривала впервые Н.А. Роскина. В 1980 г. парижским издательством выпущена ее книга «Четыре главы. Из литературных воспоминаний»⁸.

Роскина утверждала, что написала воспоминания в 1970 г., когда не знала еще о публикациях в эмигрантских журналах, а позже либо услышала о них, либо поверхностно с ними ознакомилась – из текста не понятно. Зато историю ареста она подробно описала. Согласно Роскиной, пока в «Знамени» решался вопрос о гроссмановской рукописи, «Твардовский, хотя у него с Гроссманом отношения перед этим были несколько нарушены (ему не понравился рассказ Гроссмана “Тиргартен”, и между ними произошел резкий разговор), позвонил, выразил желание прочесть роман, и Гроссман дал ему один из дублетных экземпляров. Как рассказал мне Василий Семенович, Твардовский ему сказал, что он не спал двое суток, был в необыкновенном волнении от того, что он прочел...».

Деликатный вопрос о причине выбора «Знамени», таким образом, был снят. Однако в истории появился еще один участник – Твардовский. Необходимо было конкретизировать его роль.

Поэтому тема была продолжена. В том же 1980 г. «Континент» опубликовал мемуары Б.Г. Закса «Немного о Гроссмане»⁹.

Бывший сотрудник «Нового мира» с Роскиной не спорил и не соглашался. Вообще не упоминал о ней. Но тоже утверждал, что по какому-то несущественному поводу Твардовский поссорился с Гроссманом, когда тот заканчивал вторую часть дилогии, о чем тогда вообще «мало кто знал. Разве что ближайшие друзья».

Стало быть, пустячная ссора помешала Твардовскому вовремя узнать о планах Гроссмана. И «потому, закончив вторую часть романа, Гроссман не пошел с ней в “Новый мир” к Твардовскому, а отдал в журнал “Знамя”».

Согласно Заксу, ответа Кожевникова Гроссман дождался чуть ли не год. Причем все это время Твардовский и Гроссман не разговаривали. Даже когда вместе с женами отдыхали в Коктебеле «поздней осенью 1960 года».

Однако затем они вновь случайно повстречались в Центральном доме литераторов. Там помирились, «и Гроссман попросил Твардовского прочитать роман и сказать, может ли его публикация быть возможной».

Твардовский помочь «сразу же согласился. Он прочитал роман сам, дал прочесть нескольким членам редколлегии».

Закс утверждал, что редакция «Знамени» вернула рукопись Гроссману. Однако вскоре был арест, и 14 февраля 1961 г. сотрудник КГБ изъял также экземпляр, хранившийся в новомировском сейфе. Расписка, данная в связи с изъятием, была позже редакцией утеряна.

Однако здесь многое документально либо не подтверждается, либо опровергается.

Прежде всего, Гроссману не пришлось так долго ждать ответа Кожевникова. Уже 23 мая 1960 г. был заключен договор и выплачен аванс. Окончательный вариант романа, 40 авторских листов, т. е. примерно 1000 стандартных машинописных страниц, Гроссману надлежало сдать к 1 октября¹⁰.

Стало быть, Кожевников выплатил четверть гонорарной суммы, еще не получив рукопись. Торопился он, потому что Гроссман в 1960 г. считался не только классиком литературы о Великой Отечественной войне, но и классиком советской литературы. Первая часть диалогии не раз переиздана, вторая анонсирована, главы напечатаны в периодике. Вопреки Заксу, о скором завершении работы знали сотни тысяч советских читателей. Твардовский и Кожевников – два редактора – не могли этого не знать. Вероятно, Кожевникову лестно было договориться о публикации гроссмановского романа; серьезные цензурные препятствия он вряд ли прогнозировал с учетом апробации в периодике¹¹.

Редакции Гроссман передал три экземпляра рукописи. Обычная практика: один исходный, контрольный, с другим редактор должен работать, в третий же вносить правку, согласованную с автором. Вопрос о публикации был решен загодя, потому и понадобились три экземпляра. Однако мнение Кожевникова о романе радикально изменилось, о чем и был оповещен Гроссман еще до 19 декабря¹².

Если Гроссман и Твардовский «поздней осенью 1960 года» вообще не разговаривали, то еще позже вряд ли стоило бы обсуждать вопрос о возможности публикации. А после 19 декабря Твардовский, весьма опытный функционер СП, вряд ли передал бы «антисоветский» роман для ознакомления «нескольким членам редколлегии». Кстати, Заксу вопреки, редакция «Знамени» не вернула рукописи Гроссману. Именно потому, что роман – «антисоветский».

Прагматика мемуаров Закса тем не менее становится ясна, если сопоставить их с воспоминаниями Роскиной.

Стараниями Роскиной выяснилось, что Гроссман не игнорировал Твардовского. Но если тот получил рукопись, не исключен был вопрос о причастности к доносу и аресту как самого Твардовского, так и членов редколлегии «Нового мира». Вот Закс и старался исключить такую возможность. Он не упоминал имени Роскиной, но утверждал, что рукопись в «Новый мир» попала лишь тогда, когда донос на Гроссмана уже был доставлен адресатам. А для подтверждения и понадобился рассказ о чуть ли не годичном ожидании ответа от Кожевникова. Роскина срок не конкретизировала, а Заксу необходимо было сказать, что за год донос не мог не прийти. И если гроссмановская рукопись была изъята из новомировского сейфа, значит, не Твардовский отправил экземпляр в КГБ или ЦК партии¹³.

***

Репутацию главреда «Нового мира» защищали и другие мемуаристы. Но, пожалуй, наиболее специфичны свидетельства С.И. Липкина. В 1986 г. мичиганским издательством была опубликована его книга «Сталинград Василия Гроссмана»¹⁴.

Липкин, как и остальные, пишет о ссоре Гроссмана с Твардовским и последовавшем затем примирении. Так, «1 февраля 1961 года – еще до рокового заседания редколлегии» Гроссман якобы писал Липкину в Малеевку: «Имел перед болезнью беседу с Твардовским. Встретились у него, говорили долго. Разговор вежливый, осадок тяжелый. Он отступил по всему фронту, от рукописи и от деловых отношений отказался полностью, да и от иных форм участия в литературной жизнедеятельности собеседника отстранился».

Допустим, Липкин ошибся только в дате «рокового заседания». Но далее он сообщает, что «на этом отношения Гроссмана с Твардовским не оборвались окончательно».

По Липкину, Гроссман и его жена *поздней осенью* 1961 г. поехали отдыхать в Коктебель, где тоже отдыхали Твардовский с женой. Вот «жены и помирили мужей. Твардовский сказал: “Дай мне роман почитать. Просто почитать”. И Гроссман, вернувшись в Москву, отвез ему, видимо, с некой тайной надеждой, роман в редакцию “Нового мира”. После ареста романа к Гроссману чуть ли не в полночь приехал Твардовский, трезвый. Он сказал, что роман гениальный».

Но коль скоро примирение состоялось не ранее осени 1961 г., значит, Гроссман и Твардовский собрались обсудить вопрос о пу-

бликации через несколько месяцев после ареста рукописей. Непонятно также, что имел в виду Гроссман в письме, датированном 1 февраля.

Однако свидетельства Липкина выглядят не вовсе абсурдно, если допустить, что он, защищая Твардовского, не только домысливал сюжеты, но и передвигал, буквально тасовал, хронологические рамки известных ему событий. Если допустить, что Гроссман и Твардовский помирились не «поздней осенью» 1961 г., и даже не годом раньше, как писал Закс, а двумя, тогда мозаика складывается.

Гроссман отдал Твардовскому рукопись после ссоры. Твардовский прочел, «несколько членов редколлегии», вероятно, тоже, как Закс и писал. А печатать Твардовский не решался, предвидел цензурный запрет, о чем сообщил Гроссману – на исходе осени 1959 г. или в начале следующего. В результате вновь вышла ссора, о чем Гроссман и сообщил Липкину *1 февраля 1960 г.* Тогда и принял Гроссман предложение Кожевникова. А с Твардовским он тогда был в ссоре, почему и на курорте осенью 1960 г. отказался с ним разговаривать.

Так ли точно было, нет ли, но свидетельства, обосновывающие правомерность этой версии, найти можно. Например, в мемуарах Н.П. Бианки. В 1999 г. изданы ее мемуары «К. Симонов, А. Твардовский в “Новом мире”»¹⁵.

Бывшая сотрудница журнала писала, что, после того как Твардовский узнал об аресте романа, «...он очень огорчился, все время повторял: я же его слезно просил рукопись в “Знамя” не отдавать. Как он мог довериться Кожевникову? Тот незамедлительно отправился советоваться в ЦК». Далее, в сноске, Бианки поясняет: «Василий Семенович второй экземпляр романа отдал в “Знамя” в надежде, что если не в “Новом мире”, то, может быть, в “Знамени” напечатают».

Следует отметить, что свидетельство Бианки, видимо, самое точное из тех, что были проанализированы выше. Однако именно эта книга до сих пор не была учтена ни в одном исследовании о Гроссмане.

***

Таким образом, можно заключить, что мемуаристы, писавшие в 80-х годах XX в. об истории ареста и публикации романа «Жизнь и судьба», решали двойную публицистическую задачу. Во-первых, создавали Гроссману репутацию мученика, лишённого главной книги своей жизни. Во-вторых, доказывали, что ни Твардовский, ни сотрудники «Нового мира» не имели никакого отношения к аресту рукописи.

-
- ¹ См.: *Фельдман Д.М.* До и после ареста: судьба рукописи Василия Гроссмана // Литературная Россия. 1988. 11 нояб.
- ² См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 17.
- ³ *Гроссман В.* За правое дело. Отрывок из второго тома романа // Грани. 1975. № 97. С. 3.
- ⁴ Здесь и далее цит. по: *Ямпольский Б.С.* Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия) // Континент. 1976. № 8. С. 133–155.
- ⁵ Здесь и далее цит. по: *Свирский Г.Ц.* На лобном месте: At the place of execution: литература нравственного сопротивления. Л., 1979. С. 253–255.
- ⁶ *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя. О Василии Гроссмане // Время и мы. 1979. № 45. С. 5–12.
- ⁷ *Гроссман В.С.* За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210.
- ⁸ Здесь и далее цит. по: *Роскина Н.А.* Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Р., 1980. С. 101–129.
- ⁹ Здесь и далее цит. по: *Закс Б.Г.* Немного о Гроссмане // Континент. 1980. № 26. С. 352–363.
- ¹⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 16.
- ¹¹ См., напр.: *Гроссман В.С.* Сталинградские штабы // Литературная газета. 1960. 2 апр.; Утром и вечером // Литература и жизнь. 1960. 10 июня; В полку Березкина // Красная звезда. 1960. 15, 20 июля; В калмыцкой степи // Литература и жизнь. 1960. 26 авг.; В калмыцкой степи // Вечерняя Москва. 1960. 14 сент.
- ¹² *Фельдман Д.М.* До и после ареста: судьба рукописи Василия Гроссмана // Литературная Россия. 1988. 11 нояб.
- ¹³ *Маркиш Ш.П.* Пример Василия Гроссмана // Гроссман В.С. На еврейские темы: В 2 кн. Кн. 2. Иерусалим, 1985. С. 412–415; *Кублановский Ю.М.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Грани. 1986. № 141. С. 284–288.
- ¹⁴ Здесь и далее цит. по: *Литкин С.И.* Сталинград Василия Гроссмана. Michigan, 1986. С. 75–76.
- ¹⁵ Далее цит. по: *Бианки Н.П.* К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». М., 1999. С. 146.

Е.Н. Комарова

ОТРАЖЕНИЕ САШИ СОКОЛОВА
В ЖУРНАЛЕ «ЗЕРКАЛО»
(К вопросу о самопрезентации русского
писателя-эмигранта в эмигрантской прессе)

Статья посвящена самопрезентации писателя третьей волны эмиграции Саши Соколова в русскоязычном литературно-художественном журнале «Зеркало» (Израиль). Автор показывает взаимосвязь между 20-летним перерывом в появлении новых произведений Соколова и изменением ситуации на книжном рынке, обусловленной потерей актуальности постмодернизма как литературного направления. Анализируются причины падения интереса критиков к позднему творчеству Соколова и мотивы его присутствия в журнале с атмосферой второго русского авангарда.

Ключевые слова: Саша Соколов, журнал «Зеркало», литературная критика, постмодернизм, самопрезентация.

Саша Соколов, писатель третьей волны эмиграции, вошел в мировую литературу как автор книг «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия». Последняя была издана в США в 1985 г., после чего последовал многолетний перерыв, и Соколов снискал себе репутацию «русского Сэлинджера»¹.

Между тем в «нулевых» годах Саша Соколов активно печатался в русскоязычном литературно-художественном журнале «Зеркало» (Израиль), а после того, как эти тексты, объединенные в книгу «Триптих», в 2011 г. были изданы в России, дал обстоятельное интервью тому же «Зеркалу», явно отдавая ему предпочтение перед прочими СМИ.

Журнал «Зеркало», выпускаемый при финансовой поддержке Министерства абсорбции Израиля, Министерства культуры и Тель-Авивского муниципалитета, адресован читателям, которых интересует развитие российской культуры в рамках от второго рус-

ского авангарда до современной прозы, поэзии, эссеистики и искусства. В нем публикуются «редкие свидетельства русской авангардной культуры XX в., актуальные для сегодняшнего литературного пространства»². По словам Ирины Врубель-Голубкиной, которая с 1993 г. является главным редактором «Зеркала», «когда Россия была закрыта, каждый иммигрантский журнал считал своей обязанностью спасти русскую литературу, печатать что-то “оттуда”. У нас, у “Зеркала”, функции совершенно другие, потому что время изменилось. Культурная и литературная жизнь в России абсолютно самодостаточна. И мы не стремимся жить этой отраженной жизнью, получать материалы оттуда. У нас существует своя жизнь, израильская. Освещение именно этой жизни – очень важный принцип нашего журнала. <...> Авторы наши – Израиль и эмиграция»³. Уместнее, видимо, было бы в таком случае говорить о втором израильском авангарде, но из песни слово не выкинешь, тем паче что слово это, точнее термин – второй русский авангард, еще в начале 70-х ввел в обиход муж Врубель-Голубкиной, «зеркалист» Михаил Гробман⁴.

Возникает закономерный вопрос: как оказался в «Зеркале» Саша Соколов?

Становление Саши Соколова как писателя происходило на почве андеграунда русской культуры и было озаменовано двумя литературными премиями: 1981 г. – премия Андрея Белого, 1996 г. – премия им. А.С. Пушкина. Независимая премия Андрея Белого, учрежденная в 1978 г. самиздатовским журналом «Часы», – советско-диссидентская, ее присуждали, за редким исключением, авторам андеграунда; премия им. А.С. Пушкина, учрежденная Германской академией искусств, тоже является разновидностью андеграунда. В соответствии с определением Станислава Савицкого под *андеграундом* мы понимаем в первую очередь неофициальную художественную среду в целом и неофициальную литературу в частности. По Савицкому, «неофициальная литература, будучи косвенно связана с политической деятельностью, представляет собой писательскую среду, которая оказалась вне литературных институций в течение 60–80-х годов. С точки зрения истории понятий она, в ряду других синонимов, выступает в качестве симптома вестернизации, обращенности этой среды к Западу и эмиграции. В то же время это понятие 70-х годов XX в. – десятилетия, в течение которого третья волна эмиграции начинает выполнять функции посредника в контакте оставшихся в Союзе и уехавших из него, поскольку в этот момент она полностью включена в советский контекст»⁵.

В 1989 г., во время своего недолгого возвращения в Россию, Саша Соколов в интервью журналу «Октябрь» заявлял: «Для меня

значение писателя – в его языке, мне нужен язык, меня тематика мало интересует»⁶. Несмотря на это, очевидно, что все его произведения, вплоть до «Палисандрии», так или иначе были подчинены развенчанию советского мифа: в «Школе для дураков» и «Между собакой и волком» – гиперболизацией смысла жизни простых людей, городских либо деревенских, в «Палисандрии» – путем описания нравов кремлевских временщиков-старожилов. Саша Соколов не мог не понимать своего вклада в противостояние двух держав и исход холодной войны. В 1990 г. он стал сопредседателем всесоюзной ассоциации писателей в поддержку перестройки «Апрель» – наряду с А. Приставкиным, Е. Евтушенко, Ю. Черниченко и М. Шатровым. В 1991 г. в журнале «Октябрь» была перепечатана «Палисандрия», в конце того же года распался СССР, наступила пресловутая эра гласности...

И Саша Соколов, уже на пороге своего вхождения в мейнстрим, «замолчал». Соцреализм, на волне противостояния которому зародился постмодернизм, выцвел, цензура исчезла, и читатель начал терять интерес к борьбе с ветряными мельницами. Отвечая на вопросы журналистов о творческих планах, Соколов уверял, что ему нравится быть «великим молчальником», и вместе с тем намекал, что пишет некие новые произведения, что когда-нибудь они будут представлены читателю...⁷

Почва для появления Соколова в «Зеркале» была подготовлена заранее. Еще в 1999 г. в № 11–12, в анкете под названием «Конец века в Израиле», на вопрос: «Какие русские книги XX века вы возьмете с собой в век XXI?» – все без исключения респонденты (а именно А. Бараш, А. Гольдштейн, М. Гробман, П. Пепперштейн, В. Тарасов, Я. Шаус) назвали книги Саши Соколова⁸. И вот, после 20-летнего молчания, Соколов «законсервировался» в «Зеркале», тем самым апостериори причислив себя к полумифическому второму русскому авангарду.

Первой публикацией Саши Соколова в «Зеркале» стало эссе «О другой встрече», опубликованное в 2006 г. в № 27–28. Весь номер был посвящен памяти Александра Гольдштейна, писателя и критика, члена редколлегии «Зеркала», скончавшегося в том году и посмертно награжденного уже упомянутой премией Андрея Белого. «Зеркало» будет печатать воспоминания о Гольдштейне многих его друзей и коллег, но, что характерно, именно Саше Соколову предоставлена возможность сделать это в режиме «алаверды».

В том же № 27–28 опубликованы фрагменты эссе самого Гольдштейна «Об одной встрече», перепечатанные из книги «Аспекты духовного брака» (НЛО, 2001), где Гольдштейн описывал впечат-

ления от встречи с Сашей Соколовым, весьма для того лестные: «...если кому интересно частное мнение, оповещаю, что я бы наградил Соколова пальмовой ветвью лучшего русского писателя современности, благо пальм растет у нас много»⁹.

После смерти Гольдштейна Ирина Врубель-Голубкина обсудила с Сашей Соколовым возможность получить от него (из Венеции) ответное воспоминание и опубликовала его с пометкой: «Текст прислан Сашей Соколовым специально для прочтения И. Врубель-Голубкиной на вечере, посвященном А. Гольдштейну, в Тель-Авиве в зале Бейт-Левик 26.10.2006 года».

Многие критики воспримут выход «Триптиха» единой книгой как прерывание молчания, некоторые при этом все же упомянут про то, что Соколов публиковал его в «Зеркале» по частям (речь об информированных и изошренных авторах таких изданий, как, например, «Читаем вместе», ЛИГИС, «Частный корреспондент», «Эксперт», OPENSPACE.RU, «Лехаим», «Ведомости» и т. д.). Но на фрагменты «Триптиха», появившиеся в «Зеркале», рецензий почти никто не писал, за исключением разве что «Частного корреспондента». Даже в пространной рецензии на «Триптих» Марины Кузичевой, опубликованной на сайте самого «Зеркала», про «Зеркало» нет ни слова¹⁰.

Так какому читателю был предназначен «Триптих» и был ли?

«Эти тексты публиковались понемногу в журнале «Зеркало», но круг тех, кто следит за ним или даже за обновлениями «Журнального зала», явно несопоставим с количеством почитателей С.С.» – так пытается объяснить ситуацию критик Игорь Гулин. В своей рецензии на «Триптих» он отмечает: «Это книжка, которая не хочет быть прочитана. В самой ее организации заложена не встреча с читателем. “Триптих” – продолжение не прозы, не поэзии и даже не эссеистики Саши Соколова, а его молчания»¹¹. С этим солидарен и другой рецензент, Александр Кестер:

Бросается в глаза ещё один факт: новая книга Соколова, откровенно говоря, оценена русской публикой как фиаско писателя. Значит это, в первую очередь, что русский человек не увидел в ней ничего характерного для своей ментальности. И это не мудрено <...> Если в произведениях раннего Соколова в рефлексии чувствовался поиск (она была не голым актом обращения внутрь себя), то «новый» Соколов описывает рефлексию безвольную, в которой нет смысла, а есть невмешательство с привкусом фатализма. <...> Человек не размышляет и не ищет, в работе его сознания нет смысла, оно исполняет роль желудка и не контролируется самим человеком, а программируется и питается извне. Сознание это – западного человека, судя по высказываниям Саши Соколова в интервью¹².

Майя Кучерская сказала еще и так: «Да, всякому автору обидно, когда от него требуют, чтобы он писал книги, похожие на те, за которые мы когда-то его полюбили. Но гениальная “Школа для дураков” уже написана, второй не бывает. И “Между собакой и волком” тоже. Желание двигаться дальше, продолжать эксперимент – черта честного художника, который здесь в своем праве. Но и читатель в своем. Эксперимент может быть любого содержания и смелости, однако обязан пробить читательское сердце насквозь. “Триптих” не пробивает, все-таки нет»¹³.

В целом же появление «Триптиха» не только в «Зеркале», но и в издательстве ОГИ осталось практически незамеченным.

Истинной причиной, по которой Саша Соколов отдал предпочтение «Зеркалу», видится все же редакционная политика журнала. Публичные высказывания Соколова при правильной интерпретации свидетельствуют о полной осознанности им своего места в литературе, равно как и о том, что аутизм для него – не более чем игра, дань традиции постмодернизма. Что, в свою очередь, дает основания предполагать, что имидж «писателя не от мира сего» – всего лишь грамотный маркетинговый ход.

Известный философ и литературовед Юрий Левин в свое время дал хорошее определение «культурному удешевлению» литературы. В соответствии с ним в наш век проблемы поэтики и протivotояния одинокого человека государственному насилию меркнут перед проблемами рынка, демократии, права, массового насилия и национализма. Писатель определенного толка сегодня утрачивает характер привилегированного объекта исследования. Он превращается в «наследие» – возвышенное, но внутренне далекое, и его произведения становятся наделены почетным, но уже музейным статусом свидетельства эпохи – эпохи, безвозвратно ушедшей. Раньше писатель «был ворованным воздухом, паролем, по которому узнавался человек твоей культуры, а сейчас этим может воспользоваться всякий илот, стало быть, это уже не интересно», – говорил Юрий Левин¹⁴. Правда, говорил он это о Мандельштаме. Но нельзя не согласиться с тем, что слова ученого вполне применимы и к Саше Соколову.

Примечания

---

¹ Саша Соколов [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Саша_Соколов (дата обращения: 21.01.2013). В связи с тем что данная статья посвящена проблеме репрезентации Саши Соколова в эпоху Интернета, здесь и далее приведены преимущественно указания на электронные источники.

- ² «Зеркало» – литературно-художественный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://zerkalo-litart.com> (дата обращения: 25.01.2013).
- ³ Интервью писателя Владимира Березина с главным редактором журнала Ириной Врубель-Голубкиной [Электронный ресурс] // Журнал «Мecenат и Мир». URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/45-48/zerkalo.htm> (дата обращения: 18.01.2013).
- ⁴ См.: *Бычков С.* Неподцензурная культура [Электронный ресурс] // Газета «Московский комсомолец». URL: <http://www.mk.ru/social/article/2012/05/31/710011-nepodtsenzurnaya-kultura.html> (дата обращения: 18.01.2013).
- ⁵ *Савицкий С.* Андеграунд: История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М.: НЛО, 2002. С. 35.
- ⁶ *Ерофеев В.* Время для частных бесед... // Октябрь. 1989. № 8. С. 199.
- ⁷ *Вайман Н.* Поверх барьеров. Беседа с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.091803.asp> (дата обращения: 27.01.2013).
- ⁸ *Бараи А., Гольдштейн А., Гробман М., Пеннерштейн П., Тарасов В., Шаус Я.* Конец века в Израиле [Электронный ресурс] // «Зеркало» – литературно-художественный журнал. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=2762> (дата обращения: 27.01.2013).
- ⁹ *Гольдштейн А.* Об одной встрече [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2006/27/go15.html> (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁰ *Кузичева М.* О «Триптихе» Саши Соколова [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2012/39/12ku.html> (дата обращения: 16.01.2013).
- ¹¹ *Пулин И.* Смертью изящных [Электронный ресурс] // Портал «OpenSpace.ru». URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/30291/details/32247/?attempt=1> (дата обращения: 16.01.2013).
- ¹² *Кестер А.* Саша Соколов. «Молчание» как метод [Электронный ресурс] // Портал «ЛИТИС». URL: <http://www.litis.org/ludi/sasha-sokolov-molchanie-kak-metod.htm> (дата обращения: 26.01.2013).
- ¹³ *Кучерская М.* По части речи [Электронный ресурс] // Газета «Ведомости». URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/261871/po_chasti_rechi (дата обращения: 18.01.2013).
- ¹⁴ Цит. по: *Гаспаров М.* Взгляд из угла // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 302.

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Цель статьи – попытка проанализировать состояние судебной публицистики сегодня. Несмотря на довольно подробное определение судебного очерка в журналистской терминологии, правовая интерпретация этого вида журналистского текста далеко не всегда совпадает с его филологической и текстологической оценкой. Часто на первый план выходит эмоциональная составляющая, из-за чего автор материала принимает ту или иную сторону, теряя при этом объективность и беспристрастность. Множество газетно-журнальных публикаций, проанализированных в рамках статьи, показывают, насколько размыто сегодня понятие «судебный очерк». Об этом явственно свидетельствует анализ правовых публикаций, посвященных резонансному делу спортсмена Расула Мирзаева.

Ключевые слова: журналистика, общество, право, газеты, судебный очерк, пресса, проблемы.

Еще в середине XIX в. одним из аналитических жанров, активно заявившим о себе на страницах прессы, был судебный отчет. Подобные отчеты посвящались, прежде всего, судебным процессам или же состоявшимся судебным делам. Аналитические отчеты, подготовленные для газет и журналов такими выдающимися авторами-юристами, как В.Д. Спасович, А.Ф. Кони, П.Н. Обнинский, Г.А. Джаншиев, можно считать эталонными для того периода развития журналистики¹.

Важность описания судебного процесса отмечал и в 70-х годах XX в. известный юрист М.С. Строгович, выпустивший в соавторстве книгу «Проблемы судебной этики». По его мнению, привлечение внимания граждан к работе суда содействовало бы мобилизации общественности на борьбу с преступностью, на предотвращение и предупреждение преступности². Это не пустые слова.

Психологи утверждают, что сегодня более 90% информации о мире человек получает из чужих рук, т. е. доля познания, основанного на личном опыте, неуклонно сокращается. Среди тех, кто несет людям знания о социальной реальности, особое место занимают журналисты. Журналистский текст в качестве информационной константы социальной действительности воздействует как на общественное сознание, так и на умонастроения каждого индивида.

Любая деятельность в современном обществе в той или иной мере подвергается юридическому анализу. Разумеется, его результаты не могут стать достоянием всего общества или большей его части без участия средств массовой информации. При этом журналисты не только выступают простыми «ретрансляторами» или популяризаторами юридического анализа, но и пытаются проводить его самостоятельно³. В отличие от журналистского расследования юридический анализ (в том числе и в прессе) имеет своей целью именно изучение состояния законности в обществе: установление соответствия или несоответствия тех или иных действий, поступков, процессов действующим правовым нормам.

Хорошей иллюстрацией этому служит прошедший недавно нашумевший судебный процесс по делу спортсмена Расула Мирзаева. В той или иной степени ему уделили внимание все отечественные СМИ. Суть его вкратце сводится к следующему: уроженца Дагестана, чемпиона мира по самбо и смешанному единоборству Расула Мирзаева обвиняли в гибели 18-летнего студента Ивана Агафонова в результате драки, случившейся между ними в августе 2011 г.

Общественный интерес, вылившийся в информационную шумиху и отчасти политизированность уголовного дела, значительным образом повлиял не только на приговор, но и на сам судебный процесс, уверены судебные эксперты⁴. Этому делу с самого начала пытались придать национальную окраску, подчеркивая, что русского Ивана убил кавказец Расул, и поэтому ему все сойдет с рук⁵. Средства массовой информации практически сразу разделились на два противоборствующих лагеря. Газеты, журналы и информационные порталы либо оправдывали спортсмена, либо агрессивно его обвиняли. Лишь малой доле отечественных СМИ удалось сохранить объективность. В первую очередь сохранили беспристрастный подход информационные агентства, в числе которых РИА «Новости», ИТАР–ТАСС, Интерфакс. Информагентства излагали исключительно проверенные и свершившиеся факты, такие как решения суда, удовлетворение ходатайства или отказ в нем, формирование экспертных групп, не давая собственную оценку этим событиям⁶. Взвешенной и объективной позиции придерживались крупные

федеральные общественно-политические издания, такие как «Российская газета», «Коммерсантъ», «Известия». Тем не менее газеты в отличие от информагентств уже снабжали публикации профильными комментариями экспертов, юристов, правозащитников, представителей правоохранительных органов и юридическим анализом ситуации⁷.

Вынесение точной юридической оценки тем или иным явлениям бывает часто исключительно важным актом, предвещающим известные практические меры по отношению к ним. При этом автор данного вида анализа, будучи юристом, как правило, не ставит перед собой задачу выявить причину таких событий, действий, процессов, определить условия их существования, дать прогноз их развития. Перед журналистом стоит прямо противоположная задача.

Являясь важным, а иногда и основным средством аргументации, оценка (прагматическая сторона информации) неотделима от фактов (предметно-логической составляющей информации). В ней выражены позиции автора, его система ценностей, представления о происходящем. Именно подбор и комбинация предметно-логической информации ложится в основу концепции статьи и позволяет судить об авторской позиции в рамках газетного материала или целого цикла статей⁸. Дело спортсмена Расула Мирзаева подтверждает это как нельзя лучше. В частности, журналист газеты «Новые Известия» Александр Колесниченко делает акцент на националистической окраске дела: «Именно из опасения, что гражданам не поймут, как виновного в смерти можно законно выпустить из тюрьмы, Мирзаева там и держат. Выходца с Северного Кавказа, виновного в смерти русского»⁹. Похожие нотки проскальзывают и у Павла Святенкова в материале «За Мирзаева вступилось его государство. За Агафонова же заступаться некому». Например, автор пишет: «Так что результат дела Мирзаева совершенно закономерен. За него заступилась его Родина, его государство – Дагестан. В международных отношениях любое государство поступает так же – вытаскивает соотечественников, что бы они ни совершили. За Агафонова же заступиться некому: безгосударственный русский народ не имеет собственного могущественного защитника. На законные интересы русских, на требования защиты от произвола, требования справедливости всем плевать»¹⁰. Подобные высказывания согласно статье 282 Уголовного кодекса Российской Федерации можно квалифицировать как «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам расы, национальности, языка, происхождения». Они недопустимы в средствах массовой информации и ведут к разжиганию межнациональной розни.

Разумеется, наиболее точный и полный юридический анализ актуальных событий в любой сфере деятельности может проводить прежде всего квалифицированный специалист, юрист, обладающий необходимыми знаниями и опытом. Как показывает практика, именно публикации таких авторов пользуются наибольшим вниманием массовой аудитории, оказывают наибольшее воздействие на нее. Вспомним юриста и журналиста в одном лице А.И. Ваксберга, мастерски осуществлявшего в недалеком прошлом юридический анализ в публикациях на страницах «Литературной газеты» («Ширма», «Судьба прокурора», «Царица доказательств» и др.). То же самое можно сказать и о Ю.В. Феофанове, публиковавшемся в «Литературной газете», в «Известиях» («Можно ли критиковать вердикт?», «Презумпция невиновности для журналиста»), в «Новом времени» («Процессы», «Перед альковом» и т. д.). В своих публикациях они профессионально рассматривали различные актуальные явления, процессы, действия, поступки с точки зрения Конституции РФ, различных законов. Глубина проведения юридического анализа, точность, достоверность – наиболее яркие черты их выступлений в прессе. Но это отнюдь не значит, что хорошую публикацию, содержащую юридический анализ, не может подготовить никто, кроме профессионального юриста. И обычный журналист, если он овладеет необходимым знанием законов самостоятельно, вполне может проанализировать ту или иную актуальную ситуацию с точки зрения правовых норм. Иначе говоря, для того чтобы заниматься юридическим анализом, журналисту необходима, кроме желания, соответствующая специальная подготовка.

Конечно же, юридический анализ тех или иных явлений, предлагаемый журналистами в своих публикациях массовой аудитории, всегда будет отличаться от юридического анализа, проводимого юристами и предназначенного для юристов, полагает А.А. Тертычный. И отличие это будет заключаться в первую очередь в стремлении журналистов сделать такой анализ максимально популярным, простым (или даже упрощенным), чтобы суть его оказалась доступной для широкого читателя, телезрителя, радиослушателя. Задачу провести юридический анализ популярно и в то же время доказательно, убедительно каждый выступающий в прессе решает по-своему, в зависимости от способностей, степени подготовленности, доступности необходимых данных, документов и пр.

Впрочем, как бы ни была важна объективная констатация фактов, в чем некоторые теоретики видят истинное призвание журналистики, только одно это не может удовлетворить современного читателя. Если главным направлением исследования выступает

оценка процесса, то журналист должен установить связь событий, составляющих процесс, с интересами, потребностями общества или отдельных социальных групп. При этом в зависимости от обстоятельств (например, информированности аудитории о тех или иных сторонах процесса) он может оценивать либо последнее событие, либо несколько связанных между собой событий, составляющих процесс, либо будущий (прогнозируемый) результат этого процесса. По этому пути идет колумнист Вениамин Роднянский в газете «Взгляд»: «Те, кто бывал или бывает в ночных заведениях, наверняка были свидетелями бытовых споров и проявления немотивированной агрессии. Причиной может быть что угодно <...> Но Рубикон перейден. Начали гибнуть люди. И это уже не случайность. Это конкретный пробел в системе охраны <...> Неужели охранникам сложно раздать должностные инструкции, что дерущихся надо не выталкивать на морозную улицу, а развести по разным углам или подсобным помещениям, коих в клубах полно, и вызвать полицию для выяснения обстоятельств? Неужели, увидев драку возле клуба между посетителями на территории, как бы уже не относящейся к собственности клуба, нужно отводить глаза, не вмешиваться, покуривать в сторонке? Зачем? <...> Я уверен, что, прояви охрана больше сознательности, и части кровавых трагедий можно было избежать. Может быть, пора уже всем задуматься?»¹¹

Материалы, написанные на основе уголовных или гражданских дел, имеют свою сюжетную и композиционную специфику. В некоторых случаях описание фабулы дела сопровождается ссылками на использованные источники информации (материалы следствия, комментарии адвокатов и т. д.). Наиболее часто цитируются обвинительные заключения и приговоры. Редко материалы подкрепляются ссылками на нормативные правовые акты и законы. Как правило, авторы ограничиваются указанием статей УК, фигурирующих в деле. Типичные примеры: «Убил неосторожно» – в федеральном выпуске «Российской газеты» № 5947 (274) от 28 ноября 2012 г.; «Мирзаева отправят на следствие» – в «Московском комсомольце» № 26015 от 15 августа 2012 г.; «К делу Мирзаева могут привлечь врачей» – в «Известиях» от 13 сентября 2012 г.

Журналисты довольно редко проводят юридический анализ и оценку материалов дела и судебных решений. Глубина этого анализа сильно варьируется: от обстоятельного разбора с привлечением обширного законодательного материала, полемики с оппонентами, построения прогноза возможных правовых последствий принятых решений до кратких констатаций типа «по делу было принято решение». Более подробный правовой комментарий дают на стра-

ницах прессы, как правило, представители судебных и правоохранительных органов, участвовавших в процессе. Анализ факторов, вызывающих преступления, способствующих формированию личности преступника и приводящих к росту преступности, «встречается весьма редко»¹². До сих пор практическим пособием для журналистов, пишущих на правовую тематику, являются судебные очерки, написанные писателем, публицистом и судебным оратором А.Ф. Кони¹³. К сожалению, подобные примеры мастерства в современных газетах встречаются крайне редко.

На примерах криминальных сюжетов стало заметно, что для журналистов часто важнее процесс, нежели результат. Добываясь оперативности и повышая цитируемость, издание снижает качество материалов. Следует признать, что имеет место эффект бумеранга. Посылая в мир скоростную конвейерную информацию, особенно нажимая на педали конвейера негативной информации, СМИ получили ее в качестве никем не освоенного возврата. Сформировав на этой основе «пофигистское сознание власти» и «тотально пофигистское сознание населения», журналисты оказались в одиночестве. К ним раньше апеллировали как к спасателям, а теперь «самих при случае спасти некому»¹⁴.

По откровенному признанию Я.Н. Засурского, российская «пресса сегодня далека от высоких стандартов объективности, нравственности и честности»¹⁵. «К сожалению, журналисты, которые сейчас занимаются освещением правоохранительной деятельности, характеризуются зачастую непрофессионализмом, тенденциозностью, стремлением из всего сделать жареный факт, вынести на обсуждение то, что интересно именно им. При этом они совершенно не заботятся об уровне своего профессионального роста. Я всегда придерживаюсь мнения: если журналист не понимает, в чем разница между Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами, что он может написать?» – вопрошает О.М. Ельников, заместитель начальника Управления общественных связей Административного департамента, начальник Пресс-центра МВД России, полковник милиции¹⁶.

Процессы эти, естественно, носят объективный характер. Практически все СМИ имеют в той или иной степени коммерческий характер: у них есть хозяева, спонсоры, редакционные советы, которые во многом определяют информационную политику. Если говорить о телевидении, оно в той или иной степени (по крайней мере, центральные каналы) находится под некоторым контролем государства. А печатные СМИ действуют относительно независимо. Но независимо чисто внешне. На самом деле они зависят от де-

нег, от редакторов, от того, какую установку им дадут. И с этим фактом нельзя не считаться, хотя данная проблема не имеет какого-то неразрешимого характера.

Но и сами читатели уже не готовы «кушать ту чернуху», которую преподносят им нерадивые журналисты. Реалии вносят серьезные коррективы в общественное представление о преступности, формированию которого во многом «способствовали выступления прессы»¹⁷. Не всегда адекватные и профессиональные, поначалу они в определенной степени были способны утолить информационный голод невзыскательной аудитории. Однако сегодня при неослабевающем интересе читателей к освещению различных аспектов тем криминала их требования к журналистским публикациям существенно изменились. Это утверждение основано на результатах проведенных исследований. В частности, еще в 1998 г. фонд «Общественное мнение» по заказу Российского фонда правовых реформ замерил мотивацию обращения аудитории к материалам криминального характера, выявил лидеров по освещению правовой проблематики среди современных СМИ, зафиксировал изменение читательских предпочтений и определил его основные тенденции. Как выяснилось, наметился существенный разрыв между спросом аудитории и предложением СМИ. Уже тогда читатель признавался, что устал от «чернухи», от кровавых подробностей преступлений и ждет от прессы объективной информации, которая бы позволила ему уверенно ориентироваться в сложившейся ситуации и способствовала бы торможению процесса криминализации общества¹⁸. Экспертное эвристическое исследование мнений всех участников информационного процесса (журналисты, специализирующиеся на освещении тем криминала, представители правоохранительных органов и читатели), выполненное в 2003 г. методами анкетирования и интервьюирования, а также опросы аудитории, проведенные в 2005 г. в ряде городов Подмосковья (Химки, Королев, Лобня, Щелково), в очередной раз подтвердили выводы предшествовавшего исследования.

Основная масса читателей (92%) утверждает, что в материале о преступности их прежде всего могут оттолкнуть «демонстрация сцен насилия», «кровожадность журналистов», «юридическая близорукость» журналистов и «явные проявления незнания закона» (56%), «пошлый, грубый язык, скабрзности» (48%), «явное искажение фактов, подлог, нестыковка информации» (36%), «повторение одного и того же факта разными изданиями с добавлением новых подробностей» (32%), «навязчивость суждений журналиста»

(24%), «надуманность, некорректность» (16%), «несамостоятельность мысли журналиста» (8%)¹⁹.

Поскольку криминальные материалы в своей основе имеют интригующую завязку и большинство из них сенсационны, газеты с удовольствием помещают подобные публикации. Судебные процессы вызывают у газетных журналистов огромный интерес. Он вполне понятен: именно судебные процессы дают наиболее яркий, запоминающийся материал, притягивающий внимание читателей. А выступление прессы по актуальной проблеме – это «всегда общественный факт, вызывающий более или менее мощный резонанс»²⁰. Поэтому в структуру социологического сознания журналиста входит понимание им своей этической ответственности за публикацию-деяние. Едва ли не самая трудная для журналиста задача – отстраниться от собственного текста, чтобы выяснить степень его объективности. Читатель имеет право знать, выступает ли автор с оценочными суждениями или с доказательствами истины. «Обвинять представителей прессы в нечестности уместно только тогда, когда они знают правду, но утаивают ее. Однако дискуссия на эту тему будет беспредметной, если предварительно не ответить на вопрос: правда – о чем, по отношению к чему, в каких категориях измерения?»²¹

Более авторитетными в глазах аудитории, безусловно, представляются материалы, подготовленные профессиональными юристами (сотрудниками правоохранительных органов, преподавателями права и т. п.). Их публикации отличаются глубоким знанием закона, достоверностью фактов, точностью и грамотностью в передаче правовой информации. В то же время язык профессиональных юристов изобилует специфическими терминами и не всегда понятен. Американский журналист Лайл Денистон считает, что «сообщения на правовые темы для печати, радио или ТВ должны быть составлены в почти традиционной манере, на языке, который позволит донести их смысл до читателей или слушателей, не имеющих правовой подготовки»²². Тем не менее журналист, являющийся в зал суда, не имея с собой ничего, кроме умения выражать свои мысли на понятном языке, и не обладая специальными знаниями, не способен справиться с работой. Российским СМИ еще предстоит совершенствовать уровень своих публикаций, чтобы репортажи из залов судебных заседаний перестали быть просто зарисовкой на криминальные темы, а способствовали повышению правовой грамотности и сознательности граждан и развитию общества.

- ¹ *Тертычный А.А.* Аналитическая журналистика: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 11.
- ² *Зайцев Е.А., Киселев Я.С., Корневский Ю.В., Строгович М.С.* Проблемы судебной этики. М.: Наука, 1974. С. 48.
- ³ *Тертычный А.А.* Указ. соч. С. 352.
- ⁴ *Крайнова Н.* Левинсон: приговор Мирзаеву заслуживает поддержки общественности // Кавказский узел. URL <http://43.kavkaz-uzel.ru/articles/216401/> (дата обращения: 28.11.2012).
- ⁵ *Егоров И.* Убил неосторожно // Российская газета. 2012. № 5947 (274). 28 нояб. С. 3.
- ⁶ См., напр.: Мирзаеву продлен срок ареста // ИТАР-ТАСС, портал. URL <http://www.itar-tass.com/c9/343355.html> (дата обращения: 20.11.2012); Суд включил в число экспертов по делу Мирзаева новых специалистов // РИА «Новости». URL <http://ria.ru/incidents/20121004/765990649.html> (дата обращения: 11.01.2013).
- ⁷ См., напр.: *Егоров И.* Боец пришел с повинной // Российская газета. URL <http://www.rg.ru/2011/08/19/mirzaev-site.html> (дата обращения: 10.01.2013); *Сарджвеладзе С.* Суд запретил давать прямые цитаты из показаний по делу Мирзаева // Известия. URL <http://izvestia.ru/news/531887> (дата обращения: 30.03.2013); *Валуев:* Расул никого убивать не хотел, но приговор суда излишне мягок // РБК Daily. URL <http://www.rbcdaily.ru/society/562949985217942> (дата обращения: 30.03.2013); *Бойко А.* [Без названия] // Комсомольская правда. URL <http://www.kp.ru/daily/25992/2921920.html> (дата обращения: 30.03.2013).
- ⁸ *Коданина А.* Медиарилейшнз органов государственной власти // Пресс-служба. 2009. № 2. С. 69.
- ⁹ *Колесниченко А.* Не свое отсидел // Новые Известия. URL <http://www.newizv.ru/society/2012-11-19/173105-rasul-mirzaev-ne-svoe-otsidel.html> (дата обращения: 30.03.2013)
- ¹⁰ *Святенков П.* За Мирзаева вступилось его государство. За Агафонову же заступаться некому // KM.RU. URL <http://www.km.ru/v-rossii/2012/11/30/delo-rasula-mirzaeva/698507-za-mirzaeva-vstupilos-ego-gosudarstvo-za-agafonova-z> (дата обращения: 12.12.2012).
- ¹¹ *Роднянский В.* Дежавю? Нет! // Взгляд. URL <http://vz.ru/opinions/2012/12/17/612342.html> (дата обращения: 17.12.2012).
- ¹² Проблематика СМИ: Информационная повестка дня / Под ред. М.В. Шкондина, Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 240.
- ¹³ *Кони А.Ф.* Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1980. С. 34.
- ¹⁴ *Ветров К.В.* Средства массовой информации постсоветской России. М.: Книга и Бизнес, 2004. С. 178.
- ¹⁵ *Засурский Я.Н.* СМИ как фактор процессов общественной трансформации на рубеже тысячелетия // Журналистское образование в XXI веке. Екатеринбург, 2000. С. 9.

- ¹⁶ *Ельников О.М.* Органы внутренних дел и журналисты, освещающие правоохранительную тематику: пути построения качественного и эффективного сотрудничества // Сб. мат-лов уч.-метод. семинара для сотрудн. подразделений информации и обществ. связей системы ГУВД по г. Москва. М., 2006. С. 21.
- ¹⁷ Проблематика СМИ. С. 238.
- ¹⁸ Там же. С. 240.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Социология журналистики / Под ред. С.Г. Корконосенко. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 36.
- ²¹ Там же.
- ²² *Денистон Л.* Репортер и право: Освещение работы органов правосудия // Сборник образцов правовой журналистики. М.: Рос. фонд правовых реформ, 1999. С. 12.

РЕЦЕПЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РОМАНОВ ДЖЕЙМСА ГРЭМА БАЛЛАРДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Статья посвящена рецепции фантастических романов Дж.Г. Балларда в отечественной периодической печати с первых публикаций о нем в 1960-е годы и вплоть до начала XXI в. Анализируются публикации, вышедшие в разных изданиях, от специализированных литературоведческих до научно-популярных, делается вывод о динамике рецепции.

Ключевые слова: Дж.Г. Баллард, фантастический роман, рецепция, русская периодическая печать.

В декабрьском номере лондонского журнала «Новые миры» за 1956 г. был напечатан рассказ «Избавление» – первое увидевшее свет произведение молодого прозаика Джеймса Грэма Балларда. Мог ли тогда кто-нибудь предположить, что через 20 лет именем этого автора станут поверять понятие «научно-фантастическая литература Великобритании», а в сборнике статей, посвященном первым двум десятилетиям его творческой деятельности, будет сказано: «Баллард – самый значительный писатель, который вышел из фантастики в “большую литературу”»¹.

С первых шагов Балларда в литературе его произведения получили безоговорочное признание читателей и критики. Хвалебные отзывы Грэма Грина, Джона Бойнтона Пристли, Кингсли Эмиса, Энтони Берджеса, глубокое уважение как к «первому среди равных» со стороны ведущих мастеров мировой фантастики – Брайана Олдисса, Майкла Муркока, Томаса Диша, сравнение с Куртом Воннегутом, Итало Кальвино и Томасом Пинчоном, статьи, книги, диссертации... На протяжении долгого времени имя Балларда для читателей многих стран соотносилось с понятием «современная английская фантастика».

О том, почему он стал заниматься именно фантастикой, Баллард написал автору этих строк следующее: «Я выбрал научную фантастику, потому что она представлялась мне литературой, адекватно отражающей XX век, и единственным видом литературы, располагающей достаточным словарем, чтобы описать необычай-

ные изменения, происходящие вокруг нас, изменения, вызванные в значительной степени развитием науки и техники»².

Художественная система сюрреализма с его акцентом на подсознательном как источнике искусства, вниманием к ассоциативности и заменой причинно-следственных связей интуитивным всегда привлекала Балларда. В предисловии к альбому Сальватора Дали писатель сформулировал свое отношение к этому направлению в искусстве, подчеркнув, что западная действительность XX в. сама по себе сюрреалистична и фантазмагорична, а потому для осмысления множества ее явлений (таких, как концентрационные лагеря, Хиросима, Вьетнам) традиционные философские и эстетические категории уже не подходят.

«С самого начала я хотел писать фантастику, не имеющую ничего общего с космическими кораблями, далеким будущим и тому подобной чепухой... фантастику, основанную на настоящем»³. Это Баллард сказал в начале своего творческого пути. Спустя некоторое время он повторит эту мысль уже с некоторым раздражением: «Он (Кларк. – В. Л.) полагает, что будущее фантастической литературы в космосе, что это единственная для нее тема. А я придерживаюсь совсем иной точки зрения: писатель не создаст ничего стоящего, если будет избегать того, что волнует его современников сейчас, сегодня. Иная точка зрения абсурдна»⁴.

Баллард не называл себя фантастом, более того, он считал, что НФ – вид словесности, не существующий сам по себе, в изоляции от «литературы основного потока». В основу эстетической программы Балларда лег тезис об углублении психологизма научно-фантастической литературы, сближении ее поэтики и проблематики с «большой литературой». Границы жанра, по мнению Балларда, должны быть раздвинуты за счет отказа от изображения «внешнего космоса» (outer space) – им, по мнению писателя, занимается традиционная научно-популярная и авантюрно-приключенческая фантастика – и перехода к исследованию «внутреннего космоса» (inner space), таинственных глубин человеческой психики. Впервые такое противопоставление объектов художественного изображения было предложено в 1953 г. известным английским прозаиком Дж.Б. Пристли (неоднократно обращавшимся к фантастике) и развито Баллардом в 1962 г. в журнале «Новые миры»⁵.

Начинал Баллард с рассказов – всего он выпустил более 20 сборников малой прозы. Но наиболее наглядно масштаб творчества Балларда, философская глубина и диапазон его социального мышления видны в романах писателя. В них развивается тема, поднятая писателем еще в ранних рассказах: трагическая вероятность

катастроф в жизни человека, их роковая роль для человеческого бытия. Катастрофы эти важны для Балларда психологическими последствиями, своим влиянием на «внутренний космос» героев, для которых психика становится единственной реальностью, тогда как физическую реальность окружающего мира они воспринимают как фантазмагорию, ирреальность.

Для героев уход в подсознание, в мир обретаемых при этом «абсолютных ценностей» – спасение, а продолжение контакта с действительностью – гибель. Герои гибнут или отказываются от спасения, предлагаемого внешним миром, выбирая «внутреннюю реальность». Внешняя катастрофа, физическая гибель для героев Балларда символичны, они означают освобождение их психики, «внутреннего космоса».

***

Очевидно, что писателя с такой эстетической программой едва ли стали переводить в СССР. Однако же умолчать о существовании прозаика, известность которого на Западе росла, советская критика не могла.

В 1964 г. в журнале «Современная художественная литература за рубежом» была напечатана рецензия Д. Жукова на сборник рассказов писателя «Кошмар в четырех измерениях»⁶. Казалось бы, автор положительно оценивает сборник, отмечает оригинальность фантазии Балларда, сатирическую направленность некоторых рассказов, даже говорит о том, что писатель «покоряет читателя оригинальностью мышления, психологической оправданностью каждого поступка персонажей»⁷. И хотя Жуков заключает, что можно согласиться с английскими издателями, считающими, что на ниве научной фантастики появился серьезный писатель, все-таки он завершает рецензию традиционным образом, в духе всегдашней оценки советской критикой зарубежной литературы: «Что же до названия сборника, то оно никак не соответствует содержанию. Привлечь внимание читателя – его очевидная цель»⁸.

В отличие от Д. Жукова, В. Тельников, автор рецензии на сборник рассказов Балларда «Зона катастрофы»⁹, постарался глубже понять особенности художественной манеры писателя. В конце рецензии он пишет: «Четвертым измерением для Балларда является психика человека, тайна его подсознания, где до поры до времени таятся грозные импульсы, освобождение которых приводит к губительным последствиям»¹⁰. Правда, словно испугавшись, что в анализе отсутствует идеологическая оценка, добавляет: «Описание

ужасов у Балларда становится самоцелью и обесценивает творчество талантливого писателя»¹¹.

К сожалению, неглубокие, поверхностные оценки творчества Балларда нередко встречаются и в работах таких серьезных критиков фантастики, как Е.П. Брандис и В.И. Дмитриевский. В частности, в их книге «Мир будущего в научной фантастике» писатель назван фантастом, которого-де любят критики-снобы за то, что его произведения «написаны изощренно и красиво, но по существу ни о чем. Это один из примеров ухода современной буржуазной фантастики в беспредметность»¹². Правда, вскоре несправедливость этой оценки была признана сначала одним из авторов работы (в предисловии Е.П. Брандиса к сборнику английского фантаста Ф. Рассела «Ниточка к сердцу» (М., 1973), где о Балларде говорится как об одном из самых одаренных английских фантастов), а несколько лет спустя и обоими авторами¹³.

1970-е годы – время, когда критическая рецепция творчества Балларда в нашей стране стала расти. Назовем прежде всего статью Ю.И. Кагарлицкого в журнале «Вопросы литературы», в которой критик подчеркнул, что Баллард входит в число наиболее значительных фантастов Великобритании последнего времени¹⁴.

Те, кто следил в то время за английской культурой и читал журнал «Англия», регулярно печатавший рассказы современных прозаиков Великобритании, обратили, безусловно, внимание на рассказ Дж.Г. Балларда «Садок для рептилий»¹⁵ и предвещающий публикацию редакционный «врез»: «Баллард считает научную фантастику пророческой литературой XX в., подлинным языком нашего времени. Но действительным объектом подобной литературы является, по его убеждению, “внутренний космос” – душа и нервная система человека, – а не космос физический, не межзвездное пространство. В его произведениях находят отражение методы психологии, и, чтобы добиться желаемого эффекта: ощущения тревоги и беспокойства, он зачастую пользуется сюрреалистическими приемами письма»¹⁶.

В 1975 г. в журнале «Современная художественная литература за рубежом» была напечатана рецензия В.А. Скороденко на роман Балларда «Бетонный остров»¹⁷, в которой впервые в отечественной критике прозвучала точная, продуманная оценка творчества писателя. В этой рецензии был дан творческий портрет Балларда, обозначен генезис его творчества, сделано обоснованное всем ходом анализа заключение о величине его вклада в современную фантастику Великобритании. Мысли о социальной и художественной значимости прозы Балларда были развиты Скороденко в на-

печатанной в журнале «Современная художественная литература за рубежом» через год рецензии на роман писателя «Небоскреб» (названный в рецензии «Высотка») ¹⁸. Эти рецензии можно считать началом научного изучения творчества Балларда в нашей стране.

Первая в нашей стране развернутая оценка творчества Балларда содержится в статье Вл. Гакова «На гребне “волны”» ¹⁹, представляющей собой обзор английской фантастической литературы 1960–1970-х годов. «Проза Болларда (так фамилия писателя дана в тексте. – В. Г.) по достоинству заняла свое место в “золотом фонде” современной фантастической литературы» ²⁰, – говорится в статье.

80-е годы принесли некоторое количественное снижение публикаций о Балларде в отечественной прессе, но источники, в которых выходили эти публикации, отличались большим разнообразием. Так, в реферативном журнале ИНИОН (Института информации по общественным наукам) был опубликован реферат книги Д. Прингла «Земля – непознанная планета. Четырехмерный кошмар Дж.Г. Балларда» ²¹.

Журнал «Современная художественная литература за рубежом» продолжал следить за творчеством Балларда. В № 1 за 1986 г. была опубликована рецензия на роман Балларда «Империя солнца» ²² (в том же году вышла рецензия на эту книгу в журнале «Иностранная литература» ²³), а в № 2 за 1989 г. – статья о романе писателя «День творения» ²⁴. Если «Империя солнца» автобиографична по своей сути, то причудливая архитектоника романа «День творения» создана с помощью элементов фантастики, о чем автор рецензии пишет следующим образом: «Остается красочный и оригинальный рисунок необычного и маловероятного путешествия в неведомые глубины жизни и воображения, которое этот талантливый и непростой писатель предлагает совершить терпеливому читателю» ²⁵.

Отметим и опубликованную в 1982 г. в сборнике работ о литературе Великобритании XX в., составленном В.В. Ивашевой, наиболее авторитетным в то время литературоведом-англистом, обзорную статью о творчестве писателя «Разрушенные миры Дж.Г. Балларда» ²⁶.

1990-е годы – время, сложное для отечественного литературоведения (как, впрочем, и для всей отечественной культуры). Прекратил существование информационный сборник (так значилось на его титуле) «Современная художественная литература за рубежом» (с 1992 г. он назывался «Диапазон»), единственное в стране литературоведческое издание, с начала 1960-х годов печатавшее обзоры и рецензии на книги западных авторов. Это издание давало куда более полную панораму современной зарубежной литературы,

чем журнал «Иностранная литература», в котором основную часть объема, по сравнению с критикой и литературоведением, занимали проза и поэзия. «Современная художественная литература за рубежом» открыла отечественному читателю имя Балларда. Последней публикацией там стала рецензия на книгу Балларда «Доброта женщин»²⁷.

В 90-е годы отечественная периодическая печать, переходившая на рыночные отношения, неохотно печатала литературную критику, тем более если ее предметом был зарубежный автор, которого к тому же мало переводили в России. Критическая рецепция творчества Балларда существенно опережала рецепцию переводческую: первая книга писателя, сборник рассказов «Утонувший великан», вышла только в 1991 г.²⁸, вторая, роман «Затонувший мир», – в 1993 г.²⁹ В этот список не включен роман «Автокатастрофа», так как его перевод на русский язык увидел свет в 1999 г. в Киеве, ставшем в то время столицей суверенной Украины³⁰.

Потому примечательна опубликованная в 1990 г. статья В. Окулова «Исследователь внутреннего космоса», вышедшая в фэнзине (любительском журнале) «Алтарь»³¹. Эту работу можно считать первой попыткой критической рецепции творчества Балларда, принадлежащей перу не профессионального литератора, но любителя фантастики. И можно сказать без натяжки, что работа Окулова занимает достойное место в отечественной критической баллардиане.

30 ноября 2000 г. Балларду исполнилось 70 лет. К этому юбилею еженедельник «Книжное обозрение» публикует обзор творчества писателя под названием «Бетонный ландшафт эпохи»³².

Первое десятилетие третьего тысячелетия принесло расширение переводческой рецепции творчества Балларда. В 2001 г. выходит сборник Балларда под названием «Хрустальный мир»³³. Сборник включал роман с тем же названием и рассказы. Выход романа сопровождался мини-рецензией в «Книжном обозрении»³⁴ и развернутой рецензией в литературном приложении в «Независимой газете» «НГ-Ex Libris»³⁵. Однако ни в одном из этих откликов не было указано на странность перевода названия романа, в котором речь идет о том, что под влиянием космического излучения жизнь на Земле кристаллизуется, т. е. превращается в мир кристаллический, но не хрустальный.

Переводческая рецепция Балларда в первое десятилетие нового века примечательна тем, что книги писателя выходят широко в различных издательствах Москвы и Петербурга. Порой критические отклики на эти книги довольно скудны, словно призваны (по

мысли редакции периодических изданий?) лишь привлечь внимание читателя к данному факту, сделать его «информационным поводом», не более. Примеров немного, но они, увы, есть: отклики на романы «Водный мир» в «НГ-Ех Libris»³⁶, «Автокатастрофа» в «Книжном обозрении»³⁷. Газета «Московский комсомолец» как издание общественно-политическое уделяет не так много места публикациям о культуре; в частности, в начале 2006 г. был напечатан анонс показа по телевидению фильма С. Спилберга «Империя солнца», снятого по одноименному роману Балларда³⁸.

К счастью, больше примеров обратного рода. И это, как правило, публикации в «Книжном обозрении» и «НГ-Ех Libris» – но в тех случаях, когда редакция отводит рецензии совсем иной объем, около трети полосы. В этих случаях рецензии развернуты, продуманны, как в случае с критическими откликами на романы Балларда «Бетонный остров»³⁹, «Суперканны»⁴⁰, «Фабрика Грез Unlimited»⁴¹, «Millennium People»⁴², «Кокаиновые ночи»⁴³.

Сокращение критической рецепции творчества Балларда – параллельно с ростом рецепции переводческой – примета времени, и касается это вовсе не его одного: в последние годы в отечественной периодической печати меньше появляется не только работ аналитических, исследовательских, но и рецензий, непосредственных откликов на опубликованные книги (не беря во внимание, конечно, «книжные» еженедельники «Книжное обозрение» и «НГ-Ех Libris»). Равным образом, гораздо меньше публикуется в выходящих книгах западных авторов предисловий и послесловий. Разумеется, повлиять на данное обстоятельство нельзя – его можно лишь зафиксировать как факт развития культуры и принять как данность.

Возможно, полагают издатели, темп современной жизни столь высок, что у людей нет времени читать предисловия в книгах и аналитические статьи о литературе в периодике. И выпускают издатели чаще всего книги классиков (рассуждая, что уж их-то раскупят наверняка!) или современных модных писателей, известных благодаря тому, что те уже «засветились» в телевизионных передачах.

Баллард занимает в «табели о рангах» современной западной культуры столь высокое место, что разговоры в тональности «ах, почему же у нас должным образом и – в должном объеме – не пишут о *таком* писателе?» были бы сотрясанием воздуха. Если статей о Балларде стало меньше в российских газетах и журналах, от этого убудет не его, а нас. Полагаю, что надо набраться терпения и ждать. И конечно, помнить оказавшиеся вещими слова Цветаевой: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед».

Примечания

- ¹ «Ballard is the most important writer to arise from within British SF to a wider recognition in the literary world» (J.G. Ballard: The first twenty years / Ed. and comp. by J. Goddard and D. Pringle. Hayes (Midd'd), 1976. P. 7).
- ² «I chose science fiction because it seemed to me to be the most authentic literature of the 20th century, and the only literary form with vocabulary of ideas to deal with the extraordinary transformations taking place around us, changes largely achieved by science and technology» (письмо от 9 августа 1979 г.).
- ³ «Right from the start what I wanted to do was write a science fiction book that got away from space-ships, the far future, and all this stuff which I felt was rather juvenile, to writing a kind of adult science fiction based upon the present» (J.G. Ballard: The first twenty years. P. 30).
- ⁴ «He [Clarke. – B. I.] believes that the future of fiction is in space, that this is the only subject. But I certain you can't have a serious fiction based on the experience from which the vast body of readers and writers is excluded. It's absurd» (Ibid. P. 27).
- ⁵ *Ballard J.G. Which Way to Inner Space? // New Worlds. 1962. May. P. 117–118.*
- ⁶ Современная художественная литература за рубежом. 1964. № 9.
- ⁷ Там же. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ Современная художественная литература за рубежом. 1968. № 6.
- ¹⁰ Там же. С. 28–29.
- ¹¹ Там же. С. 29.
- ¹² *Брандис Е.П., Дмитревский В.И.* Мир будущего в научной фантастике. М.: Знание, 1965. С. 8.
- ¹³ *Брандис Е., Дмитревский В.* Неизбежность фантастики // Нева. 1975. № 7. С. 146.
- ¹⁴ *Кагарлицкий Ю.И.* Фантастика ищет новые пути // Вопросы литературы. 1974. № 10.
- ¹⁵ Англия. 1974. № 52. С. 89–90, 92–94, 112.
- ¹⁶ Там же. С. 89.
- ¹⁷ Современная художественная литература за рубежом. 1975. № 4. С. 14–17.
- ¹⁸ Там же. 1976. № 4. С. 21–24.
- ¹⁹ *Гаков В.* На гребне «волны» // Литературное обозрение. 1977. № 10. С. 76–82.
- ²⁰ Там же. С. 79.
- ²¹ [*Pringle D.* Earth is the alien planet: J.G.Ballard's four-dimensional nightmare. San-Bernardino (Cal.): Borgo press, 1979] // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. Литературоведение. 1981. № 6. С. 65–68.
- ²² Современная художественная литература за рубежом. 1986. № 1. С. 32–34.
- ²³ Иностранная литература. 1986. № 9. С. 249–250.

- ²⁴ Современная художественная литература за рубежом. 1989. № 2. С. 27–30.
- ²⁵ Там же. С. 30.
- ²⁶ *Gopman V.* Ballard's Shattered Worlds: (Philosophical and Aesthetical Problems) // 20th Century English Literature: A Soviet View. М.: Progress Publishers, 1982. P. 382–391.
- ²⁷ Диапазон. 1994. № 2. С. 18–21.
- ²⁸ *Баллард Д.Г.* Утонувший великан: Рассказы. М.: Известия, 1991.
- ²⁹ *Боллард Д.Г.* Затонувший мир. Волгоград: ФАНК, 1992.
- ³⁰ *Баллард Д.Г.* Автокатастрофа. Киев: Ника-Центр, 1999.
- ³¹ *Окулов В.* Исследователь внутреннего космоса // Алтарь. 1990. № 1. С. 114–116.
- ³² *Гопман В.* Бетонный ландшафт эпохи // Книжное обозрение. 2000. 20 нояб. С. 17.
- ³³ *Баллард Д.* Хрустальный мир: Роман, рассказы. СПб.: Симпозиум, 2001.
- ³⁴ Книжное обозрение. 2001. 3 марта. С. 7.
- ³⁵ *Владимирский В.* Волны и галька // НГ-Ex Libris. 2001. 22 февр. С. 4.
- ³⁶ *Куликов И.* Гипнотрон профессора Браилова // НГ-Ex Libris. 2002. 6 июля. С. 3.
- ³⁷ Книжное обозрение. 2002. 30 сент. С. 20.
- ³⁸ Московский комсомолец. 2006. 1 сент. С. 7.
- ³⁹ *Дейниченко П.* Точная модель головы // Книжное обозрение. 2003. 1 сент. С. 8.
- ⁴⁰ *Ройфе А.* Вместо эпитафии // Книжное обозрение. 2003. 13 окт. С. 2.
- ⁴¹ Книжное обозрение. 2004. 11 мая. С. 8.
- ⁴² *Гопман В.* Окончательный диагноз // Книжное обозрение. 2004. 27 сент. С. 4.
- ⁴³ Московский комсомолец. 2005. 19–25 июня. С. 3; Литературная Россия. 2005. 24 июня. С. 4.

История публицистики. Риторика

М.П. Одесский

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

В статье анализируется функция публицистики в научном тексте. На первый взгляд отечественная медиевистика не связана с публицистикой и решает исключительно научные задачи. Однако в советском обществе медиевистика, с одной стороны, транслировала официальную идеологию (пропаганда патриотизма и классовой борьбы), а с другой стороны, пропагандировала оппозиционные религиозные ценности.

Ключевые слова: публицистика, научный текст, отечественная медиевистика, Д.С. Лихачев, В.В. Кусков.

В привычном, повседневном смысле «публицистичность» и «научность» – антонимы. Установка на одно исключает установку на другое. Так, безусловно, и есть, но в то же время публицистическая установка весьма часто проникает в научный текст и причудливо сосуществует с «беспристрастностью».

Особенно, казалось бы, несовместима «публицистичность» с медиевистикой: изучение древнерусской культуры и литературы имеет давнюю традицию и принципиально в меньшей степени связана с актуальной идеологией, чем история современности. Тем разительнее факты, позволяющие утверждать: медиевистика – на разных этапах своей истории – функционировала в условиях диалога с идеологической злобой дня и решала публицистические задачи.

***

Фундамент отечественной медиевистики – в современном ее понимании – закладывался в последней трети XVIII – первой тре-

ти XIX в., что можно условно назвать «доакадемическим» периодом науки.

Действительно, императрица Екатерина II поощряла интерес к историческому знанию. Для ее государственной программы принципиальным было акцентирование культурного своеобразия России, что в пропагандистском ракурсе подразумевало апологию самодержавной монархии, якобы порожденной историей, а в научном ракурсе – призыв к изучению этой самой истории. По справедливому замечанию исследователя, «русской историей императрица занялась уже во время коронационных торжеств в Москве (сентябрь 1762 г.). Она посетила Троице-Сергиев монастырь, осмотрела его библиотеку и заказала копию со сборника исторического содержания, большую часть которого занимает “История в память предыдущим родом” Авраамия Палицына. Эта копия, наряду с некоторыми другими, положила начало знаменитому Эрмитажному собранию, которое к концу царствования разрослось до 40 000 текстов»¹.

Соответственно, Академия наук в 1767 г. издает важный памятник – Радзивилловскую летопись XV в., содержащую «Повесть временных лет», и другие исторические источники, но примечательно, что в эти десятилетия изучение древнерусской литературы (и культуры) продуктивнее велось скорее энтузиастами-дилетантами, внявшими идеологическому «посланию» императрицы².

Н.И. Новиков – либеральный журналист, издатель – в 1772 г. напечатал «Опыт исторического словаря о российских писателях», который включал справки о 317 авторах, в частности древнерусских, а в 1773–1775 гг. – 10 частей «Древней российской вивлиофики». Обратившись к частным коллекциям, Новиков впервые ввел в научный оборот различные историко-культурные материалы (в первом издании их было 260 единиц; во втором, расширенном, издании 1788–1791 гг. – 666). Императрица Екатерина II частично субсидировала «Древнюю российскую вивлиофику» и также предоставила Новикову возможность пользоваться государственными архивами и Эрмитажным собранием. Эту поддержку не стоит сводить к личному отношению или благотворительности: «“Вивлиофику” и “Опыт исторического словаря” Новиков рассматривал как неотъемлемую часть екатерининского проекта “воскрешения” русской истории и утверждения величия русской культуры»³.

Однако установка на «научность» – вопреки высокому покровительству – отнюдь не единодушно воспринималась как очевидное достоинство. Поэт В.П. Петров – образованный человек, но литературный противник Новикова – в стихотворении «К... из Лондона» атаковал «Опыт», интерпретируя «научность» как педантизм и

отсутствие хорошего вкуса. К примеру, Петров иронизировал, что в «Опыте» «монастырские запечны лежебоки / Пожалованы все в искусники глубоки» и что в ряд «российских писателей» внесены сочинители ничтожных произведений: «Сей надпись начертал, а этот патерик»⁴, вероятно, целясь в статью о Поликарпе (XIII в.), который «трудился» над «Киево-Печерским патериком»⁵.

К «доакадемическому» периоду относится деятельность научных кружков, образовавшихся вокруг влиятельных вельмож графов А.И. Мусина-Пушкина и Н.П. Румянцева. Оба – Мусин-Пушкин и Румянцев – собирали редкие рукописи, документы и финансировали их публикацию, сопровождавшуюся текстологической подготовкой и комментарием. Оба также обращались к помощи специалистов: с Мусиным-Пушкиным сотрудничали историки И.Н. Болтин, Н.Н. Бантыш-Каменский; с Румянцевым – замечательные филологи К.Ф. Калайдович, А.Х. Востоков. Из кружка Мусина-Пушкина вышли: древнейший юридический кодекс «Русская правда», «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха. Калайдович осуществил научное издание фольклорного сборника Кириши Данилова, проповедей Кирилла Туровского, «Моления» Даниила Заточника, энциклопедического сочинения Иоанна Экзарха Болгарского «Шестоднев». Востоков – поэт, основатель российской славистики и стиховедения – опубликовал на образцовом научном уровне «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (473 единицы), древнейший церковнославянский памятник «Остромирово Евангелие» и «Изборник», изготовленный в 1073 г. для великого князя Святослава Ярославича.

При Николае I министр народного просвещения С.С. Уваров вычеканил пропагандистскую формулу «православие, самодержавие, народность», которая должна была выражать суть национальной культуры и государственности и которая стала основой новой «научности». Согласно университетскому уставу 1835 г., студенты всех факультетов были обязаны слушать курсы русской истории и литературы⁶.

В согласии с программой Уварова, первым прочитал университетский курс истории русской (собственно – древнерусской) литературы С.П. Шевырев, также представлявший тип ученого «доакадемической» медиевистики, но другую его разновидность. Он (подобно своему другу и единомышленнику историку М.П. Погодину) считал должным выступать в качестве участника литературного процесса, поэта, журналиста, критика и одновременно в качестве университетского преподавателя. Академик

Ф.И Буслаев позднее констатировал: «Шевырев одновременно читал лекции по истории литературы и всеобщей, и русской, печатал в погодинском “Москвитяине” длинный ряд критических статей и обзоров текущей литературы и с молодых лет и до старости посвящал свои досуги стихотворству...»⁷.

В 1846 г. Шевырев опубликовал свой курс в качестве монографии, но хронологически первой «Историей древней литературы» стала другая монография. Ее автор М.А. Максимович ранее – опять же в рамках программы Уварова – попросил министра о переводе в «предложенный к открытию Киевский университет на кафедру русской литературы, обещал заняться этим предметом “профессорски”»⁸. В 1839 г. Максимович выпустил «Историю древней русской словесности», и М.Н. Катков – в будущем консерватор-государственник, а в ту пору либеральный критик – немедленно разгромил ее в пространной статье («Отечественные записки», 1840 г.). Катков обвинял Максимовича в философской и методологической непродуманности, в подчинении «страсти систематизировать и схематизировать» и «пустому педантизму»: «Для читателей книги г. Максимовича все поименованные писатели совершенно безразличны: и Кирилл Туровский, и какой-то Боян, и Нестор, и какой-то Смолятич – равно пустые, ничего не выражающие звуки»⁹. Особенно Катков возмущался тенденциозным преувеличением ценности «Слова о полку Игореве» (которым Максимович специально занимался): «Пусть бы г. Максимович попробовал изложить содержание этого слова и сделать из него выписки: тогда бы обнаружилось все безобразие этого несчастного произведения»¹⁰. Сходство критического подхода Петрова и Каткова к «научности» как безыдейности, несмотря на различие публицистического контекста, поразительное.

Курс Шевырева, вышедший вслед за «Историей» Максимовича, содержал пропагандистские идеологемы в духе Уварова и вместе с тем вполне «профессорски» основывался на оригинальных рукописных источниках. Шевырев утверждал, что «все внимание жизни, все стремления, силы народа сосредоточивались в вере и церкви, которые подчиняли себе всякое духовное развитие русского человека. Это главный характер древнего периода...»¹¹. Такая дефиниция совершенно соответствует «постперестроечным» курсам древнерусской литературы¹², однако Шевырев – апологет уваровской формулы – продолжает: «Все, что в новом периоде Россия произвела великого и замечательного, все то совершилось под осенением ее древней основной мысли при условии связи с нею сознательной или бессознательной»¹³. «Академический» медиевист

здесь, напротив, обязательно уточнил бы, что если в древнерусской культуре доминируют религиозные ценности, то в новой культуре – светские. Не хорошо и не плохо. Установка на научность требует воздерживаться от оценок.

***

В 40–50-х годах XIX в. начинается новый период изучения древнерусской литературы – «академический».

В 1857 г. после Шевырева кафедру истории русской и всеобщей литературы в Московском университете занял Ф.И. Буслаев; он же получил отдельную кафедру русской литературы, когда она была выделена университетским уставом 1863 г. Буслаев избегал полемики и резких оценок, но дистанцировался от идеологизированности курса учителя, от «крайностей чрезмерного славянофильского направления», от разбросанности интересов и методологического дилетантизма, которые деликатно назвал «энциклопедичностью»¹⁴. Литературовед, фольклорист, лингвист, искусствовед, он и себя обвинял в этом недостатке – в «энциклопедичности», но Буслаев стремился трансформировать различные области знания в единый метод, адекватный задачам академической медиевистики и свободной от политической ангажированности.

В 1847 г. И.И. Срезневский – практически одновременно с Буслаевым – получил кафедру славистики в Петербургском университете. Срезневский и Буслаев, профессора и академики, принадлежали к классическим представителям академической медиевистики, но Буслаев тяготел к литературоведению и эстетическому анализу, а Срезневский – к лингвистике и текстологии. Срезневский – составитель аннотированного указателя «Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв.», публикатор и комментатор древнерусских сочинений (в том числе «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Задонщина»). Он также создал великий памятник лексикографии – «Материалы для словаря древнерусского языка», для которого привлек около 2700 источников (словарь опубликован в 1893–1912 гг. после смерти ученого). Его же усилиями с 1851 г. начало выходить основное периодическое издание, объединявшее академическую медиевистику, – «Известия Отделения русского языка и словесности» (Отделение образовано в 1841 г. как результат объединения Академии наук с Российской академией).

Для академической медиевистики репрезентативна фигура академика Н.С. Тихонравова, в многочисленных исследованиях которого нашла выражение так называемая культурно-историческая школа, подразумевавшая при индифферентном отношении к эсте-

тической стороне максимальную удаленность от установки на публицистичность и позитивную установку на корректную публикацию источников, а также на уяснение «исторического хода литературы, умственного и нравственного состояния того общества, которого последняя была выражением»¹⁵. Тихонравов издал восемь выпусков «Летописей литературы и древности» (там, в частности, опубликованы «Житие» протопопа Аввакума¹⁶, «Повесть о Савве Грудцыне»), два тома «Памятников отреченной русской литературы», двухтомное собрание текстов, приуроченное к 200-летию юбилею «начала русского театра» (1872). Статья Тихонравова «Задачи истории литературы и методы ее изучения» (1878) – обстоятельная рецензия на учебник литературного критика и педагога А.Д. Галахова «История русской словесности древней и новой» – стала своего рода манифестом культурно-исторической школы.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что расцвет российской медиевистики пришелся на конец XIX – начало XX в. и был связан с научной активностью таких ученых, как Д.И. Абрамович, В.Г. Дружинин, В.М. Истрин, В.Ф. Миллер, Н.К. Никольский, А.С. Орлов, В.Н. Перетц, С.Ф. Платонов, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, А.А. Шахматов и другие.

Большинство из них вслед за учителями придерживались принципов культурно-исторической школы. У них могли оказаться различные философские пристрастия или политические симпатии, в их научных спорах могли отражаться общие мировоззренческие конфликты (ср. многолетние научно-политические пикировки Шахматова с Соболевским), однако установка на позитивную «научность» оставалась самодостаточной ценностью.

Первые полтора десятилетия существования советской власти – тоталитарного государства, управляемого коммунистической партией – были отмечены агрессивным наступлением на историю древнерусской культуры. С идеологической точки зрения власть не устраивал обязательный для медиевистов интерес к прошлому, христианству, национальной ментальности, а с административной точки зрения стремление к независимости, свойственное Академии наук и университетам. В итоге преподавание древней литературы было прекращено, филологические факультеты и Отделение русского языка и словесности были закрыты.

Гонения обрушились и на самих медиевистов. 25 октября 1917 г. в Академии числилось 45 действительных членов; к 7 ноября 1922 г. 14 из них умерли, семь эмигрировали (русская наука и медиевистика в изгнании – отдельная тема); кроме того, умерли еще трое, избранные в это пятилетие; «24 утраты на 45 мест»¹⁷. В голод-

ные годы не получили поддержку от государства и ушли из жизни методолог исторического знания и специалист по древнерусской политической мысли А.С. Лаппо-Данилевский (его постоянно проклинали как представителя враждебной науки во время дискуссий историков-древников в 1940–1950-х годах), А.А. Шахматов и другие. Согласно некрологу Московского университета, смерть Шахматова, «погибшего в расцвете своих творческих сил, является бесспорно одной из самых горестных утрат для русской науки, общества и государства, с особенной яркостью подчеркивающей зловещий характер катастрофы, переживаемой нашей родиной, волею судеб оторванной от здоровых корней истинной и свободно развивающейся культуры...»¹⁸. В конце 1920 – начале 1930-х годов по сфабрикованным делам о контрреволюционном заговоре академиков и международной сети шпионов-славистов были арестованы, сосланы или исключены из государственных учреждений Д.И. Абрамович, В.Г. Дружинин, В.Н. Перетц, С.Ф. Платонов, М.Д. Приселков, М.Н. Сперанский, замечательные историки языка Н.Н. Дурново и Г.А. Ильинский (двое последних расстреляны). К этому списку следует прибавить также более молодых В.В. Виноградова и М.Н. Тихомирова, которым в будущем, после изменения политического курса, предстояло фактически возглавить: первому – советскую науку о русском языке, а второму – о русской истории.

В течение некоторого времени представители старшего поколения продолжали работать. В.М. Истрин и М.Н. Сперанский опубликовали курсы истории русской литературы, суммировавшие достижения культурно-исторической школы. А.И. Соболевский и Н.К. Никольский задумали грандиозные проекты, предназначенные не для настоящего, а прямо для будущего (первый – проект словаря древнерусского языка, второй – памятников древнерусской словесности). В.Н. Перетц, не скрывавший отторжение от актуального социального заказа, издал сокращенную (а потому более эпитавшую) версию своего знаменитого дооктябрьского методологического сочинения («Краткий очерк методологии истории русской литературы», 1922.). Он отождествил научность с «сухой» текстологией, тем самым явно оппонировав марксистскому давлению. Власть поняла ученого, и его лишили права преподавать методологию¹⁹. Исследование о «Слове о полку Игореве» Перетц смог напечатать только по-украински, потому что в Украинской советской республике еще было дозволено заниматься древнерусской культурой, выдавая ее за национальную (ср. осуществленное Абрамовичем украинское издание «Киево-Печерского патерика»). Наконец, Перетц вместе с учениками В.П. Адриановой-Перетц и

другими, – занимался ранней русской драмой, пользуясь тем, что в театроведении пока поощрялось изучение нетрадиционных форм сценического искусства (см. сборник «Старинный театр в России», 1923).

Поколение, которое утвердилось в послеоктябрьской науке, демонстрировало совершенное равнодушие к древней литературе. Причем это справедливо и применительно к официальному марксистскому литературоведению, и к тем направлениям филологической мысли, которые с марксизмом осторожно спорили. Например, по мнению историка русского литературоведения (и ученика Перетца, его учитель, А.С. Орлов, М.Н. Сперанский и другие в работах, «трактовавших вопросы истории текста, поэтического языка, композиции литературных памятников», объективно прокладывали путь формальному методу²⁰, однако сами представители формализма в 20-х годах фактически игнорировали медиэвистику (редкое исключение – статья В.В. Виноградова о стиле «Жития» протопопа Аввакума, 1923²¹).

Статус медиэвистики радикально изменился в 1930-е годы. Сталинская партия вводит в общество новую идеологическую парадигму, и по законам тоталитарного общества новая парадигма немедленно трансформирует частные науки, в том числе историю русской литературы. Снова востребованы народность (в социальном и этническом смысле термина), патриотизм, историческая гордость²². Соответственно, начинается реставрация медиэвистики: восстанавливается преподавание древнерусской литературы в университетах (чуть позже и филологические факультеты), в академических учреждениях образуются группы и отделы «древников», возобновляется издание научной периодики. Первенствовали представители еще дооктябрьской науки. Н.К. Гудзий (ученик Перетца) успешно прочитал лекции по древнерусской литературе в Высшей партийной школе, затем опубликовал политически корректные хрестоматию (1935) и учебник (1938) и возглавил группу медиэвистов при московском Институте мировой литературы. В учебнике он ссылался на труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а на первой же странице писал о «воспитательной ценности многих памятников нашей старинной литературы, развивающих темы патриотизма, государственного строительства, политического единства и героизма русского народа». Не менее впечатляющим оказалось «медиэвистическое возрождение» в Ленинграде: академик Орлов напечатал свою версию советской истории древнерусской литературы (1937), организовал вместе с Адриановой-Перетц отдел при Институте русской литературы и с 1934 г. наладил выпуск «Трудов Отдела древнерус-

ской литературы» (ТОДРЛ) – авторитетнейшего издания российских медиевистов. В академической «Истории русской литературы» древность получила три тома (1941–1945).

Разумеется, дозволенная медиевистика функционировала под жестким контролем идеологии и с акцентированной поправкой на публицистичность. Д.С. Лихачев вспоминал об экстравагантном примере советской актуализации древнерусского произведения: в 1947 г. в СССР ожидали официальный визит индийского лидера Дж. Неру; в этой связи президент Академии наук физик С.И. Вавилов заказал «древникам» образцовое издание «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, посетившего Индию в XV в.; в итоге была основана новая научная серия – «Литературные памятники», одна из лучших в России²³.

Впрочем, для тоталитарного общества характерны неустойчивость и непоследовательность идеологических приоритетов, и гонения на древнерусскую культуру периодически повторялись. Так, в 1982 г. В.В. Кусков – автор, наверное, самого популярного послевоенного учебника древнерусской литературы – опубликовал в издательстве «Советская Россия» сборник «Древнерусские предания» (массовая серия «Сокровища древнерусской литературы»), где слово «предания» камуфлировало термин «жития». Камуфляж не удался. В партийной газете «Правда» составителя сборника немедленно «обвинили в пропаганде религии, преувеличении роли церкви в истории и культуре»²⁴.

Однако при всех трансформациях партийной идеологии советская медиевистика уже не теряла приобретенный статус дозволенности. Правила диалога власти с наукой были простыми. Настолько простыми, что вполне осознавались современниками. В частности, швейцарский историк К. Герке справедливо констатировал, что «советские медиевисты, как все советские историки, служили двум господам – официальной идеологии и филологической герменевтике»²⁵. С одной стороны, научность отождествляется с декларированием марксистской методологии, т. е. использованием официального дискурса как в плане идейном, так и понятийно-терминологическом (цитаты классиков марксизма и советских вождей, классовый подход, советский патриотизм и народность), а если медиевист сталкивается со «слишком» церковным сочинением или жанром, то или игнорирует его, или подменяет идеологическую оценку поэтологической. С другой стороны, ученый достаточно адекватно излагает фактическую сторону древнерусской литературы. В итоге университетские учебники по древнерусской литературе, пожалуй, единственные из всех советских учебников

по литературоведению пережили крах коммунизма и продолжают использоваться при преподавании в современной России.

***

В послесталинские десятилетия диалог власти с наукой принял неожиданное направление: для некоторых медиевистов их область занятий – при соблюдении тогдашних правил политической корректности – превратилась в форму духовного сопротивления.

Одни ученые (как ранее Перетц) уходили от марксистской идеологии в гипертрофированную «научность». Так, В.И. Малышев, основатель древлехранилища при ленинградском Институте истории литературы, шокировал коллег сомнением в продуктивности теоретизирования во имя собирания рукописного наследия, а коллеги в позднейшей мемуаристике обсуждали не столько его «научность», сколько тип религиозного сознания: «Мы не знаем доподлинно, какой веры был Владимир Иванович. Как свидетельствует А.М. Панченко, в экспедициях он никогда не выдавал себя за старообрядца, но в то же время старообрядцы считали его своим»²⁶. Таким образом, если для Каткова установка на «научность» казалась атрибутом официоза и обезличенности, то для советских медиевистов – благородной мировоззренческой позицией.

Другую – духовно-концептуальную – форму сопротивления предложил академик Д.С. Лихачев, который в 1920-х годах был соловецким узником, а в 1954 г. – вслед за Орловым и Адриановой-Перетц – руководил Отделом древнерусской литературы в Ленинграде, добившись положения бесспорного лидера советской медиевистики. Славу Лихачеву принесли обобщающие монографии 1950–1970-х годов «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X–XVII вв.». При некотором сохранении марксистского жаргона он создал здесь концепцию, оказавшую влияние не только на советскую медиевистику, но практически на все области отечественного гуманитарного знания. Лихачев уделял преимущественное внимание (1) не социологии, но поэтике²⁷, при этом акцентируя (2) принципиальное художественное несходство древней литературы с новой и столь же (3) принципиальную ее зависимость от религиозного (а не материалистического) средневекового сознания²⁸. Кроме того, Лихачев пытался вычленить в русской истории культурные макропериоды: в частности, Лихачев легитимировал в русской культуре идеологически рискованные проблемы Предвозрождения (связанного с рецепцией исихазма) и – с оговорками – Барокко²⁹ (связанного с контрреформацией).

В последние десятилетия советской власти Лихачев – неоспоримый духовный авторитет и символ русской интеллигенции. По свидетельству Д.М. Сигала, «работы Д. Лихачева о культуре Древней Руси» стали «вдохновением для молодого поколения ревнителей этой почти уничтоженной коммунистами русской культуры»³⁰.

В новой интеллектуальной ситуации древняя культура приобретает «публицистическое» измерение: она осознается как область, которой достойно заниматься даже тем, кто не желал ассоциировать себя с господствующей идеологией. Закономерно, что если формалисты сторонились древнерусской литературы, то их продолжатели (говоря несколько упрощенно) – представители структуралистско-семиотической школы – активно медиевистикой занимались. Это прежде всего относится к работам В.В. Иванова и В.Н. Топорова о культурной «предыстории» славян и Б.А. Успенского о структурных принципах описания языка и культуры Древней Руси (полностью опубликованы позднее). Символично, что статью о сопоставлении культурных типов Ивана Грозного и Петра I Успенский написал в соавторстве с сотрудником Лихачева А.М. Панченко³¹.

Своеобразный статус позднесоветской медиевистики – на стыке науки, официальной идеологии и духовной оппозиции – накладывал отпечаток на тогдашние профессиональные дискуссии, хотя спорные моменты часто оставались прямо не вербализованными. Например, таковы дискуссии о сатире и смеховой культуре. В 1930-х годах В.П. Адрианова-Перетц оформила новый объект изучения – так называемую демократическую сатиру XVII в.: она собрала и прокомментировала любопытнейшие памятники смеховой культуры, но явно преувеличила их «демократизм» и социально-критическую направленность. В 1984 г. Д.С. Лихачев в написанном вместе с А.М. Панченко и Н.В. Поньрко исследовании, не вступая в открытый спор с социологической интерпретацией уважаемого предшественника и развивая «карнавальные» идеи М.М. Бахтина, истолковал «смеховой мир» не как форму протеста, а как конститутивный элемент средневековой религиозной культуры (его соавтор Панченко включил в русскую «смеховую культуру» юродивых). Наконец, в 1987 г. В.А. Грихин и В.К. Былинин издали в серии «Сокровища древнерусской литературы» том сатирических произведений XI–XVII вв. Московские медиевисты, опять же прямо не отрицая культурологические обобщения ленинградских коллег, демонстрировали, что «сатирические элементы, сатирическая традиция присутствовали в древнерусской литературе XI–XVI вв.» и «восходили к традициям византийского учительного слова»³². Иными

словами, сатира не столько специфический признак религиозной культуры, сколько необходимая реакция любого (в частности, христианского) социума на те сложности, с которыми ему приходится сталкиваться – своего рода история в сатирических текстах. Спустя годы В.В. Кусков прямо зафиксировал суть полемики с ленинградской школой: «Вряд ли можно согласиться с концепцией смехового мира Древней Руси, его связи с карнавальностью <...> Концепция Бахтина не подходит для древнерусского смехового мира. Особое возражение вызывает отнесение Христа ради юродивых к “смеховому миру”, смеховой культуре»³³.

***

После краха господствующей коммунистической идеологии и распада тоталитарного государства российская медиевистика утратила обязательную «публицистичность» – как официальную, так и оппозиционную. Ученые отказались от марксистского дискурса: быстрее – в плане идейном, медленнее – в плане понятийно-терминологическом. Теперь медиевисты должны искать формы реализации научных проектов и свободно – ради науки, а не ради «публицистики» – выбирать методологические (и мировоззренческие) парадигмы. Переизданы сочинения дореволюционных классиков: С.П. Шевырева, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, В.Ф. Миллера, А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, С.Ф. Платонова, В.М. Истрина, М.Н. Сперанского, М.Д. Приселкова, Г.П. Федотова и других. Издана скандальная книга А.А. Зимины 60-х годов XX в., в которой обсуждалась проблема подлинности «Слова о полку Игореве» (2006; петербургское издательство «Дмитрий Буланин»); редактуру осуществили вдова историка В.Г. Зимины и О.В. Творогов, который ранее спорил с Зиминым и в современном предисловии снова заявил о несогласии с его идеями, но уважительно охарактеризовал труд покойного ученого. Открываются области исследования, прежде слишком «опасные»: славянские переводы библейских книг и их цитирование в оригинальных сочинениях, русское бытование творений Отцов Церкви, сборники переводных и оригинальных поучений, гимнография, церковные службы, агиография и т. п. Монументальное двухтомное исследование «Святость и святые в русской духовной культуре» академика В.Н. Топорова удостоено премии А.И. Солженицына (1998 г.).

Правда, предсказуемо наметилась тенденция к превращению христианской «публицистичности» из официального недостатка медиевистики в ее официальное достоинство: В.В. Кусков предостерегал против «стремления “реабилитировать” христианскую

религию и подчеркнуть ее прогрессивное значение в жизни общества, мировоззрении отдельных писателей», что, по мнению авторитетного медиевиста, должно нейтрализоваться установкой на научность – «тщательную и глубокую разработку проблемы как со стороны литературоведов, так и искусствоведов, и историков культуры»³⁴.

Вместе с тем установка на научность, о которой пишет Кусков, хотя и подразумевает разумное воздержание от публицистичности, но отнюдь не тождественна методологической (и мировоззренческой) монолитности. Место марксистского дискурса не заняла ни школа Д.С. Лихачева, ни структуралистско-семиотическая школа. Редакция авторитетного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (главный редактор Е.Л. Конявская) видит основную задачу в традиционном «научном» подходе к древнерусским текстам и одновременно – в «новых методологических идеях, новых исследовательских методиках»³⁵. Слово «методики» употреблено во множественном числе. Что закономерно.

Примечания

¹ *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей российского слова». М.: Либроком, 2012. С. 10.

² См.: *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М.: Наука, 1988. С.10–23.

³ *Ивинский А.Д.* Указ. соч. С.16. В то же время необходимо отметить мистическую компоненту общественного интереса к древности. Действительно, формирование историзма как мировоззренческой установки обусловлено воздействием мистических учений. В Германии была особенно велика роль пиетизма (см.: *Kaiser G.* Pietismus und Patriotismus in literarischen Deutschland. Frankfurt a/M: Athenaenum, 1973. S. 160–179). В России аналогичную роль сыграли масоны: среди них оказались специалисты по отечественной истории (М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин, И.П. Елагин), издатели литературных памятников и документов прошлого (Н.И. Новиков, А.И. Мусин-Пушкин), собиратели «славянских древностей» (М.И. Попов, В.А. Левшин), коллекционеры (А.С. Строганов, А.Я. Лобанов-Ростовский), авторы художественных произведений с исторической тематикой (М.М. Херасков). Различая государственную и мистическую составляющие историзма екатерининской эпохи, соблазнительно предположить (с опорой на парадигму «спора старых и новых»), что государственный историзм продолжал линию «новых», а масонский историзм – «старых». Впрочем, проблема нуждается в дальнейшем изучении.

- ⁴ Поэты XVIII века. / Сост. Г.П. Макогоненко, И.З. Серман. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 1. С. 354, 355.
- ⁵ Там же. С. 595. См.: *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н.И. Избр. соч. / Подг. текста Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Худ. лит., 1951. С. 335. Симптоматично, что Н.М. Карамзин в свой «Пантеон российских авторов» (1802 г.) включил только двух представителей литературы XI–XVI вв. – Бояна и Нестора Летописца.
- ⁶ *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. С. 185.
- ⁷ *Буслаев Ф.И.* Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2003. С. 364.
- ⁸ *Данилов В.В.* М.А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 287.
- ⁹ *Катков М.Н.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Росток, 2010. Т. 1: Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе / Ред. А.Н. Николушкин. С. 208.
- ¹⁰ Там же. С. 211.
- ¹¹ *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней // Шевырев С.П. Об отечественной словесности / Сост. В.М. Маркович. М.: Высшая школа, 2004. С. 220. Серия «Классика литературной науки».
- ¹² Ср. замечательную работу: *Rothe H.* Was ist “altrussische” Literatur? Wiesbaden, 2000. (Nordrhein-Westfaelische Academie der Wissenschaften. 362.) S. 16–19.
- ¹³ *Катков М.Н.* Указ. соч. С. 224.
- ¹⁴ *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 136, 364.
- ¹⁵ Тихонравовскую дефиницию цит. по: *Лихачев Д.С.* Об изучении древней русской литературы в Академии наук за 250 лет ее существования // Лихачев Д.С. Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 209.
- ¹⁶ См.: *Мальшев В.И.* История первого издания Жития протопопа Аввакума: (Цензурные материалы о первом издании Жития протопопа Аввакума) // Русская литература. 1962. № 2. С. 139–147.
- ¹⁷ *Вознесенский И.* Имена и судьбы: Над юбилейным списком АН // Память: Ист. сб. Нью-Йорк: Chalidze Publ., 1978. Вып. 1. С. 399.
- ¹⁸ Там же. С. 382.
- ¹⁹ *Сазонова Л.И., Робинсон М.А.* Изучение литературы русского средневековья и идеологизированная методология // Освобождение от догм: История русской литературы: состояние и пути изучения / Ред. Д.П. Николаев. М.: Наследие, 1997. Т. 1. С. 160.
- ²⁰ *Багрий А.В.* Формальный метод в литературе: (Библиография). Владикавказ, 1924. С. 15.
- ²¹ О соотношении традиционного академического и формального подходов в статье Виноградова см. комментарии Е.В. Душечкиной: *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы / Ред. Г.В. Степанов, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1980. С. 316–320.

- ²² Об эволюции «конвенции», т. е. дискурса советских историков-медиевистов, см.: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.
- ²³ *Лихачев Д.С.* Академик Сергей Иванович Вавилов – инициатор серии «Литературные памятники» // Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. С. 440–443.
- ²⁴ *Кусков В.В.* Роль православия в становлении и развитии древнерусской культуры // Освобождение от догм. Т. 1. С. 117.
- ²⁵ *Goehrke C.* Entwicklungslinien und Schwerpunkte der westlichen Russlandmediaevistik // Essays in honor of A.A. Zimin / Ed. by D.C. Waugh. Columbus: Slavica Publishers, 1985. S. 169–170.
- ²⁶ *Мальшиев В.И.* Избранное: Статьи о протопопе Аввакуме / Сост. В.П. Бударрагин, Г.В. Маркелов, Н.В. Поньрко. СПб.: Пушкинский дом, 2010. С. 3–4.
- ²⁷ В частной переписке Я.С. Лурье назвал коллегу и начальника импрессионистом: Из писем Я.С. Лурье к А.А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подг. текста Е.И. Ванеевой // Звезда. 2006. № 2. С. 95.
- ²⁸ Ср. отнесение Лихачева его учеником к «научно-политическому романтизму»: *Демин А.С.* Древнерусская литература глазами Риккардо Пиккио // Пиккио Р. Древнерусская литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 12.
- ²⁹ См. апологетическое изложение историко-литературной концепции Лихачева: *Лесур Ф.* Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 1997. С. III–LXXXIII.
- ³⁰ *Сигал Д.М.* Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. М.: Водолей, 2011. С. 272.
- ³¹ *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: Концепция первого монарха // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983.
- ³² Сатира X–XVII веков / Сост., вступ. ст и коммент. В.К. Былиннина, В.А. Грихина. М.: Сов. Россия, 1986. С. 6.
- ³³ *Кусков В.* Достижения и просчеты русской медиевистики // Литературоведение на пороге XXI века: Мат-лы междунар. конф. М.: РАНДЕВУ-АМ, 1998. С. 275. Аналогично для московской школы медиевистов показательны осторожно критическое сопротивление против таких культурологических идей ленинградцев, как влияние исихазма на русскую культуру XIV–XV вв. (*Грихин В.А.* Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV–XV вв. М.: МГУ, 1974) и включения русской культуры второй половины XVII – первой половины XVIII в. в универсальную систему барокко (см. анализ полемики о русском барокко: *Сазонова Л.И., Робинсон М.А.* Указ. соч. С. 172–175; ср. также: *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. С. 321–332).
- ³⁴ *Кусков В.В.* Роль православия в становлении и развитии русской культуры. С. 108.
- ³⁵ Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 1.

Д.М. Фельдман

ОПЫТ АНАЛИЗА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: «ПАРТИЗАНЫ» В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ» И ПРОЧИХ ВОЙНАХ*

В статье речь идет об истории употребления термина «партизаны» в отечественной публицистике XIX–XX вв. В связи с историей его бытования рассматривается также контекст употребления терминов «отечество» и «отечественная война». Анализируются такие периодические издания, как журналы «Беседующий гражданин», «Русский вестник», «Сын Отечества» и т. п. Кроме того, рассматриваются материалы справочных изданий, труды по историографии. Делается вывод, что русская традиция словоупотребления обусловлена общеевропейским культурным контекстом, тогда как советская – публицистическим дискурсом.

Ключевые слова: патриот, отечество, Отечественная война, А.И. Михайловский-Данилевский, Ф.Н. Глинка, А.Н. Радищев, советская печать, Л.Д. Троцкий, «Социалистическое отечество в опасности!».

Неявный парадокс

В современном российском словоупотреблении термин «партизаны» устойчиво ассоциируется с терминами «Отечественная война 1812 года» и «Великая Отечественная война». Это отмечается многими исследователями¹.

Прежде всего, значения термина «партизаны» – в соотносительности с термином «Великая Отечественная война» – закреплены послевоенными справочными изданиями. С точки зрения источниковедения советской эпохи это особенно важно. Как известно, справочники советской эпохи на момент подписания к печати отражали официальную точку зрения. Ее и утверждали в общественном со-

---

© Фельдман Д.М., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

знании, пусть фактам вопреки. Потому справочники – весьма ценные источники для исследования соответствующего дискурса².

Они, можно сказать, дискурс и задавали. Так, согласно опубликованному в 1949 г. «Словарю иностранных слов», «партизан – 1) участник добровольческих отрядов из местного населения, действующих в тылу вражеской армии; 2) участник отрядов, выделяемых из состава регулярных войск для самостоятельных действий, преимущественно в тылу и на флангах противника»³.

Примечательно, что «местное население» упомянуто в первую очередь и лишь затем речь идет о «регулярных войсках». Критерий объединения – самостоятельные действия на территории, контролируемой противником. Но объединение условно, а различие бесспорно: в тылу противника военные отряды остаются частями регулярной армии, тогда как «отряды из местного населения» к ней не относятся, что и подразумевает уместность противопоставления «военнослужащие» – «партизаны».

Это противопоставление тоже фиксируется. Так, согласно опубликованному в 1953 г. «Советскому юридическому словарю», «партизаны – участники народной войны, лица, добровольно взявшие за оружие, ведущие боевые действия против вторгшегося захватчика и не входящие в состав регулярных вооруженных сил»⁴.

Конечно, статья отражала юридическую специфику. Речь шла еще и о правовом статусе партизан. И все же отмечено, что партизаны – вне регулярных вооруженных сил. Почему и войны с участием партизан объявлены народными, т. е. выражавшими интересы всего населения, а не только правительства. Аналогично и статьей «Энциклопедического словаря», второй том которого подписан к печати 6 апреля 1954 г., постулировалось, что «партизанское движение» – «народное движение, возникающее в ходе справедливой освободительной войны против иностранных захватчиков или против реакционного правящего класса. В дореволюционной России наиболее широкое партизанское движение имело место во время Отечественной войны 1812 г.»⁵

Здесь акцентирована прямая аналогия: «Отечественная война 1812 года» и «Великая Отечественная война» еще и потому «народные», что в них участвовали партизаны. И справочными изданиями акцентировалось: окказиональный синоним термина «партизаны» – «народные мстители»⁶.

Однако эта традиция словоупотребления не соответствует досоветской, аналогично справочниками фиксированной. Так, «партизанской войной», согласно опубликованной в 1897 г. статье «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона,

именовались «самостоятельные действия отдельных от армии легких отрядов, направляемых преимущественно в тыл и на фланги противника. Цель их состоит, главным образом, в прерывании или затруднении сообщений неприятельской армии с источниками ее довольствия и комплектования, а также в уничтожении этих источников. Успех таких действий обуславливается скрытностью и быстротой движений, поэтому и войска, для них назначаемые, состоят обыкновенно из одной конницы»⁷.

Характерно, что термины «партизанская война» и «Отечественная война 1812 года» здесь вообще не соотносятся. «Партизанская война» – вневременной феномен. Аналогичные сведения предоставляют и другие справочные издания⁸.

Русской специфики тут нет, а есть соответствие общеевропейской культурной традиции, что и отмечает современный исследователь: «Партизанами называли в русской армии еще в XVIII столетии военнотружущих, отправлявшихся в составе самостоятельных мелких отдельных отрядов или партий (от латинского слова *partis*, от французского *parti*) для действий на флангах и коммуникациях противника. Естественно, это явление нельзя считать чисто русским изобретением»⁹.

Казалось бы, проблема изучения столь парадоксальной эволюции словоупотребления должна быть давно поставлена. Тем не менее она до сравнительно недавнего времени оставалась вне сферы внимания как историков, так и филологов. Эволюция значения термина «партизаны» вообще не рассматривалась, а что до термина «отечественная война», так исследователей занимали преимущественно споры о дате возникновения и авторе. О том, кто «первый сказал».

Эта полемика характерна в аспекте истории публицистического дискурса. Почему и уместно обратиться к ее истокам.

У истоков

Чья бы кандидатура ни выдвигалась на роль автора термина «отечественная война», спорившие были всегда согласны в одном. Признавалось, что термин стал официальным с 1839 г., когда был выпущен четырехтомный труд «Описание Отечественной войны в 1812 году, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским»¹⁰.

Но если судить по заглавию, термин был окончательно утвержден год спустя. При втором издании А.И. Михайловский-Данилевский акцентировал, что создал «Описание Отечественной войны 1812 года»¹¹.

Разница существенная: определены хронологические рамки. Такой вариант стал общеупотребительным. Спорили же о том, кто опередил первого официального историографа «Отечественной войны 1812 года».

Своего рода конкурентом оказался декабрист Ф.Н. Глинка. Почти на четверть века ранее генерала-историографа он подготовил к изданию книгу «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г., с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии»¹².

Если ориентироваться на границы периода, выясняется, что термин «отечественная война» использовался уже в 1812 г. Причем в той же книге Глинка употребил в качестве синонима термин «народная война». Имелось в виду, понятно, еще и участие населения в боевых действиях¹³.

Трудно сказать, претендовал ли Глинка на роль историографа. Но уже в заглавии противопоставлены войны «отечественная» и «заграничная». А вскоре опубликована и его статья «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года»¹⁴.

На уровне публикаций, как справедливо указывают Н.А. Троицкий и В.М. Безотосный, отставал официальный историограф от декабриста. Однако декабриста опередил А.Г. Краснокутский, тоже офицер-литератор. Его статью С.Н. Глинка, кстати, старший брат декабриста, поместил в девятом номере своего журнала «Русский вестник» за 1813 г. Автор тогда служил при штабе казачьего корпуса, что отражало и заглавие – «Разговор войскового атамана графа Платова с донским генерал-лейтенантом Иловайским 5-м и генерал-майором Карповым». Термин приведен там без пояснений. Якобы состоявшаяся беседа полководцев начинается фразой: «Отечественная сия война возвысила славу нашего Донского войска!»¹⁵

С необходимостью отсюда следует, что в аспекте истории термина не так уж важно, кто «первым сказал». Фактически одновременно термин придумали многие, почему и не требовались пояснения ни в 1813 г., ни позже. Так, декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, опубликовавший в альманахе «Полярная звезда» статью «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», акцентировал роль контекста эпохи, когда «под политическою печатью словесность кружится в воздухе. Это было и с нами в отечественную войну. Наполеон обрушился на нас – и все страсти, все выгоды пришли в волнение; взоры все обратились на поле битвы, где полсвета боролось с

Россией, а целый свет ждал своей участи. Тогда слова *отечество* и *слава* электризовали каждого. Каждый листок, где было что-нибудь отечественное, перелетал из рук в руки с вдохновением. Похвальные песни, плохи или хороши они были, раздавались по улицам и им рукоплескали в гостиных – одним словом, все тогда казалось прекрасным, потому что все было истинным»¹⁶.

Термин «отечественная война» и тогда устойчиво ассоциировался с термином «партизаны». Однако при этом русские историки и литераторы называли партизанами только военнослужащих.

Далее правомерны три вопроса. Какие факторы, во-первых, обусловили возникновение термина «отечественная война». Во-вторых, что за факторы обусловили его официальный статус. Наконец, почему значение термина «партизаны» – при устойчивой ассоциации с термином «отечественная война» – изменилось лишь в советскую эпоху.

Заимствования нужные и нежелательные

Известно, что «Русский вестник», где в 1813 г. появился термин «отечественная война», был к правительству довольно близок. Поддерживал журнал, да и печатался там, А.А. Аракчеев. И вряд ли появление в «Русском вестнике» термина «отечественная война» – случайность.

Такое определение, как «отечественная», производное от понятия «отечество», формировало эмоциональное отношение к термину «отечественная война». Само же понятие «отечество» встречалось на страницах журнала весьма часто. Трактовалось оно в русле общеевропейской традиции: латинское *patria* – «земля отцов». Частотен был и термин «сын отечества». Речь шла также о «верных сынах отечества», «истинных сынах отечества» и т. п. «Сыны отечества», понятно, защищали его от иноземного нашествия, прямая аналогия – победы Земского ополчения в 1611–1612 гг. Подразумевалось, что и век спустя закономерны победы.

В ту пору термин «сын отечества» воспринимался как синонимичный термину «патриот», что в обиход вошел со времен Екатерины II. Синонимичность акцентировал еще А.Н. Радищев, в 1789 г. опубликовавший философское эссе «Беседа о том, что есть сын отечества»¹⁷.

Если судить по эссе, термин тогда еще нуждался в пояснениях. Но к началу XIX в. они уже не требовались, и, например, В.В. Измайлов в 1804 г. издавал «Патриот, журнал для воспитания».

По Измайлову, воспитывать надлежало так называемые античные добродетели. Прежде всего «любовь к отечеству», «верность отечеству» и т. п. Само название журнала – имплицитная ссылка на традицию античности, признававшуюся тогда весьма авторитетной.

Издатель же «Русского вестника» от термина «патриот» отказался, заменил синонимом. И такова была общая тенденция. От термина «патриот» отказался, к примеру, Н.И. Греч. Он свой журнал, выходявший с сентября 1812 г. и быстро ставший популярным, назвал «Сын Отечества». Военная кампания там описана посредством множества рассказов и рисунков, где наряду с выполнявшими свой воинский долг героями в русских мундирах фигурируют и героикрестьяне, по собственной инициативе противостоявшие французам. Многие сюжеты откровенно неправдоподобны, в особенности это относится к подвигам крестьян, что и современники отмечали, однако полемизировать не спешили. Пропаганда доблести «сынов отечества» считалась делом не только государственным¹⁸.

Кстати, в мемуарах Греч счел нужным объяснить, почему выбрал такое название журнала. Невольно подсказал брат, накануне гибели в бою отправивший письмо, где сообщил, что умрет, если придется, как «истинный сын отечества»¹⁹.

Так ли было – не известно. Однако письмо брата, пусть и последнее, – не основание, чтобы избегать слова «патриот». К тому же его избегал и Глинка, на письма не ссылавшийся. Уместно предположить, что оба ориентировались еще и на конъюнктуру.

Разумеется, конъюнктура была. Как раз в 1812 г. должность государственного секретаря занял А.С. Шишков, ярый противник Н.М. Карамзина и, соответственно, заимствований в русском литературном языке. Государственный секретарь и стал идеологом, автором манифестов, рескриптов и аналогичных документов пропагандистского характера.

Издатель «Русского вестника» был последователем Шишкова, хотя и акцентировал порою литературную независимость. Журнал даже названием подразумевал некое противопоставление «Вестнику Европы», ассоциировавшемуся с карамзинским направлением. А вот Греч не столько уступал Шишкову, сколько следовал политической конъюнктуре. Термин «патриот» связывался тогда с идеей равенства перед законом, отрицания сословного деления, что было обусловлено традицией.

В новых европейских языках «патриот» – изначально «соотечественник», «земляк». Термин «компатриот» для обозначения подобного рода понятий возник позже, когда «патриотами» называли

еще и провозглашавших важнейшей целью заботу о благе отечества, защиту интересов общества в целом. При этом термин «патриот» актуальным не стал, использовался главным образом применительно к истории античности. Такова специфика сословного государства, в основе которого – идея природного неравенства, соответственно понятия «общество в целом» и «права человека» там не могли стать актуальными. Там общество разделено, и права каждого определены, прежде всего сословно. Богоданной же аксиоматически признается власть монарха, он и считается олицетворением государства, тождественного отечеству. Соответственно, преданность монарху тождественна преданности отечеству²⁰.

Зато в XVIII в. уже вполне актуально противопоставление интересов носителя власти интересам общества. В частности, английский политический климат 30-х годов XVIII в. определялся борьбой так называемых придворных и патриотов. Лидеры парламентской оппозиции именовали себя патриотами, а придворными – своих противников, возглавляемых премьер-министром. Терминологически акцентировалось, что патриоты защищают интересы общества в целом, а не короля и его приближенных²¹.

Понятно, что просветительской идеологией подчеркивалась позитивная окраска термина «патриот». Например, идеологи американской революции объявили себя и своих единомышленников патриотами, восставшими против «тиранической» власти английского короля. Постулируя равенство всех перед законом, они провозгласили целью создание нового государства, охраняющего права каждого гражданина. И характерно, что Радищев имплицитно ссылался на опыт американский, оговорив: «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного именованья сына Отечества (патриота). – Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем».

Американский опыт заимствовали и лидеры Великой французской революции. Потому на исходе XVIII в. слово «патриот» ассоциировалось с противопоставлением интересов отечества интересам монарха, чья власть не контролируется обществом. Равным образом, подразумевалось, что «патриот» не может не быть противником сословных привилегий. «Патриоты» и «верноподданные» были опять противопоставлены.

В царствование Павла I употребление в печати термина «патриот» регламентировано, так как непременно подразумевались оппозиция «патриот»/«верноподданный» и, понятно, «якобинство». Но с началом царствования Александра I контроль уже не

был жестким. Да и актуализовались другие коннотации. В качестве галлицизма термин «патриот» ассоциировался прежде всего с полемикой о принципах реформирования литературного языка, отстаиваемых Карамзиным и его сторонниками. Потому и выбрал название журнала Измайлов, один из наиболее известных тогда карамзинистов.

В 1812 г. пропагандистский дискурс задал Шишков. Однако неожиданно сложилась критическая ситуация. Впервые за многие десятилетия иностранная армия шла по центральной России, преследуя отступающие русские войска. Критической ситуацией обусловлено и необычайно широкое использование партизан, организационно в специальный корпус объединенных. Мера, конечно, вынужденная: слишком много понадобилось «летучих отрядов», чьи действия на растянувшихся коммуникациях противника должны были замедлить его наступление.

Лидеры Великой французской революции в критической ситуации выдвинули лозунг «Отечество в опасности!». Но уместен он был в государстве, основанном на принципе равноправия. Там защита отечества при необходимости – обязанность каждого патриота. А в сословном государстве обязанности верноподданных, как и права, сословно разделены. Всеобщей «воинской повинности» в Российской империи, как известно, еще не было, зато крепостной, отданный в рекруты, «государевым человеком» становился. Двадцать пять лет выслужив, он при желании мог дальше служить, пребывая «на казенном обеспечении» хоть до смерти. И если выходил в отставку, оставался свободным, с крестьянской общиной не связанным. Да и крестьянин был от армии сословно отделен. От сословного разделения отказ – хотя бы и в критической ситуации – означал бы покушение на основу государственного устройства.

Прямое обращение за помощью к населению подразумевало бы и признание военных неудач. А это потребовало бы нового пропагандистского осмысления. Термин «патриот» оказался и нужен, и нежелателен, почему и был заменен термином «сын отечества», не столь явно ассоциировавшимся с идеей равенства. Своего рода отголосок споров о пропагандистском инструментарии – появление на страницах «Русского вестника» терминов-синонимов «отечественная война» и «народная война». Понятно, что в печати они появились с некоторым опозданием.

Уход и возвращение

Как известно, в 1812 г. обошлось без радикального изменения на уровне пропагандистских установок. А в 1813 г. русские войска шли по чужой территории, отечество предстояло защищать французам, потому термины «отечественная война» и «народная война» в официальной пропаганде деактуализовались, едва появившись.

Иначе было с осмыслением кампании 1812 г. в рамках либеральной традиции. Коль скоро термин «отечественная война» предсказуемо ассоциировался с идеей внесловного единства, он и подразумевал необходимость либеральных реформ, на что и намекал будущий декабрист в 1816 г. Однако вновь нежелательным термин стал по другим причинам.

Как известно, в сентябре 1815 г. монархи России, Австрии, Пруссии, вторично Наполеона одолевшие, формировали Священный союз, целью которого было объявлено предотвращение на европейском континенте войн и революций. Вскоре к Священному союзу примкнул французский король, затем большинство европейских монархов. Термин «отечественная война» оказался не просто лишним. Он еще и противоречил российской государственной идеологии. Точнее, идеологии Священного союза.

Не важно, осознавал ли это Глинка. Важно, что поставленный им вопрос «о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» был фактически признан неуместным. Да и напоминания о масштабном использовании партизан тоже не приветствовались, потому как предсказуемы были ассоциации с весьма скандальным отступлением русских войск в начале кампании.

Таков был правительственный дискурс, но далеко не все ему следовали. Статья Бестужева-Марлинского – лишь один из многих в александровскую эпоху примеров осмысления отечественной войны как символа внесловного единства, т. е. народной войны.

Саму возможность такого единства не исключал Д.В. Давыдов, опубликовавший мемуары и теоретические работы в связи с личным партизанским опытом. По его словам, с началом партизанских рейдов можно было надеяться, что «обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную»²².

Действительно ли «обратило» – историки спорят. Но, как подчеркивает Безотосный, для современников термины «народная война» и «партизанская война» синонимами не были. Ведь «партии», разумеется, «состоявшие из регулярных войск и казаков, действовали наступательно на занятой неприятелем территории, нападая

на обозы, транспорты, артиллерийские парки, небольшие отряды. Кордоны же и народные дружины, состоявшие из крестьян и горожан во главе с отставными военными и гражданскими чиновниками, располагались в незанятой противником полосе, обороняя свои селения от разграбления мародерами и фуражирами»²³.

О синонимии не было речи и в дальнейшем, однако на пропагандистском уровне подход к термину «отечественная война» стал иным в связи с изменением официальных идеологических установок, что, в свою очередь, связано было с новым – официальным – истолкованием термина «патриот». В пропагандистском дискурсе эпохи Николая I термины «патриот» и «верноподданный» оказались синонимами. Соответственно, термин «отечественная война» как символ внесословного единства и был востребован. Новые же установки эмблематизировала известная «триада», которую предложил в 1832 г. занимавший тогда пост товарища министра просвещения С.С. Уваров: «Православие, самодержавие, народность»²⁴.

По его доктрине, православие органически присуще России, а самодержавие – единственно соответствующий православию режим, вкупе же они обеспечивают сохранение и выражение русской самобытности, т. е. пресловутой народности. Отсюда следовало, что патриотами в Российской империи можно назвать лишь православных монархистов. Коль так, термин «Отечественная война 1812 года» оказался символом внесословного русского единства – в преданности религии, монарху и отечеству. «Патриотическое» единство и отрицало необходимость отмены сословного неравенства.

Осмысление термина «патриот» на уровне официальной идеологии не изменилось и в эпоху Александра II. И по мере обострения социальных противоречий становились все более важными символы внесословного единства – термины-синонимы «отечественная война» и «народная война».

В данном случае можно сказать, что значение термина «партизаны» еще не эволюционировало, но тенденция заметна. Согласно официальным или же либеральным установкам, путь был предопределен: «отечественную» войну, т. е. «народную» войну, вести должен «народ», а термин «народ» устойчиво ассоциировался с термином «крестьянство». До отождествления крестьян с партизанами не так далеко. Лишь традиция препятствовала.

История столкновения тенденции с традицией прослеживается, в частности, на примере романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Понятно, что «партизаны» там в мундирах своих полков воюют. И все-таки есть в отряде крестьянин. Не по-армейски одет, и ору-

жие – топор да короткая пика. Он и проводник, и разведчик, и вообще боец природный, с волком сравниваемый, но – один. Крестьянских отрядов нет в романе.

Зато когда готовилось празднование 100-летнего юбилея победы в «Отечественной войне», читатели привыкли к рассказам о крестьянских подвигах. Изобразительный ряд, как известно, тоже сформировался. И характерно, что символика внесловного единства актуализовалась с началом Первой мировой войны. Так, в стихотворении С.М. Городецкого постулировалось, что война сплотила «народ» любовью к отечеству и монарху. Соответствующим было и заглавие – «Сретенье царя»²⁵.

Журналисты использовали ту же символику. В газетах сведения о раненых и убитых – под рубрикой «Герои и жертвы Отечественной войны».

Правда, термин «партизаны» тогда не актуализовался: рейды по тылам противника – редкость в позиционной войне. Актуализовался к февралю 1918 г., когда идеологи советского государства выдвинули лозунг «Социалистическое отечество в опасности!»²⁶

И традиция, и новаторство здесь очевидны.

Новый язык

Советский пропагандистский дискурс был задан цитированным выше лозунгом. В силу чего гражданская война осмыслялась как противостояние «красных», т. е. республиканцев, и «белых» – монархистов, что, конечно, реальности противоречило, но у пропаганды другие задачи²⁷.

Дискурс был постольку удобен, поскольку суть противостояния сводилась к борьбе за равноправие – против реставрации самодержавия, режима сословного неравенства, конфессиональной дискриминации и т. д. Значит, целесообразно было противопоставление «народа», заведомого большинства, и сил «антинародных», оказавшихся в меньшинстве, зато поддержанных иностранными правительствами.

В ту пору и понятие «регулярная армия» применительно к ситуации русской гражданской войны утратило прежнее значение. Менялись принципы комплектования вооруженных сил и в советском государстве, и на территориях, контролируемых противниками советского режима, менялись принципы обеспечения войск, тактические и стратегические задачи.

Изменился в советской печати и язык описания войны. Термин «партизаны» тогда и обрел новое значение. Использовался, что на-

зывается, профанно, в значении, отчасти заданном еще до начала мировой войны – многочисленными публикациями о крестьянах, некогда добровольно объединявшихся для борьбы с наполеоновской армией. Но партизанами именовали уже не только крестьян, а всех добровольно объединившихся для вооруженной борьбы с противниками советского правительства на территориях, им не контролируемых. Актуальными стали критерии *добровольности* и *самостоятельности*. Критерий же принадлежности к регулярной армии – в профанном словоупотреблении – вообще актуальность утратил. С необходимостью подразумевалось, что «партизаны» остаются таковыми, пока не имеют возможности присоединиться к Рабоче-крестьянской Красной армии.

Кстати, тогда стали привычными термины «партизанский отряд» и «отряд партизан». Ранее такое словоупотребление было (на уровне печати) разве что случайностью, причем досадной. Знавшие французский язык видели здесь типичный плеоназм: *отряд* и есть *партия* – часть войска, *отряженная*, т. е. выделенная, для решения неких задач.

В советской традиции словоупотребления термин «партизаны» имел тогда не только положительные коннотации. «Партизанством», или «партизанскими замашками», именовали самовольные действия военнослужащих, обычно связанные с нарушением армейской дисциплины. Так, в мемуарах Л.Д. Троцкого, ставшего с 1918 г. народным комиссаром по военным и морским делам, отмечено, что К.Е. Ворошилов, уже получивший высокий армейский пост, «сделался средоточием оппозиции унтер-офицеров и партизан против централизованной военной организации, требовавшей военных знаний и более широкого кругозора»²⁸.

Примечательно, что в периодических изданиях, выпускавшихся на территориях, советским правительством не контролируемых, термин «партизаны» значение не изменил. Традиция здесь не утратила актуальность. В частности, «партизаном» именовали казачьего офицера А.Г. Шкуро, на исходе гражданской войны до чина генерал-лейтенанта дослужившегося. Он еще и в мировую войну получил некоторую известность как организатор рейдов по коммуникациям и тылам противника, а с началом гражданской, можно сказать, этим и прославился.

Стоит отметить, что противниками советского правительства на территориях, им контролируемых, термин «партизаны» тоже использовался. Например, партизанами называли себя крестьяне восставшей Тамбовской губернии, которых в советской периодике именовали бандитами²⁹.

Кстати, в советской периодике изначально ходовым был термин «красные партизаны». Он сохранен в литературе о гражданской войне, а вот на уровне журналистики, равным образом историографии, определение «красные» стало избыточным. «Партизаны» как представители «народа» могли быть только «красными»³⁰.

Таким образом, к 30-м годам XX в. значение термина «партизаны» окончательно определено публицистически. В советском обиходе привычной стала оппозиция терминов «партизан»/«военнослужащий». Однако на уровне справочных изданий прежний, досоветский вариант словоупотребления игнорировать было вряд ли возможно. Учитывая традицию, авторы статей и приводили два значения, акцентируя, что новый, советский, вариант словоупотребления более актуален.

Противопоставлению терминов «партизан»/«военнослужащий» соответствовала и прагматика советской пропаганды 1941–1945 гг. Коль так, на уровне справочных изданий существенных изменений быть и не могло. Публицистический дискурс стал фактором, разрушившим традицию.

Примечания

---

¹ См., напр.: *Безотосный В.* Русские партизаны в 1812 году // Отечественная война 1812 года: Известные и малоизвестные факты. М.: Вест-Консалтинг, 2012. С. 139–143.

² См., напр.: *Фельдман Д.М.* Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. С. 1–14.

³ См.: *Партизан* // *Словарь иностранных слов* / Под ред. И.В. Лёхина, Ф.Н. Петрова. М.: Госуд. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. 3-е перераб. и доп. изд. Ср.: *Партизанская война* // *Энциклопедический словарь*. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 2.

⁴ См.: *Партизаны* // *Советский юридический словарь* / Под ред. С. Бра-тусь, Н. Казанцева и др. М.: Госуд. изд. юридической литературы, 1953.

⁵ См.: *Партизанское движение* // *Энциклопедический словарь*. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 2.

⁶ См.: *Ожегов С.И.* *Партизаны* // *Словарь русского языка*. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952.

⁷ См.: *Партизанское движение* // *Энциклопедический словарь* Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1897. Т. 44. С. 886.

⁸ См., напр.: *К. О.* *Партизанская война* // *Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат»*. М.: Гранат, 1924.

⁹ См.: *Безотосный В.* Указ. соч. С. 139.

- ¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. СПб.: Воен. тип., 1839.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов, в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. Писаны Федором Глинкою, 8 частей. СПб., 1815–1816.
- ¹³ О коннотациях терминологического характера подробнее см., напр.: Парсамов В.С. К генезису политического дискурса декабристов: Идеологема «народная война» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 159–194.
- ¹⁴ Глинка Ф.Н. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Русский вестник. 1815. № 4. С. 25–49; ср.: То же // Сын Отечества. 1816. Ч. 27. № 4. С. 138–162.
- ¹⁵ Краснокутский А.Г. Разговор войскового атамана графа Платова с донским генерал-лейтенантом Иловайским 5-м и генерал-майором Карповым // Русский вестник. 1813. № 9. С. 51.
- ¹⁶ Бестужев А.А. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года // Полярная звезда, изданная А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 264.
- ¹⁷ <Радищев А.Н.> Беседа о том, что есть Сын отечества // Беседующий гражданин. 1789. № 12. С. 308–324.
- ¹⁸ Подробнее см., напр.: Вишленкова Е.А. Увидеть героя: рождение образа русского народа в карикатурах 1812 года // Декабристы: Актуальные проблемы и новые взгляды. М.: РГГУ, 2008. С. 136–158.
- ¹⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 183.
- ²⁰ Подробнее см.: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора // Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция, террор. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21–28.
- ²¹ Подробнее см.: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Там же. С. 240–261.
- ²² Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия // Давыдов Д.В. Соч. М.: Гослитиздат, 1962. С. 315.
- ²³ Безотосный В. Указ. соч. С. 141.
- ²⁴ См., напр.: Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 71.
- ²⁵ Городецкий С.М. Сретенье царя // Нива. 1914. № 35. С. 38–39.
- ²⁶ Декрет СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!» // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 490–491.
- ²⁷ Подробнее см.: Фельдман Д.М. Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 5–25.

- ²⁸ Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1992. С. 172–173.
- ²⁹ См., напр.: *Тухачевский М.* Борьба с контрреволюционными восстаниями // *Война и революция.* 1926. № 8. С. 3–15. См. также: *Фельдман Д.* Крестьянская война // *Родина.* 1989. № 10. С. 54–55.
- ³⁰ См., напр.: *Яковенко В.* Записки партизана // *Известия.* 1924. 24 авг.

Е.Н. Басовская

«ВСЕ ТЕ ЖЕ»:
ЗАМЕТКИ О ЛИНГВОЭКОЛОГИИ И ЯЗЫКЕ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Автор рассматривает лингвистические особенности современной русской литературы сквозь призму критических замечаний, которые в разные годы высказывала в адрес языка художественной словесности советская пресса. На многочисленных примерах демонстрируется устойчивость тенденций, неоднократно объявлявшихся чуждыми и вредными, но по сути соответствующих природе литературы, которая отражает сознание человека и его восприятие окружающей действительности. Сделан вывод о неэффективности борьбы за «чистоту» языка художественной литературы и о том, что лингвоэкологические публикации часто служат формой выражения философских, этических или политических взглядов.

Ключевые слова: язык художественной литературы, советская пресса, лингвоэкология.

Будучи официальной партийной трибуной, советская пресса на протяжении всей истории своего существования осуществляла строгий контроль за всеми сферами жизни, выявляла недостатки и намечала пути их исправления. Не было исключением и развитие русского литературного языка. В разные периоды СМИ определяли те или иные лингвистические явления в качестве «сорняков», борьба против которых расценивалась как защита языка и, соответственно, одна из форм участия в построении коммунизма. «Язык, сочетающий простоту с богатой образностью, язык прямой, открытый, с точным смыслом – только такой язык может

© Басовская Е.Н., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ. Автор благодарит Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ и лично С.А. Филатова за идею проведения исследования, которое легло в основу этой статьи.

быть мощным проводником коммунистического мировоззрения, орудием подлинной социалистической культуры», – указывала газета «За коммунистическое просвещение» в 1934 г.¹

Вредные языковые тенденции фиксировались в различных речевых сферах, но чаще всего в текстах художественной литературы. Партийная печать со всей определенностью указывала писателям, в каких изменениях нуждается их стиль. В отдельных случаях авторы, подвергшиеся разгромной критике, публично заявляли о согласии с полученными замечаниями и рапортовали о принятых мерах. Но чаще всего на лингвоэкологические выступления на страницах газет и журналов, а также в радиоэфире не следовало никакой конкретной реакции. Поэтому определить, насколько эффективной была борьба советской прессы за улучшение языка художественной словесности, чрезвычайно трудно. В данной статье, носящей экспериментальный характер, предпринимается попытка сопоставить важнейшие высказывания советской печати о лингвистических «сорняках» и о необходимости очищения от них языка художественной литературы с сегодняшними речевыми фактами.

В результате анализа публикаций таких изданий, как «Правда», «Литературная газета», «Учительская газета» (1930–1937 – «За коммунистическое просвещение»), «Культура и жизнь», определены основные группы так называемых сорняков. С учетом того, что тексты советских СМИ имеют пропагандистский характер, выявлены скрытые смыслы, содержащиеся в лингвоэкологических высказываниях прессы. Наконец, показано бытование тех же речевых явлений (в больших или меньших масштабах) в российской литературе конца XX – начала XXI в.

1. Иностранные слова

В марте 1931 г. популярный прозаик Ф.В. Гладков поместил в газете «За коммунистическое просвещение» заметку «Бью тревогу». Возмущение писателя было вызвано подачей материала в учебнике Н.Н. Попова по истории ВКП(б). По мнению Гладкова, в книге для подростков недопустимо использовать такие трудные слова, как «ортодоксальный», «консолидация», «ревизионизм». Писатель подчеркнул, что нельзя сформировать сознание молодежи путем «зубрежки неудобоваримых формул»². Это было лишь одно из множества выступлений советской прессы против иностранных слов.

Осуждение заимствований закономерно достигло пика во второй половине 1940-х годов, в период борьбы с «космополитизмом».

Так, в 1946 г. газета «Культура и жизнь» критиковала предисловие профессора М.Д. Эйхенгольца к собранию сочинений Г. Флобера: подчеркивалось, что ученый позволил себе использовать не понятные массовому читателю иностранные слова «эрудит», «мифологизировать», «пейзаж», «тенденция», «гротескный», «перипетии», «экспозиция» и др.³

В 1948 г. «Литературная газета» дважды использовала один и тот же заголовок – практика необычная для центрального средства массовой информации. Видимо, формулировка «Сорняки низкопоклонства» оценивалась редколлегией как безусловно точная и выразительная. Под этим названием была сначала напечатана статья А. Добрянского о том, что авторы технических книг и переводчики научных текстов должны способствовать развитию научного стиля «сообразно с правилами русского языкосложения, оберегать его от неумеренного введения иностранных терминов и наименований»⁴, а затем – беседа с председателем комитета технической терминологии АН СССР академиком А.М. Терпигоревым, утверждавшим, что для развития русского научного словаря языковеды обязаны изучать живую речь заводов и фабрик, а писатели – помогать ученым в словообразовании⁵.

Критика словесного «низкопоклонства» всегда имела отчетливо пропагандистский характер. В первые десятилетия советской власти разговор о не понятных массам иностранных словах способствовал дискредитации «антинародной сущности» интеллигенции. Позже неприятие заимствований превратилось в одну из форм идеологической поддержки «железного занавеса», противопоставления советского мира всему остальному – чужому и враждебному.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что претензии, связанные со злоупотреблением иностранными словами, предъявлялись чаще всего не художественной словесности, а научной и научно-учебной литературе.

Современная литература широко и свободно пользуется заимствованиями, в том числе новейшими и недоосвоенными, причем это в равной мере характерно и для массовой паралитературы, и для серьезной прозы, адресованной интеллектуалам.

С одной стороны, «бутик», «бойфренд», «гламур» и «фэшн» – характерные лексические приметы легкой женской прозы, рисующей с помощью этих средств богатую столичную жизнь, одинаковую в Москве, Лондоне и Париже.

С другой стороны, без терминов иностранного происхождения невозможно представить себе, например, прозу Л. Улицкой, у которой среди персонажей немало людей умственного труда. По-

казателен фрагмент романа «Казус Кукоцкого», получившего премию «Русский Букер» в 2001 г.: «Обычно Гольдберг приезжал на Новослободскую часов в десять вечера, Павел Алексеевич доставал бутылку водки, и они до поздней ночи вели чисто мужской разговор. Не о войне, лошадях и питейных подвигах – о генетике популяций, о генофонде, о дрейфе генов и о тех проблемах, которые Илья Иосифович через некоторое время назовет прежде неизвестным словом “социогенетика”...» (подчеркнуто здесь и далее мною. – Е. Б.)⁶.

Активное, ничем не лимитируемое использование иностранных слов в современной литературе отражает процесс глобализации, затрагивающий области моды, технологий, науки и многие другие.

2. Вульгаризмы

Советская пресса была равно непримирима по отношению как к «чуждым народу» трудным терминам, так и к собственно народным, просторечным словам и выражениям. Постоянно высказываясь от имени трудового народа, партийная печать не признавала тем не менее его права на свободный выбор речевых средств.

Традицию борьбы с вульгаризмами заложил М. Горький. В его программной статье «О языке», опубликованной в 1934 г. в газете «Правда» и перепечатанной другими изданиями, говорилось: «С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно – в общем – восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: “мура”, “буза”, “волынить”, “шамать”, “дай пять”, “на большой палец с присыпкой”, “на ять” и т. д. и т. п.»⁷.

Одной из ключевых идей развернувшейся в 1934 г. дискуссии о языке была недопустимость буквального перенесения в художественную литературу реальных черт простонародного языка. «Что такое народный язык? – ставит вопрос А.Н. Толстой и сразу же скептически уточняет: – Чаво и тово, ядрена вошь – это тоже ведь народный язык»⁸.

В 1935 г. «Литературная газета» обрушилась с разгромной критикой на редакцию «Толкового словаря русского языка», возглавлявшуюся Д.Н. Ушаковым. Среди важнейших недостатков нового издания К. Казимирский и М. Аптекарь – авторы рецензии с саркастическим названием «Игруны» – отмечали, что в нем много «ругательных и вульгарных выражений, приводимых как в терминах, так и в примерах» («вшивый черт», «катись колбасой», «кишка тонка», «киношка», «втрескаться» и др.)⁹.

А через два с лишним десятилетия, в 1958 г., «Литературная газета» опубликовала под общим заголовком «Кляксы» подборку читательских писем, посвященных нарушению языковых норм в текстах художественных произведений. Среди примеров подобных «клякс» преобладали выражения, стилизованные под простонародную речь: «знавал одного забубённого весельчака», «был с живинкой», «слыл за тороватого», «в погодливый день сумерничало», «охочий до дальних плаваний»¹⁰.

Советская пресса рисовала фантастическую картину сосуществования двух народных языков – прекрасного истинного и вульгарного, грязного, не отражающего народной души. Писателям рекомендовалось воспринять поэтическое богатство народной речи и закрыть глаза на ее грубость.

Современная литература, издающаяся без цензуры, практически не знает стилевых ограничений. Многие ее страницы документально точно фиксируют жесткий характер народной речи. Даже если воздержаться от цитирования текстов, включающих в себя обценную лексику, открытость для вульгаризмов несложно проиллюстрировать: «Работали без выходных, но на 7 Ноября загуляди, да так крепко, что и 9-го отказались идти в лес, два дня пили без просыпу. Никто уж и не помнил, когда в общагу втерся коротышка в танкистском шлеме, на потешной физиономии его с детства, наверное, отгиснулось желание “пошщунать” баб да повизжать вместе с ними. С собой он принес четыре бутылки питьевого спирта и накачал бригаду “до усрачки”, она и потянулась утром 9-го в магазин...»¹¹ (А. Азольский. «Клетка». Премия «Русский Букер» 1997 г.).

Следует обратить внимание на то, что как иностранное книжное, так и вульгарное народное слово в приведенных текстах подаются писателями как чужие, в формате полупрямой речи. При этом слово авторское пребывает над книжно-письменной и народной устной речевой стихией, подпитываясь из этих источников, но не размываясь ими.

3. Неблагопристойность

С проблемой вульгаризмов неразрывно связан вопрос о «неприличии», задевающим этическое чувство читателя. В 1935 г. в редакционной заметке «Литературной газеты», посвященной переизданию словаря В.И. Даля, говорилось об отрицательном опыте И.А. Бодуэна-де-Куртене, дополнившего знаменитый словарь «неприличными словами, сквернословиями, мерзостями площадного

жаргона»¹². Советская пресса вообще была нетерпима к откровенному изображению интимных сторон жизни, свидетельством чему может служить прошедшая в 1920-х годах дискуссия о так называемой порнографической литературе¹³. С этого времени и на протяжении всего советского периода истории от художественной литературы безусловно требовалось целомудрие, а деликатные моменты человеческой жизни допускалось отражать лишь иносказательно.

Сегодня ситуация может быть охарактеризована как противоположная. Значительным числом современных писателей, причем прежде всего претендующих на высокое качество литературного продукта, реалистическое изображение мира толкуется как натуралистическое. Описание различных физиологических отпращиваний и сексуальных отношений обходится без умолчания и намека. Ярким примером может служить фрагмент из повести З. Прилепина «Санья»: «И грудь Яны не была яблочной, жесткой, и соски – острыми. Нет, напротив, грудки ее колыхались молочно, малые, по-детски мягкие и почти без сосков – только с розовыми полукружиями.

“А в одежде соски казались острыми, наглыми...” – мелькнуло у Саши.

...И позвоночник ее то исчезал, то проявлялся остро, оттого, что Яна, вывернувшись таки из-под Саши, выгибала спину хищно и тут же расслаблялась бессильно.

Легким движением бедер она высвободилась от Саши.

Он подумал, что – случайно, и попытался вернуться назад, но Яна вновь отстранилась – чуть-чуть – на несколько сантиметров, покачивая при этом бедрами: “Нет-нет, не так...”

Яна не сказала ни слова, и когда Саша догадался, она застыла – так застывает умное животное, когда ему делают укол или извлекают когтистую занозу, – кося напряженным и немного испуганным глазом, легко, еле заметно подрагивая всем влажным, легким телом.

“Ссс...” – произнесла Яна и чуть придержала Сашу рукой, тонкими, изящно выгнутыми пальцами, за бедро. Но спустя мгновение сама сделала такое движение, что ушло мягко и глубоко, глубже».

Интересно отметить, что прорисовка деталей половых отношений достигается здесь без использования табуированной и вообще стилистически сниженной лексики. Если советская пресса в свое время фактически приравнивала друг к другу такие явления, как грубость и неблагопристойность, то сейчас мы сталкиваемся с феноменом стилистически нейтрального натурализма, суть которого заключается не в словесной резкости, а в фотографической точности отображения жизненных фактов.

4. Диалектизмы и провинциализмы

Местные слова и выражения, находящиеся за пределами литературного языка, были в середине 1930-х годов помещены М. Горьким и его последователями в один ряд с вульгаризмами и расценивались официальной прессой как «языковая шелуха» и «словарное отрепье»¹⁴. Борьба против диалектизмов и провинциализмов имела отчетливый социально-политический подтекст. Местные словечки, наиболее характерные для крестьянской речи, соответствовали неразвитому сознанию масс. Рисуя идеализированный образ советского народа, единого в стремлении к коммунизму, пресса вполне идеалистически пыталась исправить людей путем улучшения их речи.

В ходе широкомасштабной кампании за чистоту языка разгромной критике подвергся автор романа «Бруски» Ф. Панферов, в текстах которого в обилии встречались такие слова и грамматические формы, как «баить», «бычачий», «гуторить», «зыбка», «калужина», «кой» (какой), «неча» (ничего), «обкургузиться», «покажете», «посечка», «робяты», «своих» (своих), «серина» (серость), «ще» (еще) и т. п.¹⁵

Вскоре после этого сибирский прозаик Е. Пермитин в «Письме М. Горькому» клялся, что, редактируя собственную новую книгу, «выжиг из нее весь отвратительный... словесный областной мусор», «заменял идиотские... областные слова вроде: “без усика” – напрямую, “не волташись” – не суется и т. д. ...Выбросил ряд сальных словечек, брошенных, хотя бы и в озлоблении, на собрании... Я понял, – заверял пролетарского классика сибирский прозаик, – что словесная небрежность, многословие вредно уже потому, что портит вкус читателя, отнимает лишний труд у наборщиков, лишнюю бумагу у издателей»¹⁶.

Ситуация принципиально изменилась в позднесоветский период с появлением так называемой деревенской прозы и формированием идеологии «неопочвенничества». Странники традиционных ценностей В. Белов, В. Распутин, В. Солоухин и другие сделали устаревшие и устаревающие местные слова символом русской самобытности. Так, в статье, опубликованной «Литературной газетой» в 1971 г., писатель В. Липатов рассказывал о том, как стал свидетелем разговора женщин, раздраженных «непонятностью» художественного текста: «Мне было тоскливо от того, что интеллигентный русский человек не стыдится незнания слов *кожух*, *шкворень*, *прясло*, *босошлепый*, *городьба*, *плетень* и т. д.». По мнению В. Липатова, во многом виноваты авторы словарей, выбрасываю-

щие эти истинно народные слова из литературного языка «с грозной пометой “областное”»¹⁷.

В современной литературе отмечаются два типа использования местных слов. В одних случаях это классическое средство стилизации и создания местного колорита. В этом смысле мало что изменилось по сравнению с первой половиной прошлого века, разве что критика не обращает столько пристального внимания на малоизвестные для широкого круга читателей тексты, реалистически отражающие речевую культуру российской деревни, как, например, в повести В. Киякова «Балагур»: «Молодожёны жили в новом брусковом доме, ходили на праздники под руку, – как сказали бы рожновские жители, “под крендель”».

Высокий, сухопарый, суетный Круглов от темна до темна стегрег стадо, стрелял, как из ружья, конопляным кнудом с повивкой конского волоса.

За лето скотина выбивает выгоны. Осенью в поисках отавы Тимофей уходит далеко от села. Все ложбины, лесные куртинки пролетет, а овец накормит, напоит свежей водой»¹⁸.

В творчестве других писателей диалектизмы становятся средством создания новой, альтернативной реальности, стилистическим маркером иного мира. Этот прием может быть назван одним из ключевых в романе А. Иванова «Сердце Пармы»: «Хакан остановился на пороге и провел пальцем по фигурным пластинам замка на двери, а затем, прищурившись, оглядел жилище пама. Старый шаманский керку был сложен из огромных, уже замшелых бревен с врезанными в них тамгами. Под самыми стропилами в узком волоковом окне синели звезды <...> Стол был завален кусочками кожи, обрезками кости, черепками. На чувале, в котором догорали угли, громоздился древний позеленевший котел со щербатиной на краю и обломанным ухом <...> Покосившиеся полки были заставлены драгоценными болгарскими, персидскими, арабскими блюдами, туесками и горшочками с зельями. Один угол керку занимала груда коробов, в другом друг на друга были навалены резные чурки-иттармы, в которых жили души былых шаманов Мертвой Пармы, предшественников пама. В земляной пол были втоптаны угли, обрезки кожи и отщепы костей, перья птиц, уже ответившие на вопросы пама и больше не нужные. Над входом топырились огромные лосиные рога»¹⁹.

Если в первой половине XX в. диалектизмы в художественном тексте могли восприниматься как попытка заигрывания с малообразованным читателем, для которого деревенская речь была «своей» и более доступной, чем правильная литературная, то сегодня

применение местных слов и выражений дает скорее противоположный эффект. Затрудняя понимание, многочисленные диалектизмы обладают способностью деавтоматизировать процесс чтения, придавать ему черты интеллектуальной игры

5. Жаргонизмы

Жаргон – молодежный, фабричный, уголовный – был отнесен М. Горьким к разряду «паразитивного хлама», которому ни при каких обстоятельствах не место в литературной речи и художественных текстах. Пик активности советской прессы в борьбе против жаргона пришелся на 60-е годы XX в., когда в условиях относительной либерализации в СМИ и беллетристику проникли многочисленные черты живой и, как оказалось, отнюдь не идеальной речи. «Литературная газета» обвиняла в нелюбви к родному языку тех, кто позволяет себе выражения «в трест подскочить», «подбрось меня», «железно нарубался борща»²⁰.

В этот же период К. Чуковский писал о том, что жаргон «не только вызван обеднением чувств, но и сам, в свою очередь, ведет к обеднению чувств». Правда, исследователь сразу же уточнял: «Какковы бы ни были те или иные жаргоны, самое их существование доказывает, что язык жив и здоров. Только у мертвых языков не бывает жаргонов»²¹.

Современная литература восприимчива к жаргону лишь в отдельных своих формах. Например, уголовный и милицкий жаргон широко представлен на страницах детективов, а школьный и студенческий – в книгах для подростков.

Так, в адресованных подросткам произведениях В. Крапивина преобладает литературный язык, лишь поверхностно декорированный школьным жаргоном: « – Не, мам... хочу тот испытанный в походах прикид. В нем лучше ощущается лето. И к тому же – ради солидарности...

– Опять эти словечки! “Прикид” <...> А что за солидарность? – спохватилась мама.

– Да есть у нас Чибис. Максимка Чибисов. Его тетушка гнобит...

– Клим, опять жаргон?

– Ну, правда, гнобит. Додумалась... – И я коротко рассказал о невзгодах Чибиса»²².

Нельзя не отметить, что настоящий старшеклассник скорее отказался бы от слова «прикид», чем использовал в спонтанной устной речи конструкцию с препозицией причастного оборота.

Надо сказать, что жаргон, живой и экспрессивный по природе, редко становится органичной частью художественного целого. Гораздо чаще жаргонизмы выглядят механическими вкраплениями в текст, откровенным приемом, направленным на достижение правдоподобия при изображении определенных социальных слоев. К жаргонным словам и выражениям непосредственно относится наблюдение К.Г. Паустовского: «Некоторое время я вел записные книжки. Но каждый раз, когда я брал интересную запись из книжки и вставлял ее в повесть или рассказ, то именно этот кусок прозы оказывался неживым. Он выпирал из текста, как нечто чужеродное»²³.

6. Новаторство, эксперимент, риторическая избыточность

В числе объектов суровой критики в советский период не раз оказывалось то, что пресса саркастически именовала «кудрявой фразой». От советской литературы требовалась доступность народным массам, «мудрая простота»²⁴, если воспользоваться выражением Ф. Панферова.

Еще в 1925 г. Д. Бедный так рассуждал о качестве речи современных писателей: «Простая и ясная мысль требует простого и ясного выражения. Простой и ясный язык – это язык победителя, это язык силы, уверенной в себе <...> Язык трусости, язык отчаяния, язык шипящего и злорадствующего хамства, – вот что такое “закрученный” язык. Чем запутаннее, чем кудреватее писание того или иного нашего литературного “попутчика”, тем этот “попутчик” трусливее, тем он ненадежнее, тем больше злого, скрытого лукавства в его кудреватых словах»²⁵.

Показательно уточнение, сделанное автором публикации в «Учительской газете» В. Тетковым. Осудив словотворчество В.В. Маяковского (в частности, фразу «Солнце, не ящерься»), он напомнил читателям: «Декрета о свободном обращении с языком у нас издано не было... – и поспешил пояснить: – Мы за языкотворчество, против языкотяпства»²⁶. Решительная невозможность провести объективную границу между языкотворчеством и языкотяпством давала прессе основания осуждать практически всякое речевое новаторство.

Отсюда – закономерное тяготение неконформистского сознания именно к словесному творчеству, речевому эксперименту. В частности, А.И. Солженицын писал в 1965 г. в статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана» о выразительности потенциаль-

ных слов: «Почему не *убывь, нагромоздка? для сохрану? приноровка? перетаск?*»²⁷

Современная литература в ее интеллектуальной части ориентирована на речевую свободу и индивидуальное словесное творчество. Многие ее тексты подчеркнута перенасыщены метафорами, концентрация которых создает определенные трудности для читательского восприятия. Таков, например, стиль повести О. Павлова «Карагандинские девятины»: «На ветру и холоде в городе еще торговали арбузами, а Караганда плыла и плыла на степных ветрах в будущую зиму. Что ни утро пугливо разбегались облака, повывлезшие за ночь как из щелей на черствые звездные крошки. Открывалось широкоэкранное черно-белое небо ноября. Из каменной глыбы дня наружу выходил холод и бродил сумрачно по улицам, проспектам, площадям, на просторах которых волны ветров качали плотами одинаковые порыжевшие шеренги деревьев»²⁸. Можно сказать, что это литература обнаженного приема, решительно дистанцирующаяся от обыденной речи. В своих крайних формах модернистская проза и поэзия достигает эффекта, который Н.Г. Бабенко определяет как «деструкцию слова и повествования, т. е. нарочитую ломку традиционных способов словесно-повествовательной организации художественного текста»²⁹.

7. Канцеляризм и штампы

Одно из наиболее обоснованных замечаний, которое советская пресса не раз обращала к современному русскому языку, касалось его серости, сухости, клишированности. Наиболее известным выступлением на эту тему стали публикации К. Чуковского в «Литературной газете», позже составившие основу главы «Канцелярит» в книге «Живой как жизнь»³⁰. Но почти за десять лет до издания книги Чуковского «Литературная газета» поместила фельетон А. Одинцова «На участке языка». Это был один из самых ярких и талантливых публицистических материалов советского периода, связанных с лингвистической проблематикой. Герой фельетона – Михаил Потапович – хороший человек, обладающий, однако, своеобразной речевой культурой. Он говорит, что жена «бросает» его на «оздоровление» в санаторий; в его лексиконе есть слова «незавершенка» и «переотвлечься», конструкции «в деле самостоятельности», «на участке сушки белья». К ребенку Михаил Потапович обращается со словами: «По какому вопросу плачешь?»³¹

Канцелярская речь отвращала советскую интеллигенцию бездушием и бессмысленностью. Те же свойства обнаруживала и

художественная литература, наполненная сюжетными и речевыми штампами. В 1955 г. авторы рецензии в «Литературной газете» обнаружили эти качества в одном из современных романов, язык которого пестрел такими выражениями, как «припудренная снегом широкая улица», «серебристый водопад», «безбрежные снега», «мягкий свет лампы»³².

Почти через 20 лет газета вернулась к этому вопросу. В программной статье «Заслон – словесной шелухе» М. Алексеев, С. Баруздин, Г. Березко, В. Кожевников и Л. Татьяничева писали о том, что «черное» и «белое» «золото», «серебристые лайнеры», «прописка трудового коллектива» и другие современные клише от частого употребления стали «безвкусной красотью»³³.

Современная художественная словесность не проявляет склонности к канцеляриту, но отнюдь не свободна от стандартных приемов и речевых клише. Без сомнения, штампы массовой и элитарной литературы существенно различаются. Если однотипность арготизированного стиля полицейских романов и патетической женской прозы не вызывают сомнений, то штампованность интеллектуальной литературы далеко не столь очевидна. Тем не менее есть основания говорить о повторяемости отдельных приемов, среди которых по популярности лидирует постмодернистская игра с прецедентным текстом. Яркий пример – почти одновременное использование в двух иронических стихотворных произведениях текста С.А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу»:

Не жалею, не зову, не плачу, сердце позабыло прежний бунт. Тает в небе, пламенем охвачен, межпланетный модуль «Фобос-грунт». На орбите, солнцем опаленный, он глядит, прищурясь, свысока, как ржавеют золотые клены, купола церквей и облака. Промелькнут осенней гулкой ранью под иллюминатором его города, наполненные сранью, хутора, где нету ничего, промелькнут болота, плоскогорья, трактора, лежащие вверх дном, частные коттеджи на приморье и Байкал, наполненный говном³⁴. (Л. Каганов)

Не жалею, не зову, не плачу,
 Не веду войны за большинство.
 Скоро я последний год растрочу
 Царственного срока своего.
 Но ведь жизнь не кончится на этом!
 Думаю, немного погоды
 Можно гражданином стать. Поэтом.
 Можно – комментатором «Дождя».
 В Сколково рассказывать студентам –

Хоть про независимость суда...
Я ведь был когда-то президентом.
Думаю, меня возьмут туда³⁵.

(Д. Быков)

Стандартизация приема уменьшает, а в перспективе – сводит на нет его выразительность. Тем не менее реминисценция и аллюзия остаются сегодня излюбленными приемами журналистов и широко проникают в художественную литературу.

8. Черты новояза

Советизация русского языка, появление в литературных произведениях специфических стилевых черт, отражающих советский менталитет, активно изучались в первое десятилетие после Октябрьской революции. Этому вопросу были посвящены специальные труды – «Новые словечки и старые слова» А.Г. Горнфельда, «Культура языка» Г.О. Винокура, «Язык революционной эпохи» А.М. Селищева. Касалась данной проблематики и пресса. В частности, журнал «Журналист» опубликовал в 1925 г. несколько статей о советском варианте русского языка. Например, Л.В. Щерба охарактеризовал многочисленные советские неологизмы-сокращения, такие как *моссельпром* и *санпросвет*, как жаргонизмы, навязываемые языковому коллективу небольшой группой общественных и политических деятелей. Он же позволил себе усмотреть нежелательные и дающие комический эффект ассоциации слова *политрук* с глаголом *полить*³⁶.

Позже тема языковой эволюции при социализме долгое время могла затрагиваться лингвистами только в апологетическом ключе. Редкое исключение составляли отдельные высказывания специалистов, которым удавалось в завуалированной форме коснуться проблемы новейших языковых трансформаций³⁷.

В постсоветский период исследователи взяли на вооружение термин, представляющий собой перевод слова, созданного Дж. Оруэллом, – «новояз». Черты новояза, или тоталитарного языка, многочисленны и разнообразны³⁸. Но в качестве важнейшей из них может быть выделена всеохватывающая идеологизация – лексические, грамматические, стилистические преобразования, направленные на подчинение языка задаче формирования у его носителей желательного с точки зрения власти, мировоззрения.

В современной литературе новояз как таковой представлен исключительно как средство стилизации в исторических произ-

ведениях, действие которых разворачивается в советский период. Сегодняшние писатели создают атмосферу эпохи, вплетая в текст фрагменты из документов прошлого. Пресса и личные документы 1930-х годов цитируются в таких разных по жанру и стилю произведениях, как элитарный «Каменный мост» А. Терехова и адресованный массовому читателю «Шпионский роман» Б. Акунина.

Значительно более интересным объектом анализа представляются новейшие идеологизированные подъязыки. Таков, с моей точки зрения, своеобразный стиль ультрапатриотической литературы. Его резкая оценочность и гипертрофированный пафос во многом напоминают новояз в его крайних проявлениях. Один из образцов «нового большого стиля» в художественной прозе – роман А. Проханова «Последний солдат империи»:

Он смотрел потрясенно на исход красных духов, которые населяли священную стену. Были хранителями красной державы, ее мистическими ангелами, таинственными опекунами. Сберегали ее среди войн и напастей. Вдохновляли на великие деяния. Побуждали к запредельной мечте. Укрепляли в мистической вере. Теперь эти духи оставляли площадь, покидали страну, которая перестала быть местом их гнездовий. Летели в иные миры, на иные планеты, чтобы там опуститься красной стаей, стать духами иного мироздания. Здесь же, в омертвелом, одряхлевшем мире, оставляли после себя опустевшие склепы, темные дыры в стене, запах мертвых, покинутых гнезд. <...> Земля продолжала шевелиться, птицы взлетали. Это были духи тех, кого когда-то подвозили к стене траурные катафалки. Погребальная свита несла на подушках ордена и медали. Под гром прощальных салютов урны с прахом опускали в священную землю. И великие мертвецы превращались в бессмертных духов. Копили в своих могилах мощь победных свершений, энергию сражавшихся поколений. Как реакторы, накапливали таинственное топливо, коим толкалась в мироздании красная страна, окрашивая планету в цвет рубиновых звезд и алых знамен. Сейчас красные духи Кремля покидали священные катакомбы. Уносили с собой энергию загадочной эры, странно и непредсказуемо посетившей земную историю, а теперь отлетавшую в безвестные дали.

Обилие стилистически высоких лексических средств влечет за собой предельную эмоциональность текста, которая компенсирует собою некоторую неясность содержания. Это в значительной мере соответствует такому свойству новояза, как десемантизация, превращение частичной или полностью бессмысленных слов в идеологически оценочные маркеры.

Как ни парадоксально, типологические черты новояза обнаруживаются не только в открыто политизированной прозе писателя, публициста и общественного деятеля А. Проханова, но и в массо-

вой развлекательной литературе. В модных книгах Д. Донцовой языковые средства служат фактически той же цели – направленному формированию определенных структур сознания. Так, в романе «Клеопатра с парашютом» претендующее на документальность описание процесса укладки волос служит подробной прорисовке гламурного мира, который предлагается читателю (прежде всего, читательнице) в качестве идеала: «Сначала мою шевелюру покрасили, затем нанесли на нее особую силиконовую массу и высушили, потом все смыли, намазали прозрачную эмульсию для того, чтобы волосы не топорщились секущимися кончиками, а через некоторое время опять ополоснули. И дальше по списку: мусс, дающий объем, пенка, помогающая завить тугие локоны, спрей, обеспечивающий блеск, гель для фиксации и лак, который намертво зацементировал волосы»³⁹. Той же цели служат многочисленные упоминания в текстах Д. Донцовой названий фирм, торговых марок и модных аксессуаров. Они не только создают информационный шум, отодвигающий на второй план условный детективный сюжет, но и приучают аудиторию к культурному коду, не менее агрессивному, чем фанатичный патриотизм А. Проханова.

9. Безграмотность

Последняя – по порядку упоминания, но никак не по значимости – претензия советской прессы к языку художественной литературы была связана с недостаточной грамотностью литераторов и ошибками, которые они допускали в текстах. В «Литературной газете» на протяжении ряда лет существовали рубрики «Почта Крохобора», «Заметки Крохобора», позже – «Почта Буквоеда» и «Заметки Буквоеда», под которыми публиковались читательские письма и короткие материалы работников редакции, высмеивавшие фактические неточности и речевые погрешности писателей и журналистов.

В современной литературе, особенно обращенной к широкой публике, нетрудно найти ошибки, в том числе порождающие комический эффект.

Вот как описывает «богатую жизнь» автор детективного романа «Куколка» А. Кивинюв: «В шесть вечера, согласно предусмотренному плаванием расписанию, трехпалубный лайнер “Куин Виктори”, совершающий круиз по маршруту Неаполь – Хайфа, отбыл из Лимасола, крупнейшего порта Кипра. Несмотря на позднюю осень, температура в этой части света достигала тридцати градусов, что делало притягательным отдых на Средиземноморье для деловой публики из северных стран, не успевшей оттянуться у себя на роди-

не в летнее время <...> Когда берег Лимасола исчез за горизонтом, пассажиры расползлись по теплоходу в поисках развлечений, руководствуясь желанием весело потратить два часа, оставшихся до ужина. Развлечений имелось предостаточно – бассейн, музыкальный салон, казино, россыпь кабачков»⁴⁰. Если несовпадение грамматического времени причастия «совершающий» и глагола «отбыл» можно считать простительной речевой шероховатостью, а использование жаргонизма «оттянуться» – выразительным приемом, то двусмысленное словосочетание «россыпь кабачков», заставляющее подумать в первую очередь не о кафе и барах, а о бахчевой культуре, представляет собой беспорную лексическую ошибку.

Если в советский период литература, по крайней мере на уровне деклараций, была ориентирована на повышение культурного уровня читателя, то сегодня существуют тексты развлекательного характера, откровенно ориентированные на невзыскательную массовую публику. Критика не предъявляет к ним серьезных претензий, исходя из того, что они занимают определенную нишу и успешно выполняют рекреативную функцию, несмотря на очевидные стилистические недостатки.

Проведенный анализ показал, что энергичные лингвоэкологические выступления советской прессы не оказали существенного влияния на качество языка литературных произведений. Все недостатки, как мнимые, так и реальные, выявившиеся и обсуждавшиеся в печати читателями и критиками, воспроизводятся в беллетристике новой эпохи. Художественная литература, будучи отражением писательского сознания, не может пользоваться фильтрованным языком, освобожденным от вульгаризмов, диалектизмов, жаргонизмов и других естественных элементов живой речи. Не бывает она и полностью свободной от ошибок, хотя их количество существенно варьируется в зависимости от писательских и редакторских установок, связанных с оценкой уровня аудитории и отношения к ней.

Сказанное не означает, что лингвоэкологическая деятельность прессы представляется вовсе лишенной смысла. Дискуссия о языке во все времена остается одной из важных форм социальной рефлексии, а участие в обсуждении этой проблемы способно служить средством гражданского самоопределения личности. Позиция, занятая человеком в полемике о языке, оказывается ярким маркером либеральных или консервативных, патриотических или космополитических воззрений. Материалы, посвященные языку и стилю художественных произведений, не меняют магистрального пути развития литературы, но, безусловно, способствуют формированию общественного мнения.

- ¹ За коммунистическое просвещение. 1934. № 77. С. 1.
- ² Там же. 1931. № 62. С. 2.
- ³ Культура и жизнь. 1948. № 15. С. 3.
- ⁴ Литературная газета. 1948. № 94. С. 2.
- ⁵ Там же. 1948. № 100. С. 2.
- ⁶ Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 297.
- ⁷ Правда. 1934. № 76.
- ⁸ Литературная газета. 1934. № 44. С. 2.
- ⁹ Там же. 1935. № 58. С. 4.
- ¹⁰ Литературная газета. 1958. № 44. С. 3.
- ¹¹ Азольский А.А. Клетка. И другие повести. М.: Грантъ, 1998. С. 163.
- ¹² Литературная газета. 1935. № 40. С. 6.
- ¹³ См. об этом: Кочеткова Н.Е. Дискуссия о «порнографической литературе» в журналистике 1920-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ. 158 с.
- ¹⁴ За коммунистическое просвещение. 1934. № 77. С. 1.
- ¹⁵ Панферов Ф.И. Бруски: Кн. 1. М.: Московский рабочий, 1929.
- ¹⁶ Литературная газета. 1934. № 27. С. 2.
- ¹⁷ Там же. 1971. № 34. С. 5. Слова, приведенные В. Липатовым в качестве примера несправедливо дискриминируемых, были включены в четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой – так называемый «Малый академический словарь» (1957–1961 гг.): Городьба – 1. Действие по глаг. *городить* (в 1 знач.); 2. *Обл.* Ограда, изгородь. Кожух – 1. Тулуп из овчины. 2. *Тех.* Оболочка, крышка, футляр и т. п. для изоляции или предохранения сооружений, механизмов или их частей. Плетень – изгородь из сплетенных прутьев, ветвей. Прясло – 1. Часть изгороди от столба до столба. || Жердь изгороди. || Изгородь. 2. Приспособление из продольных жердей на столбах для сушки снопов, сена. Столешница – верхняя доска, крышка стола. Шкворень – стержень, являющийся вертикальной осью передка повозки или поворотной части колесной транспортной машины (автомобиля, локомотива и т. п.), который обеспечивает поворот на ходу. Обратим внимание на то, что помета «*обл.*» встречается здесь только один раз. Единственное слово, не отраженное этим словарем, – прилагательное «босошлепный», отсутствующее и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Все это свидетельствует о том, что в рассуждениях В. Липатова эмоции очевидно преобладали над знанием предмета.
- ¹⁸ Наш современник. 2011. № 11. С. 8.
- ¹⁹ Иванов А. Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор. СПб.: Азбука-классика, 2008. В тексте соединены этнографизмы, такие как «хакан» (царский титул, появившийся в северо-восточной Азии у народов тюркского племени; впервые встречается в орхонских памятниках); «керка» (двухэтажное бревенчатое жилище коми-зырян, обычно составленное из двух-трех срубов, которые отделены друг от друга небольшим зазо-

- ром); «тамга» (первоначально у монголов – особый знак, которым отмечалось право собственности на скот; позднее печать (также оттиск печати), документ или грамота с ханской печатью) и собственно диалектизмы «чувал» (очаг), «щербатина» (скол), «отщепы» (отщепленные фрагменты) и др.
- ²⁰ Литературная газета. 1964. № 92. С. 2; 1964. № 101. С. 2.
- ²¹ *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 106, 108–109.
- ²² *Кративин В.П.* Бабочка на штанге: фантастический роман. М.: ЭКСМО, 2010. С. 33.
- ²³ *Паустовский К.Г.* Золотая роза // Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. С. 653.
- ²⁴ Литературная газета. 1934. № 111. С. 2.
- ²⁵ Правда. 1925. № 12. С. 6.
- ²⁶ Учительская газета. 1926. № 48. С. 3.
- ²⁷ Литературная газета. 1965. № 131. С. 3.
- ²⁸ *Павлов О.* Карагандинские девятины // Роман-газета. 2003. № 18. С. 1.
- ²⁹ *Бабенко Н.Г.* Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: СПб., 2008. С. 12.
- ³⁰ Литературная газета. № 108. С. 4; № 111. С. 3. *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. С. 110–154.
- ³¹ Литературная газета. 1953. № 70. С. 2.
- ³² Там же. 1955. № 131. С. 3.
- ³³ Там же. 1971. № 21. С. 6.
- ³⁴ *Каганов Л.* Ода модулю // Леонид Каганов. URL: <http://leo.me/dnevnik/2011/11/14.html>.
- ³⁵ *Быков Д.Л.* Гражданин Поэт. Граждане бесы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. С. 33.
- ³⁶ Журналист. 1925. № 2. С. 5–7.
- ³⁷ Обе тенденции отражены в: Русский язык и советское общество. М.: Наука, 1968.
- ³⁸ См. об этом, напр.: *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург: ЗУУНЦ, 1995.
- ³⁹ *Донцова Д.* Клеопатра с парашютом. М.: ЭКСМО, 2012. С. 6–7.
- ⁴⁰ *Кивинюв А.* Куколка: Повести. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 11–13.

Е.В. Арутюнова

РЕФОРМА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ НАЧАЛА 1960-х годов В ЗЕРКАЛЕ СМИ: ЗАВЯЗКА КОНФЛИКТА

В статье проанализирован первый этап дискуссии по поводу реформы правописания начала 1960-х годов, которая развернулась на страницах разнообразных периодических изданий. Выделены причины, пробудившие идею значительно изменить русскую орфографию, и принципы реформирования, предложенные на этом этапе. Сделан вывод о результате дискуссии, который заключался прежде всего в привлечении внимания как языковедов, так и широкой общественности к проблемам теории орфографии и развития языка в целом.

Ключевые слова: реформа орфографии, теория реформирования орфографии, теория орфографии, языковая политика.

Важным событием общественной жизни начала 60-х годов XX в. стала попытка реформировать русское правописание. Дискуссия по поводу реформы, которая развернулась в средствах массовой информации, как специализированных, филологических, так и общественно-политических, чрезвычайно интересна с трех точек зрения. Во-первых, она отражает историю формирования и развития орфографической теории. Это связано с тем, что именно идея усовершенствования письма активизирует разработку научных вопросов в области орфографии и пунктуации. «Наиболее важные теоретические работы появлялись именно тогда, когда с особой остротой вставал вопрос о необходимости изменений в правописании»¹. Во-вторых, суждения о языке, высказываемые в рамках орфографической полемики, позволяют судить о том, как понимают сущность языка и законы его развития и функционирования люди, не занимающиеся лингвистикой профессионально. А это, в свою очередь, может стать материалом для размышления преподавателей русского языка, методистов, популяризаторов нау-

ки о языке. В-третьих, анализ полемики позволяет наблюдать за историей государственной языковой политики, борьбы власти, общества, языковедов за право установления языковых норм, а также за ролью СМИ в этой борьбе.

В данной статье проанализирован первый этап дискуссии по поводу реформы правописания, которая развернулась на страницах разнообразных периодических изданий: газет «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Литературная газета», «Учительская газета», журналов «Русский язык в школе», «Вопросы языкознания» и многих других. Первым этапом целесообразно считать период с 23 марта 1962 г., когда со страниц «Известий» профессор Института русского языка АН СССР А.И. Ефимов в статье «Красноречие и орфография»² решительно заявил о назревшей необходимости упростить правописание, до конца 1963 г., когда «Известия» опубликовали сообщение В.В. Виноградова, директора того же института, о начале работы орфографической комиссии³, которую он же и возглавил. Целью ОК стала подготовка реформы русской орфографии.

Итак, в марте 1962 г. А.И. Ефимов объявляет, что «орфография (в школе. – Е. А.) убила красноречие и поэзию» и стала «главным препятствием на пути учащихся» к «вершинам речевой культуры»; изучение действующего правописания, «невероятно и без надобности перегруженное», «предельно изощренное и усложненное», – это «бесплодный труд»; школьников необходимо освободить от него, «устранив многое ненужное». По мнению автора, упрощение орфографии позволит увеличить время «на изучение самого языка, его красочных изобразительных средств», что в итоге непременно должно привести к повышению речевой культуры народа.

В этой же статье обозначен главный вектор необходимых изменений – «приблизить написание к произношению». Этот принцип должен был реализоваться (1) в принятии единого принципа написания сложных слов, (2) устранении «лишнего» разделительного знака, (3) упрощении правил переноса слов, (4) отказе от мягкого знака в конце существительных типа *рожь*, (5) упорядочении написания суффиксов и предлогов, (6) упорядочении употребления кавычек и т. д., и т. п.

Обращает на себя внимание тональность, выбранная А.И. Ефимовым. Он пишет об орфографии как о досадном недоразумении, предлагает изменения правил, не подкрепляя это никакими аргументами, кроме необходимости упростить жизнь школьника. Создается ощущение, что все вопросы правописания можно решать легко, без сколько-нибудь серьезного научного рассмотрения.

Более того, А.И. Ефимов находит виновника сложившегося положения дел в орфографии – академика Я.К. Грота, который с «немецкой педантичностью и утонченной пунктуальностью» создал «тормоз для желающих учиться “кухаркиных детей”». С.Г. Бархударов, профессор, один из авторов учебника по русскому языку для средней школы, соглашаясь в целом с необходимостью изменений в орфографии, делает упрек коллеге прежде всего за выбранный им тон: «Нельзя, когда речь идет о русском правописании, рассуждать так игриво...»⁴. А.Б. Шапиро, автор монографии, наиболее полно отразившей в свое время правила русского правописания и историю их формирования⁵, также отмечает «упрощенность и прямолинейность» демонстрируемой А.И. Ефимовым связи между орфографией и красноречием и осуждает автора за то, что тот искажает оценку деятельности Я.К. Грота, который в действительности не реформировал письмо, а «систематически изложил действовавшие в его время орфографические и пунктуационные правила», тем самым «сделав для русского правописания так много, сколько не сделали... русские языковеды ни до него, ни после»⁶.

С августа 1962 г. в журнале «Русский язык в школе» открывается рубрика «Вопросы правописания», в которой без перерыва до конца 1964 г. печатаются объемные подборки статей и писем на заявленную тему. Вероятно, именно тон, выбранный А.И. Ефимовым, обусловил характер первых откликов на идею реформы. Все они отличаются упрощенным взглядом на орфографию, демонстрируют незнание авторами ни теории, ни истории русского письма (или пренебрежение ими). Практически все статьи четвертого и пятого номеров 1962 г. заключают в себе чрезвычайно смелые идеи, отраженные в списках конкретных орфографических изменений. Отличает эти материалы практически полное отсутствие аргументации, компенсируемое крайне резкими эмоциональными оценочными выражениями в адрес действующей орфографии: «средневековая схоластика», «схоластически изощренная», «каверзная орфография», «непонятные загадки», «хитрые ловушки», «вредная мешанина», «хлам, тормозящий усвоение основ знаний» и т. п.

Особенно важной для понимания драматургии дискуссии является первая в открывшейся рубрике статья, написанная учительницей Э.И. Биргер⁷. Эта публикация соответствовала всем канонам советской проблемной статьи. Она начиналась с общих слов о колоссальном значении того явления, которому посвящена, – роли русского языка. Далее констатировался негативный факт: несмотря на одно из главных мест в системе школьного обучения уроков русского языка, грамотность остается низкой. После этого обосно-

вывалась необходимость реформы и важнейшим аргументом стала ссылка на слова В.И. Ленина, спроецированные на положение в правописании: «не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека». Также в статье давалась оценка всем фактам новейшей истории орфографии, перечислялись все необходимые, по мнению автора, упрощения, а также выгоды, которые государство должно было получить от реформы.

Показательно, что и в этой статье упоминаются «враги», которые препятствовали совершенствованию системы русского письма. О роли Я.К. Грота в истории русского письма, по поводу которой разошлись мнения специалистов, Э.И. Биргер умалчивает. При этом она делает однозначный вывод: реформа 1918 г. имела «огромное значение для овладения грамотой трудящимися массами», однако, будучи подготовленной передовой частью профессуры и учительства до революции, «не разрешила всех больших вопросов» по причине того, что была «урезана реакционной профессурой». Кто именно относился к «передовой профессуре», а кто к «реакционной», не уточняется. Автор сожалеет о том, что созданный в 1930 г. проект, который должен был устранить оставшиеся «ненужные правила», не был принят, потому что работа по улучшению правописания «приняла другой характер: началось крохоборство... закончившееся изданием в 1956 г. “Правил русской орфографии и пунктуации” ... почти ничего не изменивших в школе»⁸.

Перечисленные особенности первых публикаций, посвященных орфографической реформе, позволяют предположить, что полемика в СМИ, начатая статьями А.И. Ефимова и Э.И. Биргер, должна была стать первым действием в уже одобренной на государственном уровне пьесе под названием «Орфографическая реформа». Подтверждает такое предположение и идеология проводившейся в начале 1960-х годов реформы школьного образования. Вероятно, внимательный читатель того времени должен был заметить, что в газете «Известия» от 25 августа 1962 г. в одном из отчетов сессии Верховного Совета РСФСР в числе задач, которые необходимо решить для соединения школы и производства, была упомянута следующая: «В возможно короткий срок провести упорядочение и решительное упрощение правил русской орфографии и пунктуации»⁹.

В статьях декабрьского номера журнала «Русский язык в школе» радость по поводу предстоящей реформы несколько умеряется. Наряду с предложениями перестроить всю орфографию на новых основаниях¹⁰ появляются статьи, в которых без излишних эмоций

разбираются несколько действующих правил, выявляются их недостатки и уже как итог такого анализа предлагаются конкретные изменения¹¹. Если в самом начале дискуссии сторонники реформы лишь повторяли и уточняли основные аргументы за реформу, высказанные А.И. Ефимовым, то в конце 1962 г. появляются критические отклики на отдельные положения его статьи, хотя в целом и не оспаривающие необходимости упростить правописание¹².

Особое место в ряду материалов по поводу орфографической реформы занимает статья В.В. Виноградова в газете «Известия»¹³. Как отмечалось в редакционном предисловии, это был «ответ Института русского языка Академии наук СССР на требование общественности», в котором сообщалось, что «организованная при бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР орфографическая комиссия приступила к работе». В.В. Виноградов повторяет аргументацию инициатора реформы А.И. Ефимова, хотя и в более строгой манере. Интересно, что линия поиска врага русской орфографии поддержана и в этом выступлении. Но теперь ответственность за несовершенство свода правил 1956 г. возложена на бывшего главу государства – И.В. Сталина: «Потребность в новой коренной реформе правописания стала совершенно очевидной уже в 40–50-х годах. Однако на понимание существа и объема этой реформы повлияли взгляды Сталина на законы развития языка, искусственно притянутые к разрешению вопросов правописания». Какие именно взгляды и как именно они повлияли на решения нормализаторов орфографии, из текста не вполне понятно. Однако это заявление полностью согласуется с одной из ведущих пропагандистских идей, определяющих жизнь общества в начале 60-х годов и регулярно транслируемых В.В. Виноградовым на заседаниях Отделения русского языка и литературы, – идеей развенчания культа личности¹⁴.

Рассмотрим основные аргументы сторонников орфографической реформы, высказанные в прессе 1962 г.

Главный побудительный мотив упрощения орфографии был сформулирован А.И. Ефимовым: неоправданно большая часть школьной программы посвящена формированию навыков излишне усложненного правописания, и поэтому на уроках не хватает времени на развитие речевой культуры в целом. Необходимо высвободить время для изучения «самого языка», его лексики, «красочных изобразительных средств». Автор считает, что избавление от «орфографических пустяков» даст немедленный эффект – стремительное повышение речевой культуры народа.

Идея обратной связи между сложностью системы правописания и красноречием повторяется и развивается практически во всех

статьях 1962 г. Э.И. Биргер пишет: «Грамматика поглощается орфографией, поэтому плохо помогает развитию речи. Основное – развитие у учащихся устной и письменной речи – остается в загоне»¹⁵. В.В. Виноградов в самом начале своей статьи в «Известиях» ставит вопрос: «Не препятствует ли процесс схоластического, мелочного освоения этой орфографии с ее противоречиями, развитию культуры речи?» – и дает на него однозначно утвердительный ответ: «Излишняя сложность, противоречивость и мелочная разнородность нашего правописания служат значительным препятствием не только к распространению высокой грамотности в народных массах, но и помехой в овладении культурой русской речи, стилистическим многообразием литературного языка».

Учитель В.С. Варухин перечисляет, на что можно было бы потратить высвободившееся время: на обогащение словарного запаса, изучение значения слов, фразеологизмов, их истории, на более основательную работу с синонимами, антонимами, омонимами, на развитие творческих способностей детей, их устной и письменной речи¹⁶. Доцент Пермского института А.А. Горбунова, М.С. Летченко также согласны пожертвовать некоторыми ненужными правилами для усиления работы по развитию красноречия¹⁷.

Проблема распределения часов в курсе русского языка между многочисленными разделами – орфографическим, грамматическим, стилистическим, лексическим, речевым – очень сложна. И надо сказать, за прошедшие шесть десятилетий однозначное методическое решение не было найдено. Знания ученика и сегодня продолжают проверяться по преимуществу по количеству допущенных орфографических и пунктуационных ошибок¹⁸. Поэтому вполне естественно, что усилия учителей направлены прежде всего на формирование элементарной грамотности. В статьях 1962 г. выражено стремление изменить основную направленность уроков русского языка: «центр тяжести и внимания при обучении русскому языку перенести на ознакомление с разнообразными средствами словесного выражения, со стилями современного русского литературного языка, с правильным применением выражений, слов, конструкций, оборотов в разных жанрах речи»¹⁹. Решение, предложенное А.И. Ефимовым, могло помочь в решении сложнейшей методической проблемы.

Однако нашлись и те, кто, соглашаясь как с необходимостью реформировать правописание, так и с высокой задачей формирования грамотности в самом широком смысле этого слова, усомнился в том, что именно особенности русской орфографии являются «тормозом к полному овладению письменной речью»²⁰. Препода-

ватель М.М. Решетников и профессор А.Б. Шапиро опровергают мнение о прямой зависимости красноречия от орфографии: «Причин отсутствия речевой культуры... много, и трудности орфографии (которые, конечно, должны быть устранены с большой продуманностью) являются далеко не главными»²¹, проблема повышения грамотности должна решаться не за счет упрощения правил, а совершенствованием методики обучения²². Отрицая идею реформирования орфографии ради экономии учебного времени, М.М. Решетников и А.Б. Шапиро отрицали, по сути, и основной принцип реформирования системы письма, провозглашенный изначально. Ведь именно то, ради чего будут изменяться нормы правописания, предопределяет и количество, и характер изменений.

Иной принцип реформирования был выдвинут А.Б. Шапиро. Он состоял в стремлении сделать орфографию более последовательной, устранить разнобой и противоречия, отказаться от устаревших, т. е. не оправданных с точки зрения современного состояния языка, исключений. Об этом пишут многие сторонники реформы – А.И. Ефимов, Э.И. Биргер, В.С. Варухин, А.А. Горбунова, И.А. Фигуровский, В.В. Виноградов, Т.С. Ворошилова, В.Т. Шкляров, М.С. Летченко. А.Б. Шапиро считает важнейшей задачей унификации орфографии. Именно этот принцип прослеживается во всех изменениях, которые предлагает ученый. В заключение статьи он еще раз подчеркивает главный недостаток действующей орфографии: очень большое количество правил, «исключений и исключений из исключений, которые мы давно уже считаем ненужными, подчас нелепыми и нередко просто вредными»²³.

Еще одним весомым доводом, обосновывающим потребность не просто в изменении, а именно в упрощении орфографии, была успеваемость школьников по русскому языку. В уже упомянутом отчете о сессии Верховного Совета РСФСР отмечались значительные успехи школы: «знания стали прочными, успеваемость заметно повысилась»²⁴. Однако это заявление сильно контрастировало с данными об успеваемости по русскому языку, на которые ссылались сторонники коренной реформы орфографии, в большинстве своем учителя. Так, Э.И. Биргер пишет: «30 % ...не усваивают правил правописания и остаются неграмотными. Большая часть из них то остается на второй год, то тянется из класса в класс и в конце концов вынуждена покинуть школу, так и недоучившись; 40–45% учащихся усваивают правила не твердо и пишут на “тройку”. Только в отношении 25–30% можно сказать, что они, заканчивая среднюю школу, пишут в основном грамотно. Это в РСФСР. В союзных республиках результаты намного хуже»²⁵. Значит, чтобы повысить

успеваемость, необходимо снизить планку – упростить правила, «имея дело с доступной орфографией и пунктуацией, они (школьники. – Е. А.), конечно, станут грамотными»²⁶. Полное согласие с такой позицией выражает И.А. Фигуровский: реформа будет «способствовать повышению успеваемости детей, сократит количество второгодников», необходимо избавиться от тех правил, «которые обуславливают постоянные ошибки школьников»²⁷. Как уже было отмечено ранее, только М.М. Решетников усомнился в том, что виновата в устрашающем количестве двоек по русскому языку сложность орфографии, предложив пересмотреть методику обучения.

Анализ первых материалов, посвященных орфографической реформе, показывает, что реформаторы исходили из следующего. Цель школы – выпускать абсолютно грамотных людей, значит, орфография должна быть такой, чтобы этой цели можно было достичь. Эта идея наиболее отчетливо сформулирована И.А. Фигуровским: «Наш многомиллионный народ нуждается в такой системе орфографии, при которой орфографические навыки можно было бы полностью освоить за восемь лет обучения в школе и при которой подавляющее большинство граждан были бы вполне грамотными». То есть уровень сложности орфографии должен определяться возможностями школьников и только. Объяснений, почему система письма должна быть подстроена под школу, в статьях сторонников этой идеи нет. Данная позиция принимается как аксиома. Возражения против такого подхода к реформированию орфографии появляются у А.Б. Шапиро. Размышляя о трудностях, связанных с нормализацией слитного, раздельного и дефисного написания наречий, автор признает: «Опыт показывает, что добиться прочного умения писать наречия и близкие к наречиям сочетания предлогов с существительными не удастся при самой изощренной методике обучения»²⁸. Однако этот вывод приводит его не к мысли максимально упростить правила написания наречий (это невозможно!), а к другому важному теоретическому и методическому выводу: «Необходимо разработать специальную инструкцию о нормах оценки письменных работ учащихся»²⁹, в которой будут учитываться ошибки на правила разного уровня сложности, а не убирать огульно все правила только потому, что они недоступны школьнику.

Последний аргумент из подробно раскрытых в 1962 г., был опять-таки связан с обучающимися. Чрезвычайно важной в советскую эпоху признавалась задача распространения русского языка как средства передачи мировоззренческих идей, средства пропаганды за рубежом. Орфография могла стать заложницей политиче-

ских устремлений, которым предстояло реализоваться в одном из основных принципов предстоящей реформы – «облегчить изучение русского языка иностранцам»³⁰. Иностранцы были упомянуты как важные адресаты реформы и на сессии Верховного Совета РСФСР: «Русский язык изучается сейчас миллионами людей во всех странах мира... В интересах школы и всеобщей грамотности, в интересах миллионов пишущих по-русски: и детей, и взрослых, и русских, и нерусских...»³¹. Необходимость многих конкретных изменений в правописании часто мотивировалась именно стремлением сделать русский язык доступнее для изучающих его как иностранный. Так, Т.С. Ворошилова считает, что необходимо унифицировать написание гласных *и*, *ы* после *ц* на основе фонетического принципа, так как «существующее написание с *и*, *во-первых*, затрудняет усвоение русского произношения нерусскими... (курсив наш. – Е. А.)»³². П. Поляя (г. Париж) выражает сожаление по поводу «неисчерпаемых трудностей, вызванных неиспользованием в печати буквы *ё*»³³. Интересно, что именно зарубежный сторонник реформы возражает против одного из предложенных нововведений – отмены мягкого знака на конце существительных третьего склонения на шипящий: «Нерусский учащийся чаще всего определяет род подобных существительных по наличию мягкого знака в именительном падеже единственного числа».

Завершая перечень доводов, мотивирующих необходимость реформы, следует назвать еще два, которые были упомянуты вскользь, подробно не раскрыты. Польза от упрощения орфографии должна была изменить отношение школьников к урокам русского языка (Ефимов) и даже больше – сделать труд преподавателей более благодарным (Биргер). Также упрощение орфографии, по мнению Э.И. Биргер, было бы экономически выгодным: прекратились бы «непроизводительные расходы государственных средств в виде зарплаты учителям за часы, которые тратятся впустую». В.В. Виноградов практически повторяет этот тезис: «Избавить общество от непроизводительной затраты времени на ее усвоение».

Принцип сохранения традиций, обеспечивающий устойчивость системы письма, энтузиастами реформы или игнорировался, или объявлялся однозначно несущественным: «Привычки и традиции еще сильны, но новое всегда побеждает»³⁴. Даже А.Б. Шапиро, выступивший с критикой многих утверждений А.И. Ефимова, призвал изменить отдельные правила, «не считаясь с существующими навыками и невзирая на уверения, будто упрощения могут изменить внешний облик нашего письма»³⁵. Вопрос о языке как важной составляющей культуры, о значении орфографии для передачи

культурного наследия, обеспечения преемственности поколений поставлен в начале дискуссии не был. Только В.В. Виноградов упомянул о необходимости «стремиться к тому, чтобы по возможности меньше отступать от сложившейся и укоренившейся веками системы русского правописания в целом».

Не останавливаясь подробно на описании всех изменений в орфографии, предложенных в 1962 г., попробуем выделить наметившиеся тенденции. А.И. Ефимов, открыв дискуссию, призвал учителей русского языка сказать «решающее слово». И именно учителя и методисты высказали наиболее радикальные предложения. Так, И.А. Фигуровский предложил изменить не столько орфографию и пунктуацию, сколько графику, отказавшись от букв *е, ё, ю, я* и введя мягкие согласные буквы по образцу сербской азбуки. Призыв И.А. Ефимова приблизить орфографию к произношению был поддержан: «Нужно ликвидировать пропасть между орфоэпией и орфографией»³⁶ и «узаконить в письме московский диалект с его “акающим” произношением»³⁷. Идея утверждения фонетического письма поддержана в таких предложениях, как изменение написаний корней с чередующимися гласными; введение написаний *революция, живет, жури, кашня, проэкт, запиченый и паражоный, умылса, влева, снек, краснава, што, празник, збор, мущина, субын-спектор*, отказ от двойных согласных, отказ от мягкого знака после шипящих, написание в безударной позиции окончаний 3-го лица всех глаголов *-ут (-ют)*, изменение падежных окончаний существительных. Стремление к упрощению через унификацию отразилось в следующих намерениях: отказаться от разделительного *ъ*, упростить написание *н* и *ни*, упростить правила переноса (вплоть до разрешения абсолютной свободы), упростить правила слитного-раздельного-дефисного написания сложных прилагательных, существительных, наречий, частиц *не* и *ни*, частиц и составных союзов, отказаться от дефиса вообще, упростить правила употребления прописных букв, сохранить на письме только приставки на *-з*.

Пунктуационных предложений было немного. Привлекли внимание такие проблемы: разграничение однородных и неоднородных определений, сравнительных оборотов и сходных с ними конструкций с союзом *как*, отсутствие знаков препинания при фразеологизмах, выделение вводных слов, тире между подлежащим и сказуемым, пунктуация при обобщающих словах. Предложено обособление определений сделать факультативным.

Даже этот очень упрощенный перечень новаций демонстрирует решительность реформаторов – в большинстве своем преподавателей русского языка.

Анализ первых публикаций на тему реформы показывает, что публичная дискуссия была инициирована не случайно. Ведущая задача реформы – упростить систему письма, сделать ее доступной для изучения в полном объеме в школе – соответствует целям проводившейся в то время школьной реформы, главной идеей которой было сближение школы и производства, более широкое введение в школу производственного обучения. Естественно, что на реализацию этих целей требовалось учебное время. Его нужно было высвободить за счет других, традиционных дисциплин. Упрощение орфографии было действенным способом реализовать поставленные партией цели. Попутно без больших методических усилий решалась проблема безграмотности.

Заманчивая перспектива расширить работу над «красноречием» в школе была скорее ширмой, прикрывающей реальные мотивы. Однако учителя, действительно сожалеющие о недостатке времени на изучение лексики и стилистики, на упражнения если не в красноречии, то хотя бы в высказывании своих собственных мыслей, а не только грамотном записывании чужих, откликнулись на призыв, при этом расписавшись в методическом бессилии по отношению к правописанию. Подход, предложенный А.Б. Шапиро, – определить уровни орфографико-пунктуационной грамотности и не требовать от школьников того, что должны знать корректоры, – как показали дальнейшие события, не был принят. Вероятно, именно потому, что цель реформы была все же выделить время не на развитие речи школьника, а на что-то другое. Смена руководства страны в октябре 1964 г. поставила точку в вопросе об орфографической реформе.

Нельзя не отметить положительный эффект дискуссии. Уже на начальном ее этапе были обозначены многие проблемы теории орфографии и реформирования письма. Каков главный принцип, устанавливающий соотношение устной речи и письменной (фонематический, морфологический)? Как разрешать конфликт между постоянно эволюционирующим живым языком и его консервативной письменной формой? Если письмо должно меняться вслед за языком, то как часто и каков допустимый объем изменений? Может ли быть оправдано изменение ведущего принципа при реформировании письма, или изменения должны быть нацелены только на унификацию в соответствии с действующим принципом? Могут ли насущные задачи общества служить обоснованием для изменений в правилах письма? Орфография для школы или наоборот? Как должно распределяться время для решения многообразных задач в рамках дисциплины «русский язык»?

Таким образом, на первом этапе дискуссии о правописании, развернувшейся в периодических изданиях начала 1960-х годов, обозначился жесткий конфликт интересов. Все участники дискуссии: власть, школьные учителя, кодификаторы орфографических норм – были едины во мнении, что изменения в правописании необходимы, но заинтересованные стороны предложили различные принципы реформирования, которые могли быть реализованы в различных по характеру и количеству изменениях. В то же время был поставлен вопрос о глубине допустимого вмешательства государственной политики в языковые процессы.

Примечания

¹ Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. М.: Наука, 1981. С. 5.

² Ефимов А.И. Красноречие и орфография // Изв. 1962. № 71. 23 марта. С. 3.

³ Виноградов В.В. Русская орфография и ее реформа // Изв. 1962. № 297. 15 дек. С. 5.

⁴ Бархударов С.Г. Не ломка, а улучшение нашего письма // Рус. язык в shk. 1963. № 1. С. 17.

⁵ Шапиро А.Б. Русское правописание. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (2-е изд. 1961 г.).

⁶ Шапиро А.Б. Немаловажный вопрос: (К спорам о русском правописании) // Изв. Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. XXI. Вып. 6: (ноябрь–декабрь). С. 478.

⁷ Биргер Э.И. Давно назревшая задача // Рус. язык в shk. 1962. № 4. С. 100–104.

⁸ Интересно, что использованный А.И. Ефимовым и Э.И. Биргер полемический прием – интерпретация фактов истории, поиск идейных врагов – был доведен до крайности уже в ходе обсуждения реформы орфографии на рубеже XX–XXI вв. В газете «Правда» в 2002 г. помещена статья, автор которой возмущен идеей поднять уровень грамотности за счет упрощения правил и в которой Я.К. Грот с еще большей энергией и беззастенчивостью объявляется одним из главных врагов русского письма: «...значительная реформа правописания была проведена немцем Я.К. Гротом. Она внесла разнობой и путаницу в написание и понимание некоторых слов и даже в академические издания классиков, в которых текст был варварски искажен» (Оставьте в покое русский язык! // Правда. 2002. № 30. 19 марта. С. 4.

⁹ На повестке дня: школа // Изв. 1962. № 175. 25 авг. С. 1.

¹⁰ Фигуровский И.А. Радикально упростить орфографию // Рус. язык в shk. 1962. № 5. С. 96–98; Рукавишников С.С. Изучение устаревшего правописания приводит к снижению грамотности // Рус. язык в shk. 1962. № 5. С. 98.

- ¹¹ *Ворошилова Т.С.* О некоторых вопросах правописания // Рус. язык в шк. 1962. № 6. С. 87–88; *Шкляр В.Т.* Пунктуация тоже нуждается в упорядочении // Рус. язык в шк. 1962. № 6. С. 89–91.
- ¹² *Решетников М.М.* Упрощение или усложнение? // Рус. язык в шк. 1962. № 5. С. 99–100; *Шатино А.Б.* Немаловажный вопрос.
- ¹³ *Виноградов В.В.* Указ. соч.
- ¹⁴ См., напр.: *Виноградов В.В.* XXII съезд КПСС и задачи филологической науки // Изв. Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. 1962. Т. XXI. Вып. 1. С. 3–13; *Виноградов В.В.* О преодолении последствий культа личности в советском языкознании // Изв. Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. 1963. Т. XXII. Вып. 4. С. 273–288.
- ¹⁵ Э.И. Биргер приводит следующие цифры: «В этом классе учащиеся проходят фонетику и морфологию до глагола. В учебнике русского языка С.В. Бархударова и С.Е. Крючкова, ч. I, изд. 1961 г., почти половина параграфов занята вопросами правописания, и времени на их усвоение требуется значительно больше, чем на изучение грамматических правил. В течение 94 часов, отведенных на ознакомление с правописанием, учащиеся V класса должны запомнить 145 правил, т. е. на один час приходится в среднем 1–2 правила без тренировочных занятий или 3–4 правила с тренировочными занятиями» (*Биргер Э.И.* Указ. соч. С. 100).
- ¹⁶ *Варухин В.С.* О некоторых вопросах правописания и преподавания русского языка в школе // Рус. язык в шк. 1962. № 4. С. 104–105.
- ¹⁷ *Горбунова А.А.* Еще раз об орфографии и красноречии // Рус. язык в шк. 1962. № 4. С. 106–107; *Летченко М.С.* Трудности изучения русской орфографии // Рус. язык в шк. 1962. № 6. С. 91–92.
- ¹⁸ Нельзя не отметить, что введение ныне применяемой формы ГИА и ЕГЭ повлияло на соотношение времени, уделяемого в школе на освоение различных разделов русского языка. Но безусловный приоритет оценки за правописание сохраняется.
- ¹⁹ *Виноградов В.В.* О проекте реформы.
- ²⁰ *Летченко М.С.* Указ. соч.
- ²¹ *Шатино А.Б.* Немаловажный вопрос. С. 479.
- ²² О том, что причину недостаточной грамотности нужно искать не в усложненности правил, а в методике преподавания, на данном этапе дискуссии заявил только М.М. Решетников.
- ²³ *Шатино А.Б.* Немаловажный вопрос. С. 480.
- ²⁴ На повестке дня: школа...
- ²⁵ *Биргер Э.И.* Указ. соч. С. 100.
- ²⁶ *Ефимов И.А.* Указ. соч.
- ²⁷ *Фигуровский И.А.* Указ. соч. С. 98.
- ²⁸ *Шатино А.Б.* Немаловажный вопрос. С. 471–472.
- ²⁹ Там же. С. 472 (примеч.).
- ³⁰ *Биргер Э.И.* Указ. соч. С. 104.
- ³¹ На повестке дня: школа...
- ³² *Ворошилова Т.С.* О некоторых вопросах правописания. С. 88.

³³ *Полья П.* Письмо в редакцию // Рус. язык в shk. 1962. № 6. С. 94.

³⁴ *Горбунова А.А.* Указ. соч.

³⁵ *Шапиро А.Б.* Немаловажный вопрос. С. 475.

³⁶ *Филиппова Л.Е.* Некоторые предложения об изменении написания русских слов // Рус. язык в shk. 1962. № 6. С. 92.

³⁷ *Рукавишников С.С.* Указ. соч. С. 98.

МИФ О ПУШКИНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье речь идет о трансформации советского мифа о Пушкине – друге декабристов в современной публицистике. Делается вывод о том, что традиционный взгляд на Пушкина как на единомышленника декабристов продолжает, несколько видоизменившись, жить в политическом дискурсе. Однако старая мифологема «Пушкин – друг декабристов» для современных публицистов во многом исчерпана. На ее месте возникают другие мифы, зачастую просто никак не связанные с реалиями жизни и творчества Пушкина.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, теория мифа, революционность, А.Г. Битов, Г.М. Кружков, иллюминаты.

Очевидная задача публицистики – убедить общество реагировать на текущие события в интересах тех или иных общественных сил – представляется надводной частью пропагандистского айсберга. Пропаганда СМИ используется также в «фундаментальных» целях формирования мировоззрения аудитории, «настройке» его таким образом, чтобы требуемые реакции возникали «спонтанно», без подсказок.

Устойчивые образы мира укоренены в мифе исторической памяти, представляющем пантеон национальных героев. Ориентация на священные образцы поведения этих героев в повседневных воззрениях, словах и действиях составляет, по мнению М. Элиаде, ядро мифологии¹. Таким образом, миф – это прошлое, устремляющее современных людей в будущее. По этой причине пропаганда, не опирающаяся на миф исторической памяти, лишена эффективности. Поэтому в СМИ постоянно происходит столкновение актуальных интерпретаций ключевых фигур пантеона национальной истории и культуры.

Одной из важнейших составляющих исторической памяти русского народа является миф о Пушкине – основоположнике не просто современной национальной литературы, но и демиурге всей литературоцентричной русской культуры. В советское время пушкинский миф был крепко спаян с мифом о декабристах². Формула «Пушкин – друг декабристов» была успешно внедрена в общественное сознание.

В настоящее время советская интерпретация пушкинского мифа подвергается атаке и в науке, и в публицистике. Появляется множество новых интерпретаций, от православно-монархических до революционных. Не имея возможности остановиться на всех такого рода интерпретациях, приведу лишь несколько примеров.

Одним из первых свой вариант мифа о Пушкине в XXI в. предложил писатель А.Г. Битов. Этот миф строится на анекдоте «про зайца», спасшего некогда великого поэта от попадания на Сенатскую площадь. Смысл этого анекдота – в контексте рассуждений Битова – сводится к тому, что «болото» гнусной российской действительности должно «просохнуть естественным путем»: «И сейчас зайчики важны. Не дай Бог никакого радикализма!»

Собственно, статья Битова в журнале «Континент», о которой идет речь, представляет собой ответ на критику той же концепции, положенной в основу романа «Пушкинский дом»: «Возмущения это вызвало много, в том числе и в отношении к декабристам. Либерального возмущения, и пушкиноведческого возмущения, и православного – от РПЦ, значит». В частности, клерикалы усматривают в этой шутке монументальную пропаганду антихристианской веры в приметы: «А они где захотят, там беса и увидят».

Вера в то, что Россия исчерпала свой лимит на революции, сочетается у Битова с положительным отношением к просветительской миссии сибирских узников:

Без них Сибирь была бы другая <...> До сих пор трогательно посещать деревенские музейчики, в которых какой-нибудь мужик шукшинского характера откапает оловянную ложку и верит, что она декабристская³.

Другой пример – публицистические рассуждения о Пушкине поэта и переводчика Г.М. Кружкова. Он считает, что изучение английского языка привело Пушкина к «лингвистическому повороту» от радикального вольномыслия молодости к респектабельному «свободному консерватизму»: «Зрелый Пушкин думал об Англии как о цитадели политического консерватизма – и поэтической свободы».

Англomanия поэта связана с обстоятельствами выхода из-под влияния своих революционно ограниченных друзей. «Новый Пушкин»⁴, как его охарактеризовал император после встречи в Кремле 8 сентября 1826 г., родился под знаком все того же декабрьского зайца. «Плохая примета» переменяла судьбу Пушкина: «Вместо того, чтобы участвовать в восстании, он садится и пишет поэму, “пародирующую историю и Шекспира”». Имеется в виду поэма «Граф Нулин».

Для этой поэмы Кружков предлагает особенную интерпретацию. Автор в целом поддерживает расшифровку политических смыслов «безделки» русского гения, предложенную Б.М. Гаспаровым⁵. Граф Нулин, направляющийся в Петрополь прямо из Парижа, наделен «говорящей» фамилией. Это промотавшееся *ничтожество*, зараженное, как и декабристы, «французской болезнью» (П.А. Вяземский) великих потрясений, пытается обольстить Россию – Наталью Павловну. Но та инстинктивно отвергает бесовские чары и остается навек верна своему мужу-самодержцу.

Трудно согласиться с предложением Г.М. Кружкова дополнить гаспаровский «треугольник» четвертой вершиной. Пушкин, по его мнению, изобразил себя в «уголке картины» в виде поэтического соседа Лидина, который понимает Россию в лице Натальи Павловны не умом, а чувствами добрыми. Благодаря этим понимающим чувствам поэт пользуется тайной благосклонностью не только скучающей барыни, но, согласно предложенной интерпретации, и всемерно отзывчивой русской души: «В такой парадоксальной манере Пушкин выражает свое понимание русской истории; так он мотивирует свое неучастие в восстании декабристов».

Такое понимание слишком натянуто. Кроме того, что Лидин был соседом главной героини и ее мужа, помещиком «двадцати трех лет», у Пушкина о его занятиях ничего не сказано. Поэтический дар соседа может быть усмотрен только из фамилии, напоминающей псевдоним графомана, – и трудно усмотреть в нем *alter ego* Пушкина.

Еще более странной выглядит попытка спроецировать отношения героев поэмы – Нулина, Натальи Павловны, безымянного мужа и Лидина – на отношения Дантеса, Натальи Николаевны, Николая Павловича и Пушкина.

Шекспировский сюжет, вдохновивший Пушкина на написание «Анджело» (1833), должен, по мнению Кружкова, засвидетельствовать, что идейные расхождения не повлияли на дружеские чувства поэта к декабристам, которые находятся вне политики. Милость к

падшим узникам сибирских руд была одной из центральных тем позднего Пушкина:

Мольбы Изабеллы к Анджело соотносятся с мольбами о милости жен, сестер и матерей декабристов, обращенными к Николаю I в первые годы его правления и позже. Пушкин как бы предлагает царю еще одну возможность⁶.

Не его вина, что русский царь не простил грешников.

Мы видим, что либеральный вариант пушкинско-декабристского мифа всего лишь модифицирует «революционный» архетип Герцена. Пушкин расходится с друзьями, братьями, товарищами не в целях «славы и добра», но в методах их достижения. При этом он остается их верным, хорошо законспирированным заступником перед самодержцем.

Еще одну интерпретацию взаимоотношений Пушкина и декабристов предлагает писатель Б.Б. Холопов, представляющий поэта крайним монархистом. Он считает, что не следует делать из поэта «революционного демократа, как это было принято в недавнем прошлом. Пусть он остается таким, каким был. Н. Гоголь утверждал, что классик доказывал ему необходимость монархии в России».

При этом ссылка на Гоголя в данном случае представляется антиисторичной: еще в середине 1970-х годов В.Э. Вацуро писал о том, что гоголевское высказывание в большей мере характеризует тогдашнее мировоззрение субъекта высказывания, чем его объект⁷.

Однако Холопов настолько погружен в традиционную мифологию, что, заявляя о необходимости отринуть миф о пламенном революционере Пушкине в пользу «исторического» образа «певца империи» и ее монарха, он продолжает воспроизводить герценовскую парадигму. После михайловской ссылки поэт, по мнению автора, очутился меж двух огней. «Прогрессивное» общественное мнение ругает его за «Стансы» («В надежде славы и добра...»):

Некоторые свободолюбцы-друзья, в том числе сосланные, склонны были счесть поэта боязливым и изменником, что причиняло ему горчайшую душевную боль и заставляло уверять: «Каков я прежде был, таков и ныне я»⁸.

По мнению Холопова, Пушкин лишь для отвода глаз сообщает в этом стихотворении, что в отношении к женщинам он все такой же «беспечный, влюбчивый»⁹. В действительности в первой строке якобы эротического послания зашифровано уверение в по-прежнему крепкой дружбе с сибирскими узниками. Такая широта русского человека в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет, вызвала возмущение властей:

Ах, таков? <...> По приказанию Николая за неисправившимся вольнолюбом, да еще, по их мнению, человеком двуличным, установили секретный полицейский надзор¹⁰.

Для мифа неважно, что это стихотворение было опубликовано в 1832 г., а тайный надзор осуществлялся в 1826–1829 гг.¹¹

Питерский архитектор и поэт Е.И. Антипов предлагает объяснять колебания политических воззрений Пушкина, нашедшие отражение в его лирике, плохим характером. Под плохим характером автор понимает известное женолюбие Пушкина, его страсть к карточной игре и дуэлям.

Автор каталогизирует все обнаруженные им случаи сплетен (в том числе и давно признанных не соответствующими действительности) по поводу поведения Пушкина, называя эти сплетни «прижизненной прозой жизни». Такой метод, конечно, не способствует строгому следованию историческим фактам. Так, Союз благоденствия оказывается «петербургской управой московского Союза спасения». Каменка, в которой Пушкин общался в декабристами, располагается «под Кишиневом». В.Д. Новосильцев, знаменитый участием в дуэли с К.П. Черновым, отождествляется с автором «Уставной грамоты Российской империи» Н.Н. Новосильцевым. Популярную среди московской публики цыганскую певицу Стешу автор объединяет в своем анекдоте с молдаванкой Земфирой и т. п.

Антипов задается вопросом: а почему самодержец всероссийский был так внимателен к поэту-скандалисту?

Тайные намеки, рассеянные по тексту статьи, позволяют усмотреть ответ в следующем. Пушкин был большим человеком в иерархии всемирного масонского заговора, основанного иллюминатом-поджигателем революционных мятежей Адамом Вейсгауптом. Николай I знал, что Пушкин – полномочный представитель этой всемогущей силы. От этого печального знания проистекают все знаки внимания императора к Пушкину, среди которых – шитый золотом камер-юнкерский мундир.

Автор туманно сообщает, что плохой характер подвел поэта, подверженного «эмоциональной и половой невменяемости». Иллюминаты внедрили в Россию Геккерена, который руками Дантеса устранил отступника: «Убийство Пушкина имело знаковый и согласованный характер»¹².

Таким образом, из данного исследования можно сделать вывод: «советский» взгляд на Пушкина как на единомышленника декабристов продолжает, несколько видоизменившись, жить в политическом дискурсе. Однако старая мифологема «Пушкин – друг

декабристов» для современных публицистов во многом исчерпана. На ее месте возникают другие мифы, зачастую просто никак не связанные с реалиями жизни и творчества Пушкина.

Примечания

- ¹ *Элиаде М.* Трактат по истории религий. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1999. С. 324.
- ² *Загидуллина М.В.* Пушкин и декабристы как мифологическая пара // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VIII. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 556–577.
- ³ *Битов А.* «Дайте времени поговорить его языком...» (Континент. 2002. № 112)[Электронный ресурс]//Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2002/112/bit.html> (дата обращения: 25.04.2012).
- ⁴ *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-сиб. книжн. изд-во, 1984. С. 205.
- ⁵ См.: *Гаспаров Б.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского поэтического языка. СПб.: Академический проект, 1999.
- ⁶ *Кружков Г.* «Английская деревенька» Пушкина // Дружба народов. 1999. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/6/krugk-pr.html> (дата обращения: 25.04.2012).
- ⁷ *Вацуро В.Э.* Пушкин в сознании современников // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 36.
- ⁸ *Холопов Б.* Старицкие прелюды (Дружба народов. 1999. № 6) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/6/holop.html> (дата обращения: 25.04.2012).
- ⁹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 143.
- ¹⁰ *Холопов Б.* Указ. соч.
- ¹¹ См., напр.: *Черейский Л.А.* Бенкендорф // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989. С. 35–36.
- ¹² *Антипов Е.* Наше все и все такое (Нева. 2007. № 2) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/2/an13.html> (дата обращения: 25.04.2012).

Проблемы теории электронных СМИ

Г.А. Феткуллина

МУЛЬТИМЕДИАТИЗАЦИЯ СМИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Статья посвящена анализу ключевых процессов трансформации современных медиапредприятий. Дигитализация и конвергенция на разных уровнях привели к мультимедиазации контента для распространения на разных технологических платформах. Опыт зарубежных и российских средств массовой информации показывает, что единой модели перехода массмедиа на мультимедийную стратегию развития в настоящий момент не существует. Однако уже сейчас можно говорить об основных признаках, присущих мультимедиазации. В статье анализируются основные черты этого феномена на примере деятельности крупнейших международных СМИ – в частности, «Ассошиэтед Пресс», РИА «Новости», Би-би-си.

Ключевые слова: массмедиа, дигитализация, конвергенция, мультимедиазация, информационные агентства, Ассошиэтед Пресс, РИА Новости, Би-би-си.

Мультимедиазация возникла как следствие медиаконвергенции. Понятие «конвергенция» (от лат. *convergere* – «приближаться, сходиться») употребляется в естественных и социальных науках и обозначает аналогичные процессы взаимоуподобления. В середине 1950-х годов ученые стали употреблять термин «конвергенция» применительно к общественно-политическим теориям. С 1970-х годов термин «конвергенция» все чаще употребляется для обозначения слияния информационных и коммуникационных технологических платформ – компьютеров, телефонов, телевизоров. В 1980-х годах термин получил развитие в ходе дискуссий о дерегулировании телекоммуникационного рынка в США и вещательного рынка в Западной Европе. В 1990-х годах стремительное внедрение Интернета в повседневную жизнь миллионов людей в разных странах мира ознаменовало новое значение термина.

Известный американский ученый, профессор Массачусетского технологического университета Итьель де Сола Пул определила конвергенцию следующим образом: «...стирание границ между медиа как средствами обоюдной коммуникации, такими как телефон, почта, телеграф, и средствами массовой коммуникации, такими как пресса, радио и телевидение»¹. Однако «стирание границ» на практике происходит на разных уровнях. Норвежские ученые Андерс Фагерйорд и Танья Сторсул выделяют, как минимум, шесть уровней конвергенции: сетей, терминалов, услуг, рынков, регулирования, жанров и форм. Российский теоретик Е.Л. Вартанова дает следующую характеристику этого процесса в контексте медиаэкономики: «Используется для обозначения интеграции информационных и коммуникационных технологических платформ (компьютеров, телевизоров, телефонов), а также передаваемых ими содержательных (информационных) продуктов»². Она выделяет три уровня конвергенции:

технологический – слияние технологий. Конвергенция рассматривается как процесс, объединяющий все типы цифровой информации в интегрирующихся телекоммуникационных и компьютерных сетях;

экономический – слияние рынков. Конвергенция рассматривается как порожденный технологическим развитием процесс интеграции различных отраслей экономики – медиаиндустрии (традиционные печатные СМИ, ТВ и радио), компьютерной и коммуникационных индустрий;

профессиональный предполагает специфику производимых продуктов, слияние различных медиа и их жанров. Появляются новые продукты, например инфотейнмент (information + entertainment) и эдютейнмент (education + entertainment), а также новые понятия – мультимедийная статья и медиатекст.

Итак, дигитализация и конвергенция на разных уровнях привели к возникновению нового содержания СМИ – мультимедийного контента, который можно распространять на разных технологических платформах. Само понятие «мультимедиа» (лат. multum – «много» + medium – «центр», «средоточие»)³ обозначает компьютерную систему, способную работать с изображением (видео), звуком и текстом одновременно. Трактовка этого понятия как «средства коммуникации» предпринималась известным канадским теоретиком и философом Маршаллом Маклюэном еще в 1960-е годы.

Исторически каждое из средств массовой информации отдавало предпочтение одному способу передачи информации: печать – тексту, радио – устной речи, телевидение – изображению.

Вместе с тем элементы мультимедийности используются отдельными СМИ с относительно давних времен. Так, газеты, помимо вербального текста, публикуют фотоиллюстрации, а телевидение сопровождает картинку вербальным текстом. Кардинальное отличие мультимедийности, которая присуща эпохе Интернета, в том, что пользователь способен самостоятельно развить логику получения информационного сообщения. Все это – так называемая структура нелинейного создания медиасюжетов, парадигма «трансмедийного повествования»⁴ (термин впервые ввел в научный оборот американский исследователь Генри Джекинс). Под этим термином подразумевается реализация контента на платформе конвергированных СМИ, в совокупности генерирующих содержание, которое невозможно было бы рассказать и в полном объеме донести до аудитории посредством каждого СМИ в отдельности. В архитектуре мультимедийного сообщения взаимосвязаны образно-эстетическое и техническое начала (драматический сценарий и удобство использования).

Голландский исследователь Тен Ван Дейк выделяет следующие ключевые характеристики, принципиально отличающие мультимедиа от других информационно-коммуникационных технологий⁵:

- *стратификацию* (пользователь может интерпретировать данные разного формата: тексты, графики, иллюстрации, фото, видео и т.д.);
- *модульность* (в зависимости от области интересов пользователя, осуществляющего поиск, база данных может аккумулироваться по частям – модулям, которые могут быть составлены в единую информационную картину в удобной форме и последовательности);
- *манипулятивность* (позволяет пользователю неограниченно варьировать информацию и ее составляющие).

Если для всех других способов коммуникации существует свой специфический язык (изображение, речь, письменный язык), то суть мультимедиаязыка состоит в сочетании различных языков.

Согласно концепции британских ученых Рэндела Пэкера и Кена Джордана, технологии мультимедиа определяются основными одновременными процессами⁶:

- *интеграцией* (предполагает соединение технологий и искусства в некую гибридную форму выражения и представления информации);
- *интерактивностью* (позволяет пользователю непосредственно управлять информационными потоками и медиасодержанием);

- *гипермедийностью* (в основе – соединение различных фрагментов медиасферы в единое ассоциативно-информационное целое);
- *повествовательным началом* (являет собой многоуровневые нелинейные формы представления информации в виде сюжетного целого).

Е.Л. Вартанова определяет мультимедийность как «важнейшую особенность, приобретенную СМИ в результате конвергенции текста, звука и изображения, передаваемых одновременно в интерактивном режиме по коаксиальному или волоконно-оптическому кабелю, посредством радиолиний, спутниковых систем или благодаря комбинации этих технологий»⁷. Мультимедиа становятся посредником в передаче информации и характеризуются стиранием границ между массовым и индивидуальным общением. Новые технологии позволяют преодолеть ограничение во времени и месте при получении информации. При помощи Интернета потребитель способен получить необходимую информацию в любое время суток и в любой точке земного шара. Известный современный исследователь Мануэль Кастельс сравнил мультимедиа с «волшебным ящиком», который мог бы открывать «глобальное окно безграничных возможностей интерактивной связи в видео-, аудио- и текстовых форматах»⁸.

***

Структура конвергентных мультимедийных СМИ развивается с середины 1990-х годов. В соответствии с данными опроса 200 руководителей СМИ разных стран мира, проведенного в 2001 г., почти в $\frac{3}{4}$ этих компаний на тот момент планировали или уже воплощали в жизнь стратегии интеграции. К числу СМИ, которые последовательно внедряют мультимедийную концепцию развития, можно отнести печатные издания “The Daily Telegraph”, “The Guardian” (Великобритания), “The Associated Press”, “The Washington Post” (США), “Le Monde” (Франция), телевизионные сети BBC (Великобритания), CNN (США), “Al Jazeera English” (Катар), медиагруппу “Nordijske Medier” (Дания), российский медиахолдинг РИА «Новости» и др.

Традиционная интернет-редакция занималась размещением печатного (телевизионного) контента на сайте издания. В связи с мультимедиазацией содержания изменился сам редакционный процесс, появилась необходимость учитывать специфику материала, его ключевые особенности. Одним из первых шагов к оптимизации производственного процесса стало качественное преобразо-

вание редакционного пространства в конвергентный ньюсрум. В 2007 г. американское информационное агентство “Associated Press” приняло решение образовать цифровую мультимедийную платформу под лозунгом «One name, one logo, one story» («Одно имя, один логотип, одна история»). Идеологом преобразования стал Том Кент, который настоял на необходимости объединения редакции в конвергентный ньюсрум, способный производить мультимедийный контент. Задумав конвергенцию редакции, “Associated Press” приняло решение «избавиться от стен», создав открытое пространство с рабочими местами и компьютерами. В помещении расположилась объединенная редакция новостей, в которой работают корреспонденты и редакторы, обеспечивая мультимедийное освещение событий. В “Associated Press” существуют стеклянные офисы для руководящих редакторов, в которых решаются конфиденциальные задачи. Однако Кент говорит, что офисы сознательно довольно небольшого размера: большую часть времени руководство проводит рядом со своими подчиненными. Разумное расположение отделов облегчает кросс-платформенную коммуникацию и взаимодействие.

Год спустя телевизионная сеть ВВС объединила радио- и телевизионную редакцию в конвергентный ньюсрум. Глава ВВС Питер Хоррокс заявил, что «первая часть изменений – это создание мультиплатформы, позволяющей развивать мультимедиа, где люди смогут работать “смешанным” способом»⁹. По мнению британского медиаэксперта Дэвида Брюера, «конвергенция – это такая же неотъемлемая часть редакционной политики современного мультимедийного СМИ, как и достоверность, беспристрастность, справедливость, объективность и взвешенность»¹⁰.

Российское информационное агентство РИА «Новости» также не осталось в стороне от мировых тенденций и в 2008 г. первым из отечественных СМИ создало двухуровневый интегрированный ньюсрум. Оптимизация человеческих ресурсов, по мнению идеологов объединения, привела к существенному увеличению количества производимого контента при незначительном расширении состава сотрудников агентства. Создание нового пространства позволило очень четко донести и до сотрудников, и до внешнего мира некий посыл – создавать мультимедийный интегрированный продукт.

Мультимедиазация конвергентной редакции предполагает использование различных технологических медиаплатформ для распространения информационных продуктов. В 2008 г. “Associated Press” создало мультимедийный новостной портал “AP Mobile”, который обеспечивает доступ к международным, национальным и

локальным новостям. “Associated Press” первым среди агентств создало в июне 2008 г. специальное приложение для iPhone, позволяющее получить доступ к новостям. “AP Mobile News Network” покрывает большинство мобильных платформ (Android, Blackberry, Apple iOS, Nokia, Web OS, Windows Phone), которые позволяют широкому кругу пользователей оперативно получать международные, национальные и локальные новости, производимые агентством. Российское агентство РИА «Новости» также использует различные медиаплатформы (печатные издания, интернет-сайт, инфоэкраны, мобильные приложения, приложения для планшетных устройств, мобильное телевидение, социальные сети) для распространения информации. Один и тот же информационный продукт агентства доступен для пользователя в следующих форматах: сообщение на интернет-сайте РИА «Новости», трансляция на инфоэкране в общественных местах, сообщение на мобильных и планшетных устройствах и сообщение, полученное из ленты новостей в социальных сетях. Таким образом, благодаря разнообразию платформ потребитель информации сам выбирает наиболее удобный ему в данный момент способ получения информации.

Главное свойство мультимедийности – сочетание различных способов подачи информации в единый формат, позволяющий потребителю пользоваться комплексным интерфейсом и самостоятельно определять логику получения информации – реализуется на интернет-сайте. Необходимые требования, которые медиаэксперт Дэвид Брюер выдвигает к новостному веб-сайту: перекрестное продвижение всех информационных платформ, привлечение читателей к интерактивному общению, широкое освещение событий за счет дополнительных сведений о предыстории и контексте. Печатные, эфирные и онлайн-редакционные материалы должны отсылать друг к другу и дополнять друг друга, увеличивая совокупную ценность создаваемого редакцией контента. Мультимедийным СМИ в значительной степени свойственна интерактивность, т. е. вовлеченность потребителя информации в процесс. К новым видам интерактивности можно отнести интернет-блоги (площадки для дискуссионных клубов), User Generated-Content (контент, созданный самими пользователями). Сайт РИА «Новости» основывается на «атомно-молекулярной теории мультимедиа», то есть базируется на «инфомолекулах», которые, в свою очередь, состоят из «инфоатомов». «Иномолекулы» «РИА Новости» включают в себя: статичные иллюстрации, фотоленты, фотогалереи (рассказ о событии с помощью фотографий), слайд-шоу (фотофильм), подкаст (фрагмент радионной программы), аудиосюжет, видеосюжет, потоковое видео с места событий, видеоклонки и т. д.

***

Опыт зарубежных и российских средств массовой информации показывает, что единой модели перехода на мультимедийную стратегию развития в настоящий момент не существует. Однако уже сейчас можно говорить об основных признаках, присущих мультимедиазации.

Таким образом, мультимедиазация предполагает, во-первых, включение в состав СМИ различных медиапредприятий (печатных, электронных, «новых медиа» и пр.); во-вторых, переход отдельного журналиста и/или редакции СМИ к производству содержания (контента) в различных форматах (текст, аудио, видео и т. д.) на основе единого технологического процесса и его использование (как правило, многократное) на различных технологических медиаплатформах (печатные издания, интернет-сайт, мобильные приложения и т. д.).

Примечания

- ¹ *Pool I.D.S. Electronics Takes Command* // Finnegan R., Salaman G., Thompson K. *Information Technology: Social Issues: A Reader*. L.: The Open University, 1987. P. 128.
- ² *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 6.
- ³ *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2006. 1308 с.
- ⁴ *Jenkins H.* Transmedia Storytelling 101 [Электронный ресурс] // The Official weblog of Henry Jenkins. URL: http://henryjenkins.org/2007/03/transmedia_storytelling_101.html (дата обращения: 05.01.2013).
- ⁵ *Perspectives on Multimedia: Communication, Media and Information Technology* / Ed. by R. Burnett, A. Brunstrom, A.G. Nilsson. Wiley, 2004. P. 298.
- ⁶ *Jordan K., Packer R.* *Multimedia: from Wagner to Virtual Reality*. L.; N. Y.: W.W. Norton & Company, 2002. P. 76.
- ⁷ *Вартанова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 239.
- ⁸ *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 220.
- ⁹ *Herrmann S.* Newsroom changes [Электронный ресурс] // British Broadcasting Corporation (BBC) URL: http://www.bbc.co.uk/blogs/theeditors/2008/06/newsroom_changes.html (дата обращения: 10.12.2011).
- ¹⁰ *New Media Lab* [Электронный ресурс]. URL: <http://newmedialab.ru/blog/howto/22.html> (дата обращения: 10.12.2011).

Д.В. Неренц

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Глобализация медиаиндустрии и активное развитие «новых медиа» обусловили значительные изменения в одном из самых сложных аналитических жанров журналистики – расследовательском. Наиболее ярко эти тенденции проявляются в США и Великобритании. Экономический кризис и коммерческие цели СМИ заставляют жанр журналистского расследования все больше уходить в Интернет. В связи с этим активно развивается феномен «гражданской расследовательской журналистики» и все заметнее становится влияние блогов и социальных сетей на эволюцию жанра. Помимо этого, усиливается проблема фальшивых псевдорасследований, которые аудитория нередко принимает за серьезные правдивые материалы.

Ключевые слова: журналистское расследование, разоблачительная журналистика, псевдорасследование, гражданские журналисты, массмедиа, «новые медиа».

Традиции журналистского расследования в разных странах имеют свои особенности. В США и Великобритании этот жанр призван повышать ответственность демократически избранных органов власти, способствовать открытости их работы и держать граждан в курсе того, что происходит в государственных учреждениях. Основная и наиболее очевидная цель журналистского расследования – придание огласке фактов, скрытых от общества.

За последнее десятилетие в Великобритании и США журналистские расследования по-прежнему нередко публикуются в авторитетных, востребованных изданиях. Однако в нынешнем столетии журналистские расследования США и Великобритании столкнулись с серьезными проблемами, первая из которых носит

экономический характер, вторая связана с последствиями распространения Интернета и новых форм журналистики.

Экономические проблемы появились из-за невозможности оплачивать процесс создания дорогих и длительных расследований на ТВ. В последние годы существенно изменилась бизнес-модель американских СМИ. Медиакомпании тратят бюджетные средства на осуществление конкретных бизнес-проектов, только если проект обещает прибыль, и затем вкладывают значительную часть доходов не в развитие производства, а в недвижимость или другие секторы. В результате журналистские расследования с их относительно высокой стоимостью и труднопредсказуемой результативностью страдают в первую очередь. В течение 2010–2011 гг. в американских редакциях СМИ отделы, которые были посвящены исключительно журналистским расследованиям, ликвидированы, многие бюро закрыты, сокращены около 25 тыс. журналистов, следивших за властью, бизнесменами и другими важными лицами.

И в Великобритании, по словам бывшего корреспондента “The Sunday Times” Ника Филдинга, «проводится очень мало серьезных журналистских расследований». «Ситуация, – считает он, – складывается таким образом, что количество серьезных журналистов, занимающихся расследованиями в традиционных СМИ, с 80-х гг. сократилось со 150 до 90. Это численное сокращение продолжается»¹.

Увольнения толкают расследователей к поиску финансовой поддержки непрофессиональных организаций и фондов, например американского Фонда расследовательской журналистики. Кроме него в Америке существует Национальный институт, дающий гранты многим профессионалам, и Пулитцеровский центр расследовательских материалов, поддерживающий расследования международного характера, а также существующие с начала 1960-х гг. Фонд Алисии Паттерсон, Центр журналистских расследований, Центр “Public Integrity”, Архив национальной безопасности. Такие организации внедряют новые модели, способы подачи информации с использованием современных технологий, но в основе оставляют ценности и стандарты лучших журналистских расследований. С начала XXI в. развитие журналистских расследований оживилось благодаря названным и другим фондам.

Положительную роль играет также развитие «новых медиа»: «В Америке это, в первую очередь, интернет-сайт “ProPublica”, который в процессе медиаконвергенции создан изданием “The New York Times” (при финансировании из филантропических источников) в целях проведения расследований по общественно значимой

тематике»². В Великобритании аналог “ProPublica” – Бюро журналистских расследований, – в котором сейчас работают 20–25 журналистов. Оно создано в апреле 2010 г. и является первым в своем роде британским учреждением, финансируемым филантропами. Популярность бюро принесло сотрудничество с Wikileaks. Сейчас организация работает в сотрудничестве с программами “Panorama” и “Newsnight” на BBC, с Channel 4 News, английским офисом телеканала «Аль-Джазира», газетами “The Independent”, “The Financial Times”, “The Daily Telegraph”, “The Sunday Times”, “Le Monde”.

Одно из самых резонансных расследований, проведенных в последнее время Бюро, было посвящено военным действиям американских солдат в Пакистане, Сомали и Йемене. Благодаря публикации общество по-другому взглянуло на действия США. Журналист Крис Вудс смог найти доказательства, что при Бараке Обаме более 3000 человек, в том числе около 500 мирных жителей, были убиты американскими солдатами. Эти результаты были опубликованы во многих странах и прокомментированы на Генеральной сессии Совета по правам человека в Женеве, рассматривались на заседаниях Лондонского Высшего суда и активно используются в выступлениях американской организации по защите прав человека – ACLU.

С конца XX в. активно развиваются некоммерческие инициативные организации, поддерживающие проведение журналистских расследований. Уже к 2008 г. некоммерческие фонды на всей территории США тратили на журналистские расследования не менее 20 млн долл. в год. «Но это было ничто по сравнению с тем, что возникло в последующие пять лет: благодаря десяткам новых некоммерческих организаций “разгребатели грязи” на местном, государственном и национальном уровнях могли в любое время получить финансирование и начать публикацию важной работы. И вдруг 20 млн долл. превратились в 40 млн только в США. Во всем мире, тем временем, число учебных организаций по проведению журналистских расследований, таких как Расследовательский союз журналистов и редакторов США, продолжает расти»³.

И наконец, стоит отметить рост международных неформальных сообществ журналистов-расследователей. Сейчас в США 75 таких групп, насчитывающих около 1300 членов. Они оказывают расследователям разностороннюю поддержку на глобальном уровне, поскольку теперь появилась возможность обратиться за помощью и советом к единомышленникам на всех континентах. Это важное достижение, учитывая, что проблема, затронутая в расследовании, зачастую выходит за пределы одной страны. В той же Великобритании некоторые газеты – “The Sunday Times”, “The Independent”,

“The Guardian” и др. – рассматривают журналистские расследования не только как конкурентоспособный элемент контента издания. Нынешние редакторы “The Daily Telegraph” начали, например, активно публиковать крупные расследования, в том числе материалы о злоупотреблении властью парламентариями Великобритании. Эти публикации стали одним из «журналистских переворотов» последних десятилетий.

Таким образом, хотя экономические реальности, несомненно, являются препятствием для журналистских расследований, особенно на местном и региональном уровнях, сегодня крупные американские и британские СМИ, а также издания, специализирующиеся на аналитической журналистике, публикуют существенное количество расследовательских материалов. В 2012 г., например, Майкл Беренс и Кен Армстронг из “The Seattle Times” получили Пулитцеровскую премию за их «материал о малоизвестной вашингтонской компании, заменившей безопасные, обезболивающие препараты на метадон, дешевый и опасный наркотик, ухудшающий здоровье»⁴. Одно из самых выдающихся расследований в том же году провели Мэтт Апаззо, Адам Голдман, Эйлин Салливан и Крис Хайли из информационного агентства “Associated Press”. Они раздобыли и опубликовали доказательство существования тайной слежки нью-йоркского отделения полиции за проживающими в городе мусульманами. «В результате Конгресс США настоял на федеральном расследовании и вызвал дебаты о надлежащей роли сбора данных разведывательными структурами»⁵.

В том же году в Великобритании в главном журналистском конкурсе Awards–2012 участвовали более 40 расследователей. Недели работы по сбору данных привели репортеров “The Times” (Алекси Мострус и Фэй Шлесингер) к тайным видеозаписям, которые подтверждали налоговые махинации богатых и знаменитых людей. В их первом расследовании было подробно рассказано, как известный комик Джимми Карр использует давно разработанную схему финансовых махинаций с целью уклонения от налогов. Этот расследовательский телевизионный материал доказал, что богатые инвесторы тайно переправляли десятки миллионов фунтов морским путем для уклонения от уплаты налогов под предлогом эффективных схем финансирования фильма. Еще одним резонансным расследованием стал материал Нины Лакхани и Эндрю Банкомба из “The Independent”. Он посвящен фармацевтическим компаниям, использующим территорию Индии в качестве испытательного полигона для новых видов наркотиков.

***

В эпоху интернет-сообществ и социальных сетей высказывается мнение, что «Интернет хорошо подходит для отслеживания резонансных событий, которые хочет видеть аудитория»⁶. В меняющейся медиасреде новые технологии начинают дополнять традиционные СМИ. Информация о государственных предприятиях есть в Интернете в открытом доступе. Социальные медиа (Twitter, YouTube и facebook), новые возможности онлайн-журналистики уже привели к развитию «гражданской журналистики», которая обещает сыграть существенную роль в будущем американских и британских журналистских расследований.

В США, например, в последние годы ряд некоммерческих фондов и организаций начали активно вовлекать в расследовательскую журналистику участников социальных сетей. В результате собранные тысячами осведомленных и заинтересованных людей в различных социальных сетях материалы о важных событиях стали пополнять базы данных расследовательских интернет-сайтов. Как показала практика, расследования благодаря пользователям «всемирной паутины» требуют меньше временных и финансовых затрат и расширяют аудиторию. Этот феномен в английской и американской журналистике называется «краудсорсинг» (crowd-sourcing)⁷. Вовлечение пользователей в работу оказалось очень привлекательным для аудиторий, которая с энтузиазмом приступила к участию в сборе и первичной обработке значительного потока качественной документальной информации, а стремительный рост интерактивности помог значительно увеличить популярность журналистских расследований, которые приносят определенный коммерческий успех.

Новые коммуникационные технологии увеличили количество публикаций расследовательского характера, но возникла другая проблема: появление нового течения в журналистике – псевдорасследований. Как правило, такие публикации представляют собой оплаченный материал, который заказывается журналисту конкурентами в бизнесе или в политике для дискриминации соперника. Материалы и разоблачительные сведения обычно предоставляет сам заказчик. Учитывая, что такие публикации нередко содержат в себе ранее скрывавшуюся информацию, их часто путают с настоящими расследованиями. Псевдорасследования особенно распространены в Интернете, социальных сетях, блогах и на кабельном телевидении. Развитию этой тенденции способствует существующий спрос на желтый, таблоидный, контент, который производят как одинокие блогеры, так и медиагиганты, предпочитающие при-

влекать аудиторию развлекательной информацией, а не серьезной аналитикой.

Одним из ярчайших примеров псевдорасследований и неправомерных действий репортеров послужил скандал с прослушиванием телефонных разговоров крупнейшим британским воскресным таблоидом “News of the World” в Великобритании. Поступок журналистов Мердока вызвал прямо противоположную реакцию общества: вместо заинтересованности читатели проявили негодование и возмущение методами работы прессы. «Этот скандал привел к закрытию самых продаваемых британских “бульварных” газет, а также к отставке бывшего редактора газеты и старших членов городской полиции. Эта ситуация, в сочетании с докладом комиссара пять лет назад, выявила широкое применение незаконных методов сбора и перехвата информации»⁸. Журналисты не имеют права работать методами, использование которых они не могли бы потом оправдать перед судом и обществом. Это правило было нарушено в случае “News of the World”.

***

Есть строгие ограничения того, насколько далеко журналисты могут зайти для получения нужной информации. Например, телеканал ВВС всегда требует четкого обоснования общественного интереса, но даже после этого обоснования зачастую продолжается спор о том, какие методы работы в этом случае являются разумными и соразмерными. Показателен случай с расследованием английской программой «Panorama» нарушений в домах престарелых. Редакторы «столкнулись с двумя проблемами, которые надо было решить во избежание судебного разбирательства. Первая – вторжение в частную жизнь пенсионеров и сиделок <...> В этом случае не было достаточных доказательств злоупотреблений и в интересах общества пришлось пользоваться методом скрытой камеры»⁹.

Второй проблемой стало нарушение авторами трудового кодекса. «Для получения доказательств в качестве медицинского работника в учреждение был внедрен молодой сотрудник редакции. Опять же руководство пришло к выводу, что это относительно небольшое нарушение правил было оправданно. Журналисты действовали в общественных интересах, особенно с учетом серьезности злоупотреблений и того факта, что дом престарелых не соответствует установленным стандартам в этой индустрии. Нарушения без внедрения журналиста не удалось бы обнаружить, не говоря уже о прекращении насилия над содержащимися там пожилыми людьми»¹⁰. Программа привела к национальным дебатам по поводу

стандартов и надзора за всеми домами престарелых. Однако не обошлось и без судебного преследования авторов расследования.

Ответственность и ценность журналистского расследования также основываются на моральных принципах журналистов, другими словами – на журналистских ценностях и культуре. «Недобросовестная проверка фактов может привести к серьезным последствиям»¹¹. Это продемонстрировали результаты эфира программы ВВС “Newsnight” от 2 ноября 2012 г., посвященной истории о растлении воспитанников детского дома в Уэльсе в 80-х годах прошлого века. Один из пострадавших заявил, что в актах педофилии участвовал «некий высокопоставленный член консервативной партии». Вскоре в Твиттере появилась информация, что это – лорд Алистер Макэлпайн, казначей консерваторов во времена Маргарет Тэтчер. Позже выяснилось, что Макэлпайн невиновен, а журналисты грубо ошиблись. Ложные обвинения привели к тому, что все сотрудники этой телепрограммы больше не смогут работать в сфере массмедиа, а Иан Овертон, управлявший некоммерческим Бюро журналистских расследований и принеший эту историю в ВВС, был вынужден уйти в отставку.

Британская модель саморегулирования прессы призвана обеспечить правильный баланс между законодательным регулированием и свободой прессы. Однако высказывается мнение, что для дальнейшего развития журналистики в Великобритании необходимы поправки в законодательстве о СМИ. Например, следует обеспечить доступность государственных архивов, в первую очередь таких документов, как записи и протоколы заседаний суда (включая списки подсудимых с полными, реальными именами, без сокращений); все документы, задействованные при судебном разбирательстве, записи о заседаниях и вынесении приговора); записи полиции – отчеты об инцидентах и арестах; идентификационные записи (о владельцах транспортных средств, телефонные справочники, списки избирателей) и многие другие.

В США все эти записи доступны, являются основой любого журналистского текста и используются для установления и проверки фактов. Благодаря доступности государственных архивов США, например, в августе 2012 г. газета штата Флорида “Miami Herald” опубликовала двухстраничную статью под названием «Ночь в Ритце, питание от Армани». Основанием для журналистского расследования стали объявленные публичные слушания о возможности повышения страховых взносов самой крупной страховой компанией в штате “Citizens Property Insurance”. Было объявлено, что бюджет около 6 млрд долл. не обеспечивает покрытия

всех расходов компании. В большинстве штатов существует закон, по которому в случае повышения оплаты за проезд на транспорте или любого другого повышения, оказывающего влияние на бюджет семьи, требуется процедура публичных слушаний. Журналисты флоридской газеты провели собственное расследование, куда и как тратятся деньги налогоплательщиков и инвесторов. Благодаря доступности документов репортерам удалось получить сведения о доходах и расходах чиновников, финансовую документацию и другие документы, касающиеся страховых взносов. В результате выяснилось, что зарплата высших должностных лиц компании составляла 200–300 тыс. долл. в год, они ездили отдыхать на самые дорогие курорты и жили в самых роскошных отелях. К тексту прилагались фотокопии отчетов и сведения о доходах руководства компании. На основании этого материала сейчас ведется полицейское расследование.

В Великобритании такой свободы работы с корпоративной документацией нет, легко доступны только сведения о земельной собственности, регистрационные и учетные записи. Для проверки информации британские репортеры вынуждены апеллировать к другим источникам: слухам, анонимным информаторам, – или платить за сведения.

***

Единственный доступный способ представить аудитории свой материал сейчас – опубликовать его в Интернете. Самую важную роль в будущем расследовательской журналистики будут играть три феномена: развитие некоммерческих организаций, новых технологий и Интернета. Эти факторы уже помогли расследователям сфокусироваться на сотрудничестве, создать формы обмена информацией в целях улучшения качества текстов и создания оплачиваемых рабочих мест. Таким образом, медиарасследование подвергается трансформации под влиянием социально-политических и экономических факторов, по-прежнему оставаясь при этом одним из самых востребованных жанров современной американской и британской журналистики.

Примечания

---

¹ *Thompson M.* The future of journalism in the UK // Сайт агентства Reuters. URL: <http://blogs.reuters.com/mediafile/2011/09/26/the-future-of-journalism-in-the-uk/> (дата обращения: 04.02.2013).

² Journalism in the public interest // ProPublica. URL: <http://www.propublica.org> (дата обращения: 05.02.2013).

- ³ *Lewis Ch.* A Social Network Solution: How Investigative Reporting Got Back on Its Feet // Columbia Journalism Review. URL: http://www.cjr.org/feature/a_socialnetwork_solution_1.php?page=all (дата обращения: 26.01.2013).
- ⁴ *Randall D.* The Universal journalist. L., 2000. P. 107.
- ⁵ Ibid. P. 128.
- ⁶ *Cherubini F.* The future of investigative journalism in the UK according to the House of Lords // World association of newspapers and news publishers. URL: <http://www.editorsweblog.org/2012/03/05/the-future-of-investigative-journalism-in-the-uk-according-to-the-house-of-lords> (дата обращения: 23.01.2012).
- ⁷ Термин впервые введен писателем Джеффом Хау и редактором журнала «Wired» Марком Робинсоном в июне 2006 г. и означает совместные действия многих людей, направленные на достижение конкретной общей цели.
- ⁸ The future of investigative journalism // House of Lords. URL: <http://www.parliament.uk/documents/lordscommittees/communications/Investigativejournalism/CfEFutureInvestigativeJournalism.pdf> (дата обращения: 21.01.2012).
- ⁹ *Thompson M.* Investigative journalism and breaking the rules // British Broadcasting Corporation (BBC). URL: http://www.bbc.co.uk/blogs/theeditors/2011/07/investigative_journalism_in_th.html (дата обращения: 11.02.2013).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ *Leigh D.* Investigative journalism must live on despite the Newsnight crisis // The Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/nov/12/investigative-journalism-newsnight-crisis> (дата обращения: 04.02.2013).

Язык СМИ

Ю.В. Яковлева

«НА ОБСТРЕЛ ОТВЕЧАЕМ ЧАСТЫМ ОГНЕМ...» (Речевая агрессия в полемических материалах журнала «ЛЕФ» 1923 г.)

В статье рассматривается специфика проявления речевой агрессии в журнале «ЛЕФ» как тактики ответов на критические публикации в ведущих изданиях 1920-х годов.

Ключевые слова: полемика, речевая агрессия, ЛЕФ, борьба, дискредитация.

Первые десятилетия XX в. – поворотное время в истории русского языка, российской литературы и журналистики. «Революция и гражданская война оказали... большое влияние на русский язык, и именно в событиях социально-политических последних лет нужно искать причину всех новшеств, проникших в русский словарь за период 1905–1922 гг.», – писал С.О. Карцевский¹. Новые формы редко приходят в готовом виде, и еще реже их появление не сопровождается бурным обсуждением, в том числе дискуссиями в прессе. Газетно-журнальная полемика в 1920-х годах интересна тем, что проходила в условиях относительной свободы слова во всех ее проявлениях, в том числе и в речевой агрессии.

Одним из наиболее заметных событий в российской журналистике этого времени стал выход в марте 1923 г. первого номера «Левого фронта искусств» – журнала «ЛЕФ», редакцию которого возглавил В.В. Маяковский. «Группа организовалась после революции, – писал В.Б. Шкловский. – В нее входили живопись, театр, литература и кинематография. На этой основе... организовался журнал “Леф”»². По свидетельству В.Б. Шкловского, «“Леф” – чрезвычайно разнородное явление. В нем были и Эйзенштейн, и Асеев... и опоязовцы с работами о языке Ленина»³. В редколлегию

журнала входили Н.Н. Асеев, Б.И. Арватов, О.М. Брик, Б.А. Кушнер, С.М. Третьяков и Н.Ф. Чужак. Для исследования журнального языка данного периода «ЛЕФ» представляет больший интерес, так как его редакция почти полностью состояла из футуристов, которые отличались, среди прочего, установкой на лингвистическое новаторство.

«Тогда шло время великих задач, порождавших в нас великую самоуверенность», – вспоминал В.Б. Шкловский⁴. Подобные устремления не могли остаться «безнаказанными». И журналисты ЛЕФа ждали появления яростных противников, которым позже, в соответствии со своим пристрастием к окказиональному словообразованию, дали название «лефогрызы»⁵.

Настрой на полемику у левовцев виден уже в первом номере: названия трех программных статей даны в вопросительной форме, как бы от лица потенциальных собеседников: «За что борется ЛЕФ?» (С. 3), «В кого вгрызается ЛЕФ?» (С. 8), «Кого предостерегает ЛЕФ?» (С. 19).

Заметная особенность журнала – лексическая «воинственность». Здесь и слово «фронт», зашифрованное в аббревиатуре ЛЕФ, и само «хищное» название (то, что омофония «леф/лев» осознавалась левовцами, понятно из названия второй программной статьи «В кого *вгрызается* ЛЕФ?»). Ключевые слова «программы» первого номера «ЛЕФа» – *бить, бороться, борьба, оружие*.

Ожидания оказались не напрасными. Статьи, направленные против «ЛЕФа», появились в нескольких изданиях: в газетах «Правда» и «Известия», в журналах «Под знаменем марксизма» и «Печать и революция». Большую активность проявил литературно-критический журнал «На посту». «Лефом, Лефа, Лефу, о Лефе – бесконечно склонны *долбить* в одно место на посту стоящие. Уже не против “Лефа” ли и весь “пост” сооружен» – таким вопросом задался «ЛЕФ» в ответной публикации (№ 3. С. 14).

«Леф приветствует запыхавшую дискуссию, нужную революции», – напишут левовцы в № 3. (С. 3) и полностью посвятят ответам на критические материалы раздел «Программа». Таким образом, именно третий номер ЛЕФа (июнь–июль 1923 г.) является наиболее ярким с точки зрения речевой агрессии как особой тактикой ответа на критику в прессе.

Словосочетание «запылавшая дискуссия» выбрано левовцами не случайно. Вызов, брошенный им противниками, они восприняли как объявление войны, а самих оппонентов – как вражескую армию. В третьем номере журнала, как и в первом, большое количество военной лексики. В одной только статье «Критическая

оглобля» (Там же. С. 13–17), представляющей собой ответ на статьи разных авторов «На посту», можно найти словосочетания «выдвигать посты», «делать вылазки», «устраивать подкопы», «лобовая атака», «обходное движение», «дымовая завеса», «беспощадная борьба», «кавалерийские рейды» и «тенденция к нападению исключительно на левый фронт».

Метафора военных действий активно разрабатывается в программных статьях. Критические замечания оппонентов «ЛЕФ» сравнивает с выстрелами и атаками: «Первый *бризантный снаряд* вылетел из чернилницы Сосновского»; «С *электрических фортов* “Печати и Революции”... раздается *выстрел*... центрифугиста Боброва»; «*жарят по ЛЕФУ* – с одной стороны Сосновский, с другой Дубовский...»; а собственную реакцию на критику – с ответной стрельбой: «На *обстрел* отвечаем частым *огнем*», «*ЛЕФ к бою!*», «Команда по Лефу: Слева – по одному – начинай!» (№ 3. С. 3, 34, 36, 38).

Рассматривая проявления речевой агрессии в печати, следует иметь в виду, что в отличие от агрессии в устной беседе, возникающей, как правило, спонтанно, агрессивность полемических материалов прессы является результатом обдуманного решения и выполняет прагматическую функцию. Сам факт появления ответов оппонентам свидетельствует о том, что авторы осознают ущерб, нанесенный их репутации критическими статьями, опубликованными в авторитетных изданиях, и считают необходимым его минимизировать. Наиболее эффективный путь для этого – дискредитация самих источников компрометирующей информации.

Один из приемов дискредитации оппонента – оценка не содержания публикаций, а качеств их авторов, так называемый переход на личности. Мишенью для левовцев стали «наименования» оппонентов. Учитывая, что большинство из них подписывали свои статьи не настоящими фамилиями, а псевдонимами, этот прием можно считать косвенной оценкой вкуса и фантазии их обладателей. Большим соблазном для обыгрывания стала ярко выраженная «древесность» имен журналистов газеты «Правда» Л.С. Сосновского, Дубовского (В.С. Попова), Н. Осинского (В.В. Оболенского). «Кто в Леф, кто по дрова», – перефразирует «ЛЕФ» известную поговорку (№3. С. 3) и делает сноску: «*Дубовые, сосновые, осиновые* и других *Родов*» (С.А. Родов – один из редакторов и авторов полемических статей в журнале «На посту»).

Эта тема разрабатывается левовцами и дальше: «С одной стороны *Сосновский*, с другой *Дубовский*, а если еще ахматохвалествия *Осинского* припомнить, то останется только заявить, – воистину “за

деревьями ЛЕФА не видно» (№ 3. С. 38); «вопрос о футуризме, как о... течении, которое надлежало преодолеть, отнюдь не отмахиваясь от него ни «осиновым», ни «сосновым», ни «дубовым» крестом» (Там же. С. 29–30).

Не остался без внимания ЛЕФА и псевдоним журналиста «Известий» – Альфред (наст. имя – Ф.Д. Капелюш). Ему «припоминается» совпадение псевдонима с именем героя оперы Дж. Верди «Травиата»: «Мы раньше думали, что Альфред романсы в Травиате поет, а он, оказывается, и против ЛЕФА выступает, да и как!» (Там же. С. 34), – а также с именами французских литераторов Альфреда де Мюссе и Альфреда де Виньи: «Альфред безнадежно запутывается еще в двух альфредах: Альфреде де-Мюссе и Альфреде де-Виньи... гордый Альфред де Известий, разлива 1892 г.» (Там же. С. 35). Употребление имени Альфред как нарицательного во множественном числе («есть еще *альфреды* на земле» (Там же)), а также иронического производного от него («Или Бобров впал в *альфредизм*...» (Там же. С. 36)) должно особо подчеркнуть вредоносность утверждений этого автора. Для идей сотрудника журнала «Печать и революция» С.П. Боброва ЛЕФ изобретает слово «бобровина» (Там же. С. 38).

Авторы «ЛЕФА» активно используют дискредитацию оппонентов, основанную на констатации нарушения ими морально-этических норм общения. «Так полемизировать *некультурно*» (Там же. С. 6) называется статья Б.И. Арватова, обращенная к автору материала «О левом фронте в искусстве» в журнале «Под знаменем марксизма» В.И. Лебедеву-Полянскому. Современные исследователи (среди них Т.А. Воронцова⁶, И.Б. Шатуновский⁷) отмечают возможность использования риторического вопроса в качестве средства выражения речевой агрессии в дискуссии, в основном в виде реакции на предыдущее высказывание участника диалога. Видом речевой агрессии можно считать и риторические вопросы, к которым часто прибегает Б.И. Арватов, демонстрируя читателям нечестные способы ведения полемики оппонентом: «Разве так *можно* доказывать?» (Там же. С. 11); «Разве *честно* умалчивать?...» (Там же. С. 11); «Почему вы это *скрыли*?» (Там же. С. 9); «Как называется *такое* отношение к читателю?» (Там же. С. 9).

Используют левовцы и дискредитацию оппонентов как профессионалов. Наиболее яркий пример – статья Н.Н. Асеева «Другой конец палки» (Там же. С. 12). В начале текста автор демонстрирует притворную готовность к диалогу из уважения к профессии противника: «Тов. Лебедев-Полянский – *литературный критик*. Я очень чуток ко всякому *критическому* замечанию. Но искрен-

но недоумеваю, почему полнозвучная рифма “дугой – другой” не нравится *литературному критику*». Далее Н.Н. Асеев удивляется, что «т. Лебедев-Полянский избрал себе специальность *литературного критика*». Наконец, название профессии оппонента берется в мысленные кавычки: «Вот несколько примеров того... языка, на котором *изъясняется литературный критик* т. Лебедев-Полянский». То есть словосочетание «литературный критик» употребляется Н.Н. Асеевым сначала нейтрально, потом с иронией, усиленной устаревшим книжным⁸ глаголом «изъясняться». С помощью умозаключения: «Оппонент – литературный критик. Язык оппонента не соответствует языку литературного критика. Значит, оппонент не должен быть литературным критиком», – Н.Н. Асеев демонстрирует читателям профессиональную непригодность В.И. Лебедева-Полянского и предоставляет им самим сделать вывод о том, что критика, которой тот подвергает версификационное мастерство Н.Н. Асеева, никакого внимания не заслуживает.

Другой способ обвинения в непрофессионализме применен в отношении критика Альфреда в статье Н.П. Горлова «ЛЕФ, преодолевающий слово, и слова, преодолевающие ЛЕФ». Это сравнение его журналистской деятельности с работой школьника: «Т. Альфред громит “Леф” выписками из своего *гимназического сочинения*, написанного 30 лет тому назад *на заданную* ему *учителем тему*... Кончается это сочинение, *как и подобает гимназическим сочинениям*...» (№ 3. С. 21).

Отсталость взглядов Альфреда показана и с помощью другого приема: этот сотрудник газеты «Известия», которому на самом деле 47 лет, представлен в образе дряхлого и крайне неприятного старика со всеми свойственными преклонному возрасту недостатками: кряхтеньем, одышкой, снижением слуха, трудностями с передвижением, неспособностью усваивать новую информацию, а также старорежимным снобизмом (Там же. С. 34–35).

В ЛЕФе № 3 можно найти и еще один вид дискредитации, являющийся специфическим для данного периода и едва ли не самым важным, – дискредитацию идеологическую. Основу развернувшейся полемики составляет соответствие или несоответствие образцов литературного творчества марксистской идеологии. Б.И. Арватов каждый свой вывод сопровождает констатацией факта идеологической несостоятельности оппонента: «Так аргументировал протопоп Аввакум, но при чем здесь *марксизм*» (С. 7); «Так аргументировал Сквозник-Дмухановский, у Гоголя, но не так следовало бы аргументировать *марксистам*» (С. 8); «Сознайтесь, что такие ответы не

имеют ничего общего не только с *марксизмом*, но и с примитивной добросовестностью» (С. 10).

Цитирование высказываний авторитетных людей – распространенный способ придания большего веса своей позиции. Им широко пользуются оппоненты ЛЕФа, цитируя коммунистических лидеров, за что и подвергаются критике. «Ведь не плохи они, цитаты эти, но нельзя же только одними цитатами мыслить... Ведь т. Троцкий за всех вас “коллективным мышлением” не может же отдуваться», – пишут левовцы в статье «Критическая оглобля» (№ 3. С. 14–15). Однако они и сами используют этот прием. Так, в начале статьи «Полемика» приведены сразу две цитаты того же Л.Д. Троцкого (Там же. С. 34). Впрочем, по тому, что им дана несколько фамильярная оценка: «простые, как линейка, строки ясной головы», а также по разговорному⁹ глаголу «отдуваться» можно сделать вывод, что левовцы относятся к этому коммунистическому лидеру без особого пиетета.

Совсем в другом тоне ссылаются они на самый высокий авторитет – В.И. Ленина: «Словами величайшего такта обмолвился Владимир Ильич про футуризм: Я не поклонник Маяковского, хотя признаю себя в этой области не компетентным, но мне понравились его стихи <...> Видели ль вы когда-нибудь большую скромность: уж кто-кто, а он имел безусловное право дать прямую безоговорочную оценку. Ведь он же буквально в компетенции всего на свете... И все-таки оговорился. Да, как не во всем мы бываем похожи на своих вождей» (№ 3. С. 23). Дипломатическое употребление в этом случае местоимения «мы», противопоставляющее вождя остальным людям, конечно, не должно было ввести читателей журнала в заблуждение относительно настоящего смысла этого пассажа: уж если В.И. Ленин не решился критиковать В.В. Маяковского и футуристов, значит, это не позволено никому.

Итак, по материалам третьего номера журнала «ЛЕФ» можно увидеть, что речевая агрессия является сопровождением полемики, причем может приобретать разнообразные формы. В авторских статьях речевая агрессия, как правило, адресна, а все аргументы выглядят серьезными и даже научнообразными. В коллективных статьях речевая агрессия воплощается в обдуманной системе образов, критика носит характер острого, а иногда и довольно оскорбительного высмеивания оппонентов.

Речевая агрессия в журнале «ЛЕФ» проявляется как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. В макроконтексте агрессивность приобретают нейтральные в других текстах фигуры речи, например метафора или риторический вопрос.

Помимо проанализированных, в журнале «ЛЕФ» можно найти и другие проявления речевой агрессии. Однако приведенные примеры заслуживают особого внимания, так как, во-первых, имеют специфический характер «ответных ударов», во-вторых, могут считаться базовыми: с их помощью решается практическая задача – путем многоплановой дискредитации оппонентов вычеркнуть из сознания читателей негативную информацию о журнале «ЛЕФ», опубликованную в различных изданиях, и тем самым «расчистить площадку» для утверждения собственной позиции.

Примечания

---

¹ Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 19.

² Шкловский В.Б. Встречи. О квартире «ЛЕФа». Жили-были. М.: Советский писатель, 1964. С. 370–371.

³ Там же. С. 341.

⁴ Там же. С. 375.

⁵ ЛЕФ. 1923, № 3. С. 38.

⁶ Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. С. 126.

⁷ Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. М.: РГГУ, 2004. С. 19– 28.

⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. 1.

⁹ Там же. М., 1938. Т. 2.

О.М. Афанасьева, Я.Е. Каневская

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИКА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ
А.И. КОЛЕСНИКОВА
(На материале газеты «Коммерсантъ»)

Статья посвящена концепту «политика» в публицистике А.И. Колесникова. Объектом исследования стали репортажи, опубликованные в газете «Коммерсантъ». Концепт «политика» в данной статье исследуется с лингвистических позиций. Структура концепта была восстановлена через изучение соответствующего ему фрагмента языковой картины мира путем выявления и анализа лексико-семантических полей.

Ключевые слова: концепт «политика», концептуальная картина мира, языковая картина мира, газета «Коммерсантъ», А.И. Колесников.

Политика занимает важное место в современном общественном сознании. Понимание ее природы и закономерностей, отношение к политикам в значительной степени формируются средствами массовой информации. Поэтому мы обратились к исследованию отражения концепта «политика» в материалах современной прессы.

Нам было интересно узнать, как данный концепт преломляется в творчестве не «среднестатистического» журналиста, а человека известного, имеющего свое мнение, признанного как массовой читательской аудиторией, так и профессионалами. Мы решили остановиться на творчестве Андрея Ивановича Колесникова – лауреата национальной премии «Элита», обладателя премии «Золотое перо России». А.И. Колесников окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова; с 1996 г. – специальный корреспондент газеты «Коммерсантъ»; один из лучших авторов журнала «Огонек»; главный редактор журнала «Русский пионер»; входит в так называемый «кремлевский пул» журналистов; автор широко известных книг о В.В. Путине «Я Путина видел!», «Меня Путин видел!» и др.

В качестве объекта исследования были выбраны публикации А.И. Колесникова в газете «Коммерсантъ». Это издание, по данным ведущей в сфере мониторинга СМИ компании «TNS Media Intelligence», наряду с «Российской газетой» и «Известиями» является ключевым источником деловых и политических новостей в российском информационном пространстве¹. В корпус исследуемых текстов вошли репортажи «Бурепоклонник», «Двуединая Россия», «Верной обходной дорогой пошли товарищи», «Владимир Путин исполнил свой музейный долг», «Есть еще порох в прохоровницах», «Идите ко мне, бандерлоги!», «Навеки в памяти народной», «Премьерная привлекательность», «Проигравших не судит», «Цари полей» и другие материалы, опубликованные во второй половине 2011 – начале 2012 г. (период, связанный с выборами Президента Российской Федерации, – время, когда политические события должны описываться журналистами максимально объективно).

К изучению концепта «политика», представленного в публикациях А.И. Колесникова, было решено подойти с лингвистических (лингвокультурологических) позиций². Структуру концепта мы восстанавливали через изучение соответствующего ему фрагмента языковой картины мира³ путем выявления и анализа имеющихся в рассматриваемых текстах лексико-семантических полей⁴.

Фрагмент «политика» языковой картины мира А.И. Колесникова представлен в исследуемых текстах лексико-семантическим полем с архисемой «политика»⁵.

Ядром данного лексико-семантического поля (далее – ЛСП) является слово «политика» в своем основном значении:

ПОЛИТИКА (греч. *politika* – общественное дело). Деятельность органов государственной власти и управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других общественных группировок, определяемая их интересами и целями. (*Внешняя, внутренняя, государственная политика. Мирная, агрессивная политика. Дальновидная, осторожная политика* и т. д.)⁶.

Показательно, что в Большом толковом словаре русского языка, вышедшем под редакцией С.А. Кузнецова (издание имеет гриф Российской академии наук), отмечено, что деятельность общественных классов, партий и других общественных группировок определяется *их* интересами и целями, а совсем не благом государства и не интересами народа.

К ядру ЛСП примыкают лингвистические единицы⁷ (далее – ЛЕ), имеющие корень *-полит-*, и их ближайшее окружение.

ЛЕ *политический уровень* предполагает наличие других, не охваченных политикой уровней, как и ЛЕ *политическая сфера*; таким образом, в репортажах А.И. Колесникова присутствует косвенное указание на ограниченность влияния политики.

ЛЕ *внешняя политика, валютная политика, внутренняя политика, социальная политика, прикладная политика* указывают на направления политики, которые нашли отражение в исследуемых текстах.

Для автора репортажей имеет значение «статусность» политики, поэтому в текстах присутствуют ЛЕ *большая политика, политическая сила*.

Политика – это сфера, предполагающая действия, о чем свидетельствуют ЛЕ *политические решения, политическое регулирование*.

Политические действия имеют системный характер: ЛЕ *политическая система* (в том числе переходного периода), *современное политическое устройство* тому подтверждение.

Эта система влияет на жизнь общества, о чем говорят ЛЕ *политическая ситуация, текущий политический момент*.

Политическая система не однородна, потому возникают *политические споры* и даже *политическая борьба*, появляется *конкуренция в политике*.

Неправильные политические решения, неверные политические действия не лучшим образом сказываются на благополучии страны и политической ситуации в мире, поэтому в текстах встречаются ЛЕ *политические издержки, геополитические проблемы*.

Политическая среда бывает нестабильна и даже агрессивна, о чем свидетельствуют ЛЕ *политическая нервозность, внутренние политические угрозы*.

Что касается международного авторитета России, то, исходя из анализа рассмотренных нами репортажей, можно предположить, что авторитетом наша страна, по мнению А.И. Колесникова, не пользуется, поскольку иностранных инвесторов приходится *убеждать в превосходстве* России (точнее, в том, что инвестирование в Россию перспективно). И все же международные отношения продолжают развиваться: в текстах встречаются ЛЕ *иностранные коллеги, идея Евразийского союза, законодательство о таможенном регулировании, иностранные инвестиции, западные инвесторы*.

Из стран бывшего Советского Союза Россия теснее всего сотрудничает с Беларуссией и Казахстаном, об этом говорят ЛЕ *формировать таможенное пространство* (трех государств – Белоруссии, Казахстана и России), *запуск единого экономического пространства трех государств*.

Внутренняя политика представлена в репортажах шире, чем внешняя, но исследуемые тексты не дают о ней точного представления (есть указание лишь на отдельные моменты): *налоги повышаются, нужны источники пополнения бюджета, заспорить об уровне средних зарплат, зерновые интервенции, исторический съезд «Единой России», рабочая поездка (Путина в Ставропольский край), посещение (Путиным) сельскохозяйственного предприятия «Родина», вводить ограничения, чтобы не оставить страну без хлеба.*

Важное место в описываемом ЛСП занимает слово *политик* в значении «тот, кто занимается вопросами политики, политический деятель» и окружение данной ЛЕ.

Это слово является ядром ЛСП с архисемой «политик» (входящего в ЛСП *политика*).

В ближайшее окружение ЛЕ *политик* входят ЛЕ, образующие лексико-семантическое поле *субъекты политики*: *Владимир Путин = премьер России = председатель правительства России = кандидат в президенты России Владимир Путин = избранный президент Владимир Путин*; есть и оценочные ЛЕ, вступающие с данными в парадигматические отношения – *бурепоклонник, царь полей*; гораздо реже встречается ЛЕ *Дмитрий Медведев = президент = первый номер предвыборного списка = царь полей*; еще реже другие ЛЕ, например *Михаил Прохоров = кандидат в президенты, лидер ЛДПР Владимир Жириновский, глава КПРФ Геннадий Зюганов, лидер «Справедливой России» Сергей Миронов, оппоненты, ЦИК, лидеры партий*. Это связано с тем, что основным действующим лицом репортажей является В.В. Путин.

На периферии ЛСП *политик* и в то же время на периферии ЛСП *политика* находится группа слов, называющих лиц, общающихся с политиками или оценивающих их действия. Эта группа весьма разнообразна: *человек-гора Александр Карелин, политолог Дмитрий Орлов, практикующий психиатр из Читы, кинорежиссер Юрий Кара, ректор МГУ им. Ломоносова Виктор Садовничий, сосед, композитор Алексей Рыбников, калмыки, стар, млад, девушки с Украины, человек, готовый на все, наблюдатель от КПРФ, люди с открепительными талонами, западные корреспонденты, главный раввин России Берл Лазар, байкер Александр Залдостанов (Хирург), хрупкая юная брюнетка, Олег Табаков, Тимати и другие. Такая неоднородность будто подчеркивает значимость политических событий и действий политических деятелей для жизни страны. То, что входящие в ЛСП ЛЕ называют знаменитых людей, не случайно: если объект (политика или политик) привлекает внимание таких людей, то он в самом деле достоин внимания. Присутствие ЛЕ, на-*

зывающих «людей из народа», тоже объяснимо: политика – область якобы общедоступная, волнующая всех.

Большое значение для понимания смыслового наполнения концепта «политика», представленного в репортажах А.И. Колесникова, имеет ЛСП *действия субъектов политики*, входящее в ЛСП с архисемой «политик». ЛЕ данного ЛСП свидетельствуют об индивидуальном подходе автора к выбору и оценке фактов: Владимир Путин накануне выборов *поинтересовался по поводу зарплаты* строителей дороги (очевидно, что такими вопросами интересоваться мало, надо что-то делать, чтобы люди имели возможность на свою зарплату достойно жить), *терпеливо вникал во множество узкоспециальных предложений транспортников* (ЛЕ *терпеливо вникал* будто подчеркивает волевое усилие над разумом, незаинтересованность), *принял участие в конференции Союза транспортников, произвел осмотр новой дороги России, исполнил свой музейный долг, рассказал, что в коррупции обвиняют не «Единую Россию», а партию власти, призвал привлечь к борьбе с коррупцией средства массовой информации, встретился с членами «Общероссийского народного фронта», приехал в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, написал статьи «Демократия», «Экономика», «Национальные отношения», «Международные отношения», «Социальная политика», 180 километров трассы беседовал со специальным корреспондентом издательского дома «КоммерсантЪ» Андреем Колесниковым, в решении вопросов исходит из их важности*. Перед нами образ деятельного политика, но не очень ясно, в чем же суть его действий, – описываемое журналистом будто лежит на поверхности; кажется, что все должно быть гораздо глубже.

Удивляет включение в текст ЛЕ *перестают думать* о том, какие нас ожидают политические издержки в ходе решения проблемы, даже *не очень задумываюсь*, какие последствия ожидают меня лично (высказывания В.В. Путина).

Значительная часть ЛЕ, входящих в ЛСП *действия субъектов политики*, в то же время входит в ЛСП с архисемой «выборы»⁸, которое в текстах репортажей представлено очень широко: *предвыборные действия, предвыборная агитация, встреча с избирателями, запись в свою партию, кандидат в президенты, разбирать достоинства кандидатов, выборы в Госдуму, участники кампании, голосовать, избирательный участок, проигравшие на выборах, победитель, победа легитимна, аннулировать результаты, фальсификация, перестать критиковать друг друга, группа единомышленников, поздравить с результатами выборов*.

Для исследуемых репортажей характерно ироническое отношение к выборам и к предвыборной кампании. Об этом свидетельствуют ЛЕ, называющие *действия субъектов политики*: Путин и Медведев *сражались за урожай, решительно наступали на стоящую стеной кукурузу, погрызли семечек* (во время одного из мероприятий предвыборной кампании), *втягивались в узкоспециальный сельскохозяйственный разговор*, «господин Путин» *крутит баранку своей Kalina Sport (канареечного цвета), начал демонстративно стряхивать пылинки с пиджака, произнес фразу*, которую он за следующие три часа *повторил еще много раз*: «Мне казалось, что то, что там, в моих статьях написано, этого достаточно»), *поговорил с Николаем Фоменко и Олегом Табаковым об искусстве* («это занятие у интеллигентных людей – минуты на две обычно»), *отдавал долги* (встречался с теми, кто снялся в роликах в его честь). Путин и Медведев *перебивали друг друга на глазах у изумленной публики*.

Ведущие политические деятели страны выглядят в текстах журналиста не очень респектабельно. Впрочем, как и политики второстепенные: Михаил Прохоров *в помятой футболке, возится с магнитофоном* («кажется, после этого магнитофон, до того подававший признаки жизни, окончательно заглох»), *отвоевывает у избирателя ступеньку за ступенькой, играет в баскетбол с ветеранами* (вместо того чтобы попытаться решить те проблемы, с которыми они сталкиваются в жизни), признал, что он теперь *новый российский политик* (чем новый российский политик отличается от старого, репортажи не объясняют).

ЛЕ, называющие действия лиц, не являющихся политическими деятелями, но имеющих отношение к предвыборной кампании и выборам, иллюстрируют восприятие россиянами этого политического события: ученые *остались в буфете*, разряженные девки по разнарядке *пели под балалайки*, выступающая *приехала из Воронежа на крыльях любви*, девушки *рвались к избирательным урнам* (затем девушек «посадили в полицейскую девятку», они «разъехались, не испортив праздник, а даже украсив его»), *неистовствовали* распоясавшиеся парни, люди *облепили* Михаила Прохорова, в республике Коми *украли* члена участковой избирательной комиссии (речь шла об обряде похищения невест перед свадьбой), Садовничий *рассказывал*, что «никто не хочет, чтобы Россия была процветающей страной» («оказалось, к счастью, что он имеет в виду не присутствующих и не себя, а прежде всего зарубежных коллег»), «Тимати *сделал знак “V”* двумя пальцами, то же самое *произвел* и господин Путин, получилось в переводе на русский, как ни крути, «ВВ»».

На фоне всеохватывающей иронии даже те предложения, которые могли бы решить существующие проблемы, кажутся абсурдными: психиатр в качестве *выхода из тупика* предложил подумать о *смене руководства российских телеканалов*.

Продолжая описание ЛСП *политика*, необходимо отметить ЛСП *место действия субъектов политики*: Москва, здание мэрии на Новом Арбате, фойе Российской академии наук, избирательный участок в Москве, Ставропольский край, Новосибирск, нейтральная территория, пансионат «Жуковка-2», отель «Балчуг», Музей изобразительных искусств имени Пушкина, актовый зал, оформленный в бело-сине-красные тона, участки фронта = поля, трасса Хабаровск–Чита (часть ЛЕ подчеркивает официальность действия, часть – указывает на географию внутренней политики, часть намекает на близость ведущих политиков к народу, отдельные ЛЕ подчеркивают неожиданность ситуации).

ЛСП *объекты действия политиков* довольно размыто, оно пересекается с другими ЛСП (например, с ЛСП *действия субъектов политики*), на его описании останавливаться не будем.

Важной, хоть и немногочисленной, составляющей ЛСП *политик* является ЛСП *качества политика*, с которым связаны ЛЕ *талант политика, талантливые люди в политике, политические торопыги, политическая зависимость от рейтинга*. Даже приведенные ЛЕ показывают, что политика требует особого таланта, но этот талант не у всех политиков есть. Мы решили проверить, встречаются ли в исследуемых текстах ЛЕ *качество, качественный* (называющие «то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-нибудь» – например, качество работы, душевные качества человека, личностные качества политика). Нами были найдены ЛЕ *качество пассажиров* («надо переходить от количества перевезенных пассажиров к их качеству»), *качественные пассажиры* (только осталось не совсем ясным, что имелось в виду). ЛЕ *качества политика, нравственные качества, качество работы* и подобные нами обнаружены не были.

ЛСП *качества политика* должно пересекаться с ЛСП *нравственность* (значительная часть профессиональных качеств политического деятеля должна быть связана с системой его принципов, взглядов, определяющих нормы поведения, – с нравственностью, моралью). Но в исследуемых текстах мы не нашли ЛЕ *нравственность, нравственный*. ЛЕ *моральный* встретилась лишь один раз: «моральная установка! Надо вывести все в позитив! К лету надо поднять настроение страны!» (связь между настроением страны и моралью нам кажется сомнительной).

Нравственные основы современной политики в текстах практически не представлены, но все же ЛЕ со значением «уважать» (уважение к другому человеку – важнейший нравственный закон) в текстах встречались (приведем все примеры): *уважаемый будущий президент, высокоуважаемый министр Кудрин, привычка уважать директоров есть, с уважением относиться к москвичам, уважение к собеседнику, нужно уважать мнение меньшинства* («но подчиняться выбору большинства», «меньшинство не имеет права навязывать большинству свою точку зрения»); о «качестве» «меньшинства» и «большинства» вопрос не стоял, не сказано было и об уважении к жителям других регионов).

С понятием «нравственность» связано понятие «честь». ЛЕ с корнем *чест-*, как и ЛЕ с корнем *уваж-*, входят в ЛСП *нравственность*. Владимир Путин дает *честное партийное слово*, ЛЕ *честные выборы* указывает на то, к чему надо стремиться (ряд субъектов политики высказал мысль о том, что *выборы прошли нечестно*); нами были отмечены ЛЕ *честные лица, честно признался, честно искал*. Чаще смысл слов с этим корнем был размыт: *честно говорю, честно говоря*, ролики в его [Путина] *честь*, делегировать эту *честь* Виктору Садовничему. ЛЕ *совесть* и однокоренные в анализируемых текстах отсутствовали.

Важны для понимания политики ЛЕ *ответственная должность* (Президент Российской Федерации), (президент) *отвечает за все, решения на политическом уровне более ответственные*, правительство *несет ответственность* за социально-экономическое положение в стране, *личная ответственность, ответственность перед людьми*. Наличие этих ЛЕ свидетельствует о том, что такое качество политика, как ответственность, ценится. Но иронические комментарии А.И. Колесникова заставляют нас сомневаться – либо в том, что президент – ответственная должность, либо в том, что «действующий премьер» верно понимает меру своей ответственности, либо в том, что Путин – ответственный человек: «Действующий премьер еще некоторое время говорил о том, какая это ответственная должность – Президент Российской Федерации. Он отвечает за все – ведь он даже главнокомандующий. Прочитав этот курс молодому бойцу – одному из начинающих журналистов, премьер направился к выходу».

Интересно было также проследить, как понимается долг в рассматриваемых репортажах. ЛЕ *должны*: есть вещи, которые *должны* сделать только вы, российская государственность *должна* быть устойчива к внутренним воздействиям, внешним проблемам, *должны* быть уверены в том, что российская государственность – сбалан-

сированный механизм, *должно* быть реальное разделение властей, власть *должна* быть самодостаточной и иметь собственную компетенцию, *должен* это констатировать, больше бесплатной медицины *должно* быть, *должен* честно сказать, *должны* действовать независимо, рыбалка *должна* оставаться бесплатной, *должны* идти за картошкой – отражают модальность долженствования, ЛЕ *музейный долг* («Владимир Путин исполнил свой музейный долг») связана с «высоким» значением этого слова, но употреблена с ироническим оттенком (Путин «отправился в Пушкинский на Караваджо»).

Для выявления сущностных черт, присущих современной политике, важно ЛСП с архисемой «черты, присущие политике»⁹, в которое входят ЛЕ *фальсификация, надули, обманули самым примитивным образом* (в политике «такие элементы, как минимум элементы надувательства, встречаются нередко»). Им противопоставлены ЛЕ *говорить правду, сказать правду, говорить соленую правду*. Несмотря на неуместную шутку («соленая правда хороша с пивом»), В.В. Путин все же представляется нам (согласно тексту репортажей) честным политиком («Никогда не обещать того, что невозможно исполнить, – заявил премьер. – Никогда не обещать того, что в конечном счете приведет к разрушению системы. И всегда говорить правду»).

ЛЕ *доброта* в текстах не встречается, есть однокоренные с ней: злая мэрия и *добрый* кандидат, *добрый* товарищ, ЛЕ *любовь* встречается редко: *любовь* к Нему (= к Богу: о картине «Поклонение пастухов»), *любовь* к родине, есть иронически употребленная ЛЕ *любимая* оппозиция; ЛЕ *патриот* в текстах найдена не была.

Политическая жизнь страны, отраженная в репортажах А.И. Колесникова, на наш взгляд, воспринимается немного поверхностно. Вероятно, это связано с тем, что категории нравственности и высшие жизненные ценности, как правило, не находят отражения в анализируемых текстах.

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы попытались восстановить ЛСП *цели и задачи политиков*, входящее в ЛСП *действия субъектов политики*.

ЛЕ, называющие цели: *создать механизм устойчивой российской государственности, переустройство* российской жизни в целом, чтобы общество и государство *остались конкурентоспособными*; ЛЕ, называющие задачи: *сбалансированные отношения* между гражданским обществом, *реальное разделение властей, продвигаться* в интеграционной сфере, *запуск* единого экономического пространства, *координировать* валютную политику, *поддерживать спокойствие и порядок* в Госдуме, *привести в поря-*

док все федеральные трассы, *повысить жалование* инспекторам ГИБДД. ЛЕ, указывающие на способ достижения целей и решения задач, часто воспринимаются как-то пародийно: *привлечь* дополнительный *человеческий потенциал* на Дальний Восток, *отменить* все без исключения *налоги* для бизнеса в этом регионе, *недобор налогов* *взять в других местах*, *догнать и перегнать Америку*.

Чтобы политическая жизнь страны была более осмысленной, необходима некая идея. ЛСП с архисемой «идея» («национальная идея») в репортажах практически отсутствует. Лишь ЛЕ *идея* указывает на наличие некой идеи, которая по своей глубине, по своим масштабам национальной быть не может: «Господин Путин несколько лет назад уже предлагал эту *идею* в качестве национальной» («ввести конкуренцию в общественную и политическую сферу»), *идея* демократии как сервиса, «политолог Виталий Третьяков предложил также в развитие газетных *идей* Владимира Путина в практической плоскости “создать министерство политической реформы” и попросил не путать такое министерство с “министерством правды и любви”», *идея* Евразийского союза; «основой основ национального благополучия является *музыкальное воспитание нации*». Несмотря на неопределенность понятия *национальная идея*, ЛЕ *дискриминация русских идейных течений* в текстах присутствует.

В ЛСП *политика* выделяется ЛСП *мнение*, в которое входят ЛЕ, передающие мнение политиков и неполитиков о политике и о политиках, мнение автора.

Мнение Путина передают ЛЕ: *превосходство* России, Россия *готова* к глобальному кризису, потенциальные возможности России *колоссальны*, *принципиально новое* законодательство (о таможенном регулировании), *такой народ, на все способный*.

Несколько суждений В.В. Путина приведем целиком (все ЛЕ, в них входящие, являются составляющими ЛСП *мнение*).

У нас, по сути, экономика переходного периода, и эту экономику переходного периода обслуживает политическая система переходного периода. И, по мере того как у нас экономика будет становиться более зрелой, эффективной, нам, конечно, потребуются другие способы политического регулирования.

В целом страна у нас устойчиво развивается, нормально, я проблем никаких не вижу, ну, кризис нас немного подзадержал.

Есть вещи фундаментального характера: любовь к родине, ответственность перед людьми. И в этом смысле никаких изменений со мной не произойдет.

Очень важно для понимания отношения А.И. Колесникова к политике ЛСП *мнения / комментарии автора*, которое одновременно входит в ЛСП *автор* и в ЛСП *мнение*.

Процитируем некоторые комментарии.

В.В. Путин: «И вот главное: нельзя вбрасывать в экономику страны деньги, которые реальным сектором страны не заработаны. (Он так страстно сказал это, что руль у него в руках вильнул, и мы едва ли не вырвались на встречную. Впрочем, можно было бы не беспокоиться: машин там не было, а гаишники на всякий случай сами расчищали нашей канарейке дорогу.)». Насколько значима для раскрытия образа премьера такая деталь, следует ли искать в этом комментарии метафорические смыслы – на эти вопросы мы однозначно ответить не можем.

Вот еще один штрих к портрету В.В. Путина: «Временами человек в темных очках и серой футболке за рулем искренне казался мне таксистом, к которому я подсел, разговорчивым таким человеком, которому хотелось скоротать время за длинной дорогой, потому он меня и подобрал». На первый взгляд броская деталь. Но с какой целью она включена в текст? Показать простоту премьера?

«Не бросайте мотоцикл, – говорил тем временем Хирург Владимиру Путину. – Ни в коем случае не бросайте! Господин Путин, видимо, пару раз уже бросал, причем со всей силы» – что хотел сказать автор, остается загадкой.

Комментарии о действиях и мнениях других политиков часто тоже оставляют нас в недоумении: «Очевидно, он [Прохоров] хочет, чтобы вертикаль развивалась быстрее горизонтали».

Не лишен смысла, но лишен достаточных оснований следующий комментарий: «Михаил Прохоров и правда хочет этим (политикой) заниматься, потому что все остальное ему уже надоело».

Можно было бы предположить, что ни Путин, ни Прохоров уважением автора репортажей не пользуются. Но как объяснить его высказывание об ученых? Ученые «обычно выдают себя с головой, вернее головой: на ней либо очки, либо борода, либо чудотворная лысина (так блестит, что кажется, над головой нимб), либо до нехорошего пыливый взгляд».

Большая часть комментариев автора построена на эмоциях, насмешка подменяет анализ, а иногда, возможно, прикрывает нечеткость политической позиции. Автор будто отрицает все, но ничего не предлагает взамен. Несущественные детали даются вместо главных, материалы на серьезные темы становятся легкими (а значит, для определенного круга читателей привлекательными).

В ЛСП с архисемой «политика» входит ЛСП «политическая журналистика». В это небольшое по объему поле входят ЛЕ *политическая журналистика*, *политический обозреватель*. Мнение В.В. Путина о политической журналистике, приведенное в одном из репортажей, позволяет говорить о пересечении этого ЛСП с ЛСП *мнение*:

Есть разные журналисты. И если иметь в виду, что политическая журналистика всегда оппозиционна к власти, к ней нужно относиться как к боли: это неприятно, но она нужна организму.

В ЛСП *политика* входят ЛЕ, свидетельствующие о возможности влияния на политическую жизнь страны: *управление внутренней политикой*, *способы политического регулирования*, и ЛЕ, говорящие о том, что политика предполагает научный подход, в том числе ЛЕ *политолог*. А ЛЕ *политическое будущее* говорит о том, что не все безнадежно.

При знакомстве с репортажами А.И. Колесникова читателя захватывает динамичность сюжета, подкупает изысканность стиля. Но следует помнить, что воздействие публицистического текста на сознание аудитории важнее стилистического лоска. Журналист участвует в формировании национальной концептосферы и, безусловно, несет ответственность за транслируемые его материалами нравственные ценности.

Примечания

¹ Сайт компании «TNS Media Intelligence». / URL:<http://www.tns-global.ru/rus/index.wbp>.

² Мы придерживались культурологического по своей сути понимания термина «концепт», закрепленного в книге Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры»: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». Концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека не в виде четких представлений, связанных с определенным словом, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает данное слово. «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций – симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001). У концепта сложная структура. К ней относится и все то, что связано со строением понятия, и все то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные оценки (Степанов Ю.С. Концепт // Библиотека: Теория языка / Сайт кафедры об-

щего и сравнительного языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова / http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml]. Множество концептов в их взаимодействии, объединяясь в концептуальную картину мира, воплощают определенную систему знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Концептуальная картина мира трактуется многими современными лингвистами как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, включающий в себя существенные свойства мира и являющийся результатом всей духовной деятельности человека. Одна из имеющихся в сознании человека семиотических систем, отражающих концептуальную картину мира, – язык.

³ Под языковой картиной мира (вслед за Ю.Д. Апресяном, А. Вежбицкой, Е.С. Яковлевой и другими) мы понимаем «зафиксированную в языке специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности». «Языковая картина мира – это своего рода мировоззрение через призму языка» (*Яковлева Е.С.* К описанию русской языковой картины мира // *Русский язык за рубежом.* 1996. № 1, 2, 3. С. 47). Между языковой и концептуальной картиной мира нет знака равенства, но они тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены. Концептуальная картина мира влияет на языковую, частично воплощаясь, материализуясь в ней. Языковая картина мира влияет на концептуальную, давая человеку и народу те или иные средства для закрепления в знаковой (языковой) системе тех или иных мыслительных образований (концептов). Языковая картина мира отдельного человека – при обязательной общей соотнесенности с лексико-семантической системой языка – во многом индивидуальна, поскольку из бесконечного числа связей, которые имеет каждый объект, каждое понятие с другими объектами и понятиями, говорящий (пишущий) актуализирует привлекающие его черты и связи (см.: *Так В.Г.* Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 43).

⁴ Лексико-семантическое поле – это совокупность лексических единиц, «объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (*Кузнецов А.М.* Поле // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 380). У единиц, входящих в лексико-семантическое поле, есть общая (объединяющая их) сема (сема – «минимальная, предельная единица плана содержания»; «семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явления действительности»: *Новиков Л.А.* Сема // *Лингвистический энциклопедический словарь.* С. 437), или архисема. Языковые единицы, составляющие лексико-семантическое поле, обозначают «частичку действительности», выделенную в человеческом опыте (*Поле* // *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 334). Мы рассматриваем лексико-семантическое поле как языковой эквивалент концепта (слово «эквивалент» понимаем достаточно широко: концепт не может быть полностью запечатлен ни в одной из

знаковых систем). При выявлении лексико-семантических полей, представленных в анализируемых текстах, мы сочетали ономаσιологический и семасиологический подходы.

- ⁵ Далее архисема лексико-семантического поля и входящие в поле лингвистические единицы включаются в текст работы без кавычек и выделяются курсивом. В данной статье при описании лексико-семантического поля приводятся не все языковые единицы, входящие в рассматриваемое поле, которые присутствуют в исследуемых текстах, а лишь те, которые важны для выявления структуры ЛСП с архисемой «политика» и концепта «политика».
- ⁶ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: НОРИНТ, 2000. С. 902.
- ⁷ Лексические единицы, входящие в лексико-семантическое поле, в статье часто приводятся в сочетании с лексическими единицами, связанными с ними синтагматическими отношениями.
- ⁸ Часть ЛСП с архисемой «выборы» выходит за пределы ЛСП с архисемой «действия субъектов политики», поскольку включает ЛЕ, называющие как субъектов политики, так и ее объекты (т. е. ЛСП с архисемой «выборы» пересекается с ЛСП с архисемой «субъекты политики» и входит в ЛСП с архисемой «политика»).
- ⁹ Это ЛСП пересекается с ЛСП с архисемой «нравственность».

Н.А. Сацирова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ТЕЛЕВИЗИОННОГО ИНТЕРВЬЮ
(На материале каналов «Россия 24» и «Москва 24»)

В статье рассматриваются прагматические ошибки, которые допускаются в эфире телеканалов «Россия 24» и «Москва 24» как ведущими, так и участниками информационных программ, а также влияние прагматических неудач на восприятие текста аудиторией. Основная цель проведенного исследования – выявить важнейшие прагматические характеристики и погрешности современного русского информационного телетекста на примере телевизионного интервью. Актуальность исследования обусловлена тем, что стилистика данных каналов ранее не была предметом специального изучения.

Ключевые слова: прагматика, прагматические неудачи, телевизионная речь, интервью.

Сегодня СМИ ориентируются преимущественно на распространение новостей. При этом тексты новостных программ давно перестали выполнять только информативную функцию. Медийные потоки активно создают новые ценности и стереотипы поведения. Под воздействием медиатекста формируется общественное представление о мире.

Телевидение – одно из самых эффективных средств управления общественным сознанием. Изучение теленовостей в прагматическом аспекте предполагает прежде всего определение механизмов целенаправленного воздействия как на аудиторию в целом, так и на каждого зрителя в частности.

В данной статье представлены результаты прагматического анализа материалов российских информационных телеканалов круглосуточного вещания.

Канал «Россия 24» начал свою работу 1 июля 2006 г. Данное СМИ охватывает самую широкую зрительскую аудиторию –

50,75%¹, так как вещает в числе обязательных каналов в базовых пакетах операторов кабельного и цифрового телевидения. Сегодня в его программе несколько десятков передач, освещающих в разных жанрах важнейшие политические, экономические, социальные, культурные и спортивные события в стране и мире.

После создания канала большинство экспертов склонялось к мнению, что это политический проект, который будет оказывать влияние на общественное мнение перед парламентскими и президентскими выборами². Однако в последнее время телевизионные критики все чаще говорят о беспристрастности канала и его хорошем профессиональном уровне³. Так, по данным исследовательской компании «Медиалогия», «Россия 24» занял первое место за 2011 г. как самый цитируемый федеральный телеканал, опередив «Первый» и «НТВ»⁴. Кроме того, «Россия 24» попадает в топ-10 самых цитируемых ТВ-каналов в ежемесячном рейтинге.

Еще один телеканал российского медиахолдинга ВГТРК – «Москва 24» – начал вещание с сентября 2011 г. Основная задача нового СМИ – максимально подробно и оперативно информировать обо всех событиях, происходящих в столице. Несмотря на то что телеканал заявлен как не политический, а информационно-развлекательный, он, подобно любому СМИ такого уровня, формирует мнение зрителя. На канале, кроме большого количества развлекательных и познавательных молодежных программ, ведется постоянный диалог москвичей с властью.

На основании сказанного можно утверждать, что выбранные для исследования средства массовой информации существенно влияют на общественное мнение.

Современная публика может воспринять информационный текст и положительно, и отрицательно. Журналисты, в свою очередь, для формирования у зрителей ожидаемой позиции в отношении политических, социальных и культурных событий используют различные речевые приемы. С прагматической точки зрения язык можно рассматривать «как коллективную речевую практику, тесно связанную с законами жизни социума, психологии личности, с особенностями мировосприятия человека, его когнитивной базы, с культурными стереотипами и национальными традициями»⁵. При анализе журналистского речевого произведения неизбежно встает вопрос о его прагматической адекватности, т. е. соответствии решаемым автором задачам.

Ярче всего прагматические проблемы проявляются в жанре интервью. Если новостные тексты пишутся заранее и каждое слово продумывается, а неудачные фрагменты просто вырезаются, то во

время интервью, тем более если оно выходит в эфир в режиме онлайн, сложно предугадать ход разговора.

Безусловно, личность гостя и качество его речи имеют большое значение для успеха телеинтервью. Но нельзя недооценивать и функции профессионального журналиста, организующего диалог и способного в ряде случаев скорректировать речевое поведение собеседника.

Если журналист и его гость говорят на одну и ту же тему, это совсем не означает, что они формируют у зрителей одинаковое мнение. В зависимости от того, сходятся ли позиции ведущего и гостя или же, наоборот, кардинально различаются, возможны несколько вариантов построения интервью.

В первом случае журналист и интервьюируемый преследуют одни и те же цели. Здесь важно сотрудничество между собеседниками. Они дополняют друг друга. Журналист своими вопросами ведет участника программы в прагматически верном направлении и тем самым помогает сформировать у зрителя правильное, с его точки зрения, мнение. Здесь примером может служить программа «Мнение», гостем которой стал председатель Счетной палаты С.В. Степашин⁶.

Э.В. Закамская начинает общение, казалось бы, с нейтрального вопроса: «Каждая проверка Счетной палаты в последнее время – это всегда широкий общественный резонанс, чего бы это ни касалось – «Банка Москвы», транспорта и дорог, лесного фонда. Могу долго достаточно перечислять... Это что значит? Улучшается качество аудита или воровать стали больше?»

Уже сама формулировка первого вопроса дает понять, что у ведущей нет цели показать зрителю негативные стороны работы Счетной палаты. Наоборот, журналист дает собеседнику возможность рассказать о достижениях организации. И неважно, какой ответ даст гость – «улучшилось качество аудита» или «воровать стали больше». Любой вариант покажет только позитивную сторону инспекторской деятельности Счетной палаты. Ведь если и стали больше воровать, то не сотрудники организации, а учреждения, которые попадают под ее проверку.

С.В. Степашин умело воспользовался данной возможностью: «Стали больше знать о нашей работе благодаря и этой гласности, и благодаря журналистам, кстати. И вам, и нашей сегодняшней передаче <...> У нас неплохой квалифицированный подбор кадров, очень неплохая зарплата. Ну и, в-третьих, если брать резкое увеличение количества финансовых нарушений, оно было связано с тем, что мы ... затронули тему Москвы впервые, мы Москву не смотрели и транспортный ее комплекс».

Говоря о значимости гласности и отмечая вклад работников СМИ в освещение работы Счетной палаты, эксперт располагает к себе журналиста и аудиторию. Можно заметить, что в своей речи С.В. Степашин часто использует оценочные слова, причем преимущественно позитивизмы: «больше», «благодаря», «неплохой». Такие определения «составляют благодатный материал для обоснования прагматической концепции значения. Будучи прямо связаны с говорящим субъектом и отражая его вкусы и интересы, они в то же время регулярно употребляются в высказываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию. Оценка тесно спаяна с коммуникативной целью речевого акта, программирующего действия. Оценка предназначена для воздействия на адресата»⁷.

Э.В. Закамская дает С.В. Степашину возможность высказаться и достичь цели – показать активную деятельность Счетной палаты, рассказать о ее достижениях. Поскольку цели интервьюера и интервьюируемого совпадают, у зрителя единое впечатление: Счетная палата работает, руководство ведомства заботится и об условиях труда своих сотрудников, и о гражданах страны, выявляя нарушения в различных структурах и откровенно рассказывая о них населению. В данном случае достижение цели происходит легко, так как здесь удачно сочетаются все элементы воздействия: и бесспорный авторитет спикера, и его статус. Важную роль играют благородная внешность, грамотная речь, поставленный голос.

Однако часто в эфире можно наблюдать иную ситуацию, когда цели участников разговора расходятся. При этом необходимо помнить, что прагматические ошибки журналиста могут сформировать у зрителя мнение, не вполне соответствующее и даже противоположное редакционному.

«Мнение» всегда посвящено актуальным темам. Так, министр спорта, туризма и молодежной политики РФ (с 21 мая 2012 г. – министр спорта РФ) В.Л. Мутко на вопрос ведущей программы о том, почему у туроператора «Ланта-тур вояж» возникли финансовые проблемы и обнаруживаются ли в ситуации элементы уголовного преступления, ответил: «Понимаете, мы вообще должны были уважительно ... я не сторонник таких заявлений и не могу сегодня давать оценки. Думаю, вообще мошенничество в данном случае, когда человек забирает деньги и уводит их куда-то и не оплачивает что-то. Здесь же некая такая системная проблема в управлении в экономике, когда мы еще не до конца отрегулировали рынок туристический»⁸.

Стоит напомнить, что банкротство «Ланта-тур вояж» стало одним из самых громких скандалов с туроператорами. От действий разорившегося туроператора пострадали, по разным оценкам, от 3 до 8 тыс. человек⁹. Каждый зритель представляет на месте пострадавших себя, а в лице руководителей желает видеть гарантов стабильности. Реплика же В.Л. Мутко создает у аудитории представление о том, что министр – на стороне туроператора.

В речи В.Л. Мутко встречаются такие формулировки, как «должны были», «уважительно». У зрителя программы возникает закономерный вопрос: кто и что должен был компании «Ланта-тур»? Кроме того, в предложении присутствует незаконченная мысль, что также негативно влияет на коммуникативную эффективность выступления. Отдельного внимания заслуживает слово «увести». В «Словаре русского языка» одно из его значений – «украсть» – характеризуется как просторечное и шутливое¹⁰. Вряд ли такая стилистика уместна в интервью крупного руководителя центральному телеканалу.

Недоверие к эксперту усиливается из-за типичных для его речи нарушений норм литературной речи. Например, В.Л. Мутко заявляет: «Сегодня *причиной такой является в том, что*, взяв этот пакет, сформировав турпродукт, продав, **значит**, сегодня, и дав на реализацию некоторым агентам своим, эти агенты не вовремя расплачиваются с туроператором»; «Сейчас бы мы не в ВТБ обратились, а собралось бы сообщество из своего страхового фонда, саморегулируемая организация покрыла бы сегодня эти все затраты, а потом бы разбиралась со своим, *значит*, компанией, которая работает на рынке, защитив, *таким самым* (вместо тем самым), имидж *рынка*».

Приведенные фрагменты интервью демонстрируют нарушение элементарных правил русского языка. Кроме того, министр довольно часто использует для заполнения пауз слова-паразиты. Такие заминки наталкивают зрителя на мысль о том, что В.Л. Мутко не может быстро подобрать нужное слово или не решается высказать какую-то мысль. Это в очередной раз убеждает аудиторию в неуверенности и малообразованности выступающего.

Известный американский теле- и радиоведущий Ларри Кинг, который провел более 50 тыс. интервью, в книге «Как разговаривать с кем угодно, когда угодно и где угодно» также разбирает смысл употребления в речи слов-паразитов, или, как он их называет, слов-«пустышек»: «Почему же люди пользуются этими словами? Потому что это костыли – языковые костыли. На них удобно опереться, когда вам не хватает слов, но, если вы не научитесь обходиться без них, ваша речь всегда будет хромать»¹¹.

Использование лингвистического мусора негативно сказывается на прагматическом аспекте публичного выступления, снижает динамику и затрудняет восприятие диалога. Зритель, обнаруживая в выступлении гостя одну ошибку за другой, теряет интерес к теме и к самому говорящему. В итоге, что бы участник программы ни говорил дальше, его мнение остается не воспринятым аудиторией.

В качестве еще одного примера расхождения целей ведущего и гостя стоит привести программу «Интервью», которая выходит на телеканале «Москва 24». В рассматриваемом случае к сбою приводит некомпетентность журналистки в теме, поднятой в эфире, а также нарушение языковых норм.

Один из выпусков был посвящен теме моды для людей с ограниченными возможностями¹². Ведущая Елена Толстая, поприветствовав гостей – генерального директора культурного центра «Без границ» Я.В. Урусову и поэтессу В.Н. Полозкову, начала разговор: «Вот смотрите, если даже вспомнить еще советское время, ведь тогда людей с ограниченными возможностями, с ограниченной мобильностью старались как-то, в принципе, *изолировать от общества*, потому что советский человек должен быть таким здоровым, счастливым и вообще идеальным».

Что значит «изолировать от общества», журналистка не объясняет. Это дает зрителю возможность предположить, что в советское время инвалидов лишали свободы, помещали в спецучреждения, не выпускали из квартир и т. д. Нужно учитывать и специфику целевой аудитории телеканала. В числе зрителей значительная часть тех, кто в сознательном возрасте застал советский период. И нельзя однозначно утверждать, что ассоциации с прошлым у этой категории людей негативные. Таким образом, можно предположить, что из-за некорректного высказывания Е. Толстой уже с первых минут эфира зрители перестали доверять ведущей и программа потеряла значительную часть аудитории.

Приведем еще один пример из той же программы: «И даже сейчас фэшн-индустрия, в принципе, дошла до *вот* этой тематики и начала развиваться. *Вот* почему это стало возможно только в XXI в.? И как в принципе *вот* моду можно соотнести с людьми с ограниченной мобильностью?». Или: «*Вот*, согласитесь, согласитесь, с учетом того, что мы говорим, как раз, *вот*, Вер, как вы сейчас сказали о благодарности, то в данном случае людям с ограниченной мобильностью, как раз, есть, за что, *вот*, вас в данном случае благодарить?»

Как мы видим, слово-паразит «вот» закрепилось в лексиконе ведущей и вошло в ее речь, став привычкой. Совершенно пустое слово сбивает ритм речи и мешает ее пониманию.

В передаче о моде для инвалидов Е. Толстая спрашивает гостя: «...в данном случае людям с ограниченной мобильностью, как раз, есть, за что, *вот*, вас в данном случае благодарить?» У зрителя возникает впечатление, что, по мнению журналиста, люди с ограниченными возможностями должны сказать спасибо за внимание, которое им оказывают. Генеральный директор культурного центра «Без границ» Я.В. Урусова считает нужным разъяснить ведущей, что ни о какой благодарности речь не идет: «Эта ситуация для обеих сторон, и нельзя говорить: “Они нам благодарны за то, что мы на них сейчас посмотрели”».

Данный пример показывает, что даже при наличии единой цели ведущей и интервьюируемых журналист иногда не направляет участников разговора, а, наоборот, сбивает их. Неточные формулировки вопросов Е. Толстой неоднократно заставляли гостей возвращаться к сказанному и многое разъяснять. Кроме того, неблагоприятное впечатление на зрителя произвели и многочисленные речевые ошибки, допущенные журналистом во время эфира.

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что прагматические цели журналистов и гостей могут совпадать полностью, частично или кардинально различаться. При этом в каждом из вариантов, независимо от поставленных задач, участников разговора всегда объединяет основная цель – коммуникативная. Как справедливо отметил В.Г. Костомаров, учитывая прагматическую адекватность телевизионных программ, самые несопоставимые медиатексты едины в главном – в необходимости любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся, обеспечить протекание коммуникативного процесса¹³. В свою очередь, Ларри Кинг замечает: «Чтобы стать хорошим собеседником, кроме готовности работать над собой, вам нужны еще, по меньшей мере, две вещи: искренний интерес к личности собеседника и открытость»¹⁴.

Если, в противоречии с принципом кооперации П. Грайса¹⁵, в ходе общения участникам не удалось достигнуть коммуникативной цели, а взаимодействие и взаимопонимание между ними отсутствовали, диалог можно признать прагматически неудачным. Ведь именно материалы массмедиа формируют вкусы аудитории и жизненные ценности, расставляют приоритеты и определяют особенности поведения, в том числе и речевого.

Анализ прагматических приемов и ошибок, встречающихся в телевизионном эфире, показывает, что нарушение коммуникативных постулатов нередко приводит к серьезным сбоям в общении с

адресной аудиторией. Подобные промахи влекут за собой частичное или полное непонимание.

Также стало очевидным, что успех и результаты общения зависят от многих факторов. Для достижения определенной цели разговора каждый из собеседников использует свои средства, добиваясь разной степени успеха. Тем не менее роль телеведущего всегда определяется зрителем как главная. Именно журналист формулирует тему, обозначает проблему, устанавливает рамки общения, ограничивает свободу выступающих. Кроме того, в ходе беседы ведущий меняет направление разговора. Именно журналист является для аудитории ориентиром, а его реакция на собеседника становится решающей.

В какой бы ситуации ни находился ведущий и как бы ни относился к своему гостю, он обязан проявлять корректность. Громкая речь, раздражительность, настойчивость в поведении журналиста могут вызвать отрицательные эмоции у аудитории и неблагоприятно отразиться на восприятии сообщения. Любое действие в кадре должно быть оправданным.

Для профессионала приоритетной задачей всегда остается получение максимума общественно значимой информации. Об этом точно сказал С.Н. Ильченко: «Интервью – целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов, с целью получения информации, мнений и суждений, представляющих общественный интерес»¹⁶.

Для достижения такого результата нужно быть хорошим коммуникатором и уметь в случае необходимости помочь собеседнику справиться с внутренним напряжением, избавиться от чувства неуверенности, боязни произвести плохое впечатление на аудиторию. Профессиональный ведущий помогает в такой ситуации изменить отношение гостя к проблеме или, наоборот, может не заметить неловкость спикера. Нередко искренний интерес к собеседнику и сопереживание делают журналиста успешным.

Конечно, приемы воздействия на аудиторию журналист определяет самостоятельно. Это зависит от времени выхода в эфир, формата программы, специфики аудитории, настроения ведущего. При соблюдении коммуникативных принципов кооперации со стороны как журналиста, так и собеседника интервью всегда оставит у зрителя позитивное впечатление и позволит журналисту решить профессиональные задачи.

- ¹ Реклама на канале «Россия 24» [Электронный ресурс] // Официальный сайт рекламного агентства полного цикла «Брэнд Медиа». URL: http://www.brandmedia.ru/serv__idP_51_idP1_68_idP2_3326.html (дата обращения: 16.09.2012).
- ² Долгошеева Е., Латухина К. Телеканал «Вести-24» станет общероссийским // Ведомости. 2007. № 32. 22 фев.
- ³ Тарошина С. Раздвоение телевизора [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3293479.shtml>.
- ⁴ Рейтинги СМИ. Федеральные СМИ – 2011 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационно-аналитической системы «Медиа-логия». URL: http://www.mlg.ru/ratings/federal_smi/2011/ (дата обращения: 24.07.2012).
- ⁵ Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова [и др.]. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 500–501.
- ⁶ «Мнение»: Сергей Степашин о коррупции, диких капиталистах и офшорах [Электронный ресурс] // Вести: интернет-газета. URL: <http://www.vesti.ru/videos?vid=404516>.
- ⁷ Жуматова Ю.В. Лингвокультурологические особенности русского и английского комплиментов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т, 2009. С. 19 [Электронный ресурс] // Челябинский государственный педагогический университет. URL: http://www.cspu.ru/uchenomu_soiskatel_referat112.pdf.
- ⁸ «Мнение»: как предотвратить случай «Ланта-тур» [Электронный ресурс] // Вести: интернет-газета. URL: <http://www.vesti.ru/videos?vid=394299>.
- ⁹ Карпов А. Туристическое мошенничество. Банкротство «Ланта-тур» – итог войны цен [Электронный ресурс] // Вести: интернет-газета. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=701223>.
- ¹⁰ Увести [Электронный ресурс] // Словарь Ожегова: толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/36860.shtml>.
- ¹¹ Кинг Л. Как разговаривать с кем угодно, когда угодно и где угодно М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 32.
- ¹² «Москва 24». Программа «Интервью». Интервью с Яниной Урусовой и Верой Полозковой [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YNNKkpOjJGI>.
- ¹³ Костомаров В.Г. Тексты в массмедиа // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 2. С. 12.
- ¹⁴ Кинг Л. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁵ Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып.16. С. 217–237.
- ¹⁶ Ильченко С.Н. Интервью в журналистском творчестве: Учеб. пособие СПб.: СПбГУ, 2003. С. 10.

Д.Н. Тюкова

ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТЫ
«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» 2012 г.
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО
РЕДАКТИРОВАНИЯ*

Статья посвящена анализу заголовков газеты «Московский комсомолец», классификации допущенных в них ошибок и предложению возможных вариантов редактирования. В ходе работы определяется, насколько эффективны приемы, используемые журналистами издания при озаглавлении текстов. Особое внимание уделяется проблемам соответствия заголовков содержанию материалов.

Ключевые слова: «Московский комсомолец», МК, заголовок, цитата, языковая игра, редактирование.

Роль заголовка в медиатексте сложно переоценить. Это первое, на что смотрит читатель при знакомстве с материалом. Ученые выделяют три основные функции заголовочного комплекса: репрезентативную (отражение идеи текста), информативную (сообщение о предмете публикации) и сигнальную (привлечение внимания)¹.

В общественно-политическом издании «Московский комсомолец» (МК) последнее требование реализуется с помощью создания ярких, броских заголовков, которые являются своего рода визитной карточкой газеты. Однако при внимательном прочтении можно обнаружить, что некоторые из них нуждаются в значительной редакторской правке.

Во-первых, встречаются заголовки, в которых нарушены нормы русского литературного языка. Как правило, это имеет два объяснения: либо автор намеренно не соблюдает нормы, стараясь добиться таким образом эффекта языковой игры, либо причиной

© Тюкова Д.Н., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

является невнимательность журналиста, а также служб проверки, корректоров и редакторов.

Некоторые неудачные с грамматической точки зрения заголовки возникают из-за возможности двойного прочтения, причем не всегда очевидно, желал ли этого автор. Например, заголовок «Митинг за митинг», вызывающий у читателя ассоциации с древним «око за око», не отвечает принципу информативности. Неясно, был ли один митинг действительно проведен в ответ на другой, либо предлог «за» здесь обозначает «в поддержку» (речь в статье идет именно об этом). В этом случае сложно предложить вариант редактирования, при котором сохранился бы авторский замысел.

То же можно сказать о заголовке «От конопли не оставляют даже пеньки», в котором возможная языковая игра (неизвестно, намеренная ли) основывается на использовании омонимичных форм слов. В сознании читателей возникают ряды пней, в то время как журналист говорит о прекращении производства пеньковых веревок. Учитывая, что начальные формы слов «пенька» и «пенек» омонимичными не являются, в процессе редактирования следовало бы изменить форму глагола. Заголовок «От конопли не остается даже пеньки» двойного прочтения не допускает.

В иных случаях возможность двойного толкования заголовка, без сомнения, не объясняется авторским замыслом, а представляет собой грамматическую ошибку. Например, можно обратить внимание на заголовок, претендующий на информативность, – «Вместе с дворником главный врач решил уничтожить все свои проблемы». Здесь мы имеем дело со случаем так называемого слабого управления. Не прочитав статью, нельзя понять, являются ли в этом предложении слова «с дворником» обстоятельством или дополнением. Читателю не ясно, уничтожает ли врач дворника, или они вместе избавляются от проблем. Поэтому разумным кажется предложить вариант редактирования заголовка. Учитывая содержание материала, он мог бы стать, например, таким: «Главврач решил избавиться от своих проблем, выстрелив в дворника».

Еще более алогичным является заголовок «Аэробус погубил экипаж», прочитав который можно в равной мере допустить версии как гибели экипажа из-за технической неисправности самолета, так и крушения аэробуса по вине членов команды. После ознакомления с материалом становится понятно, что причиной катастрофы была халатность экипажа. Исходя из этого, при редактировании можно предложить вариант «Аэробус погубила халатность экипажа», при котором ясно, какое слово является подлежащим, а какое – дополнением.

Точно так же можно проанализировать заголовок «Как будут наказывать пьяных за рулем?», с которого начинается материал об ужесточении мер наказания за езду в нетрезвом состоянии. Из текста заголовка неясно, обстоятельством или дополнением являются в предложении слова «за рулем». Будут ли наказывать пьяных водителей непосредственно за рулем, или речь просто идет о тех, кто выпил, перед тем как сесть за руль? Поскольку ответ на этот вопрос очевиден, исправить неточный заголовок можно так: «Как будут наказывать пьяных водителей?» При таком выборе грамматическая неточность исчезнет, а информативная ценность заголовка возрастет.

В иных случаях смысл заголовков намеренно искажается ради усиления их сигнальной функции – привлечения внимания читателей. Например, статья, озаглавленная «Непредвиденная вакансия» для Джоан Роулинг», вовсе не сообщает о том, что писательница нашла новую работу. Речь идет только о выпуске книги с соответствующим названием. Таким образом, предлог «для» в заголовке совершенно неуместен.

Однако иногда можно признать право автора на то, чтобы придуманный им заголовок сохранял возможность двойного прочтения, если при этом не нарушаются нормы русского языка. Примером служит заголовок «Чем болеет российская власть?», предваряющий репортаж из ведомственной поликлиники Управления делами Президента РФ. Учítывая, что в подзаголовке – «Спецкор МК устроилась в регистратуру поликлиники № 1 Управделами Президента РФ» – тема раскрывается, становится понятно, что журналист имел в виду физические недуги отдельных государственных служащих. Однако заголовок позволяет предположить, что речь идет о несовершенствах власти как института. В данном случае автора можно упрекнуть лишь в нарушении коммуникативного принципа ясности. Заголовок корректнее было бы изменить на «Чем болеют представители российской власти?».

Другая норма, которая регулярно нарушается в заголовках МК, – этическая. Рассмотрим несколько заголовков такого рода: «Сироты, на выход! Детей выгнали из детдома», «Особая форма любви к детям: чему попы могут научить школьников?» или «Чиновникам вправят мозги: у всех госслужащих проверят ай-кью». Не вполне обоснованный сарказм оборачивается неделикатностью, граничащей, по замечанию Е.Н. Басовской, с оскорблением героя публикации².

В первом случае достаточно было бы заменить грубое слово «выгнали» нейтральным (речь в материале идет о переселении

сирот из одного детского дома в другой), а остальные перечисленные заголовки следует полностью переформулировать. При этом не надо забывать об ассоциациях, которые могут возникнуть у читателя. Слова «особая форма любви к детям» в русском языке являются едва ли не эвфемизмом, обозначающим педофилию, – соответственно, заголовок приобретает крайне негативный оттенок, особенно в сочетании с разговорным словом «попы», которое имеет пренебрежительный и шуточный оттенок. То же касается и экспрессивного фразеологизма «вправить мозги» («заставить изменить свое поведение, применяя крайние, грубые меры воздействия»³). Употреблять в СМИ такие выражения по отношению к государственным служащим недопустимо. Согласно Кодексу профессиональной этики российского журналиста, необходимо «уважать честь и достоинство людей, которые становятся объектами публикации»⁴. Об этом правиле следует помнить, озаглавливая текст.

Особенно внимательно стоит относиться к языковой игре. Примечателен заголовок к материалу о капитане затонувшего лайнера «Costa Concordia» – «Какой он все-таки Скеттино!» Фамилия, неблагозвучная для русского уха, не дает журналисту права оскорблять ее носителя, даже если поведение капитана действительно было неоднозначным.

Оскорбить можно не только конкретного человека. В заголовке «Когда пациент скорее жив, чем мертв» (материал посвящен новым правилам констатации смерти, которые якобы ущемили права трансплантологов) проявляется неуважительное отношение к усопшим и их родственникам. В заголовке содержится очевидная аллюзия на текст сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», где «доктора», сова и богомол, спорят, жив или мертв пациент (Буратино). Ассоциации с веселой сказкой в данном случае не совсем уместны, так как в статье речь идет о смерти реальных людей.

Важно обратить внимание на такой излюбленный прием журналистов, как использование в качестве заголовка каламбура, перефразированной цитаты или крылатого выражения. По мнению Е.Н. Басовской, подобный прием в первую очередь служит для отправки своего рода сигнала читателям: журналист демонстрирует широту кругозора и показывает, что разговаривает на одном языке с аудиторией⁵. Изучив несколько выпусков газеты МК, можно сделать вывод, что журналисты этого издания активно пользуются и даже злоупотребляют данным приемом: подобных заголовков можно насчитать немало. «О бедном банке не молвите слово» (ср. название фильма «О бедном гусаре замолвите слово»), «Этот тренд

придуман не нами» (ср. песня «Этот мир придуман не нами»), «“Дальняя” дорога на нары» (ср. название фильма «Долгая дорога в дюнах») или «Встать, самосуд идет!» (перефразированное устойчивое выражение «Встать, суд идет!», повторяемое во время судебных заседаний). В подобных заголовках нет ни грамматических, ни этических, ни фактических ошибок, в редакторской правке они не нуждаются, но важно думать об уместности цитаты и о восприятии ее публикой.

Красноречив заголовок «Истец подкрался незаметно». Беспорно, он тоже основывается на устойчивом выражении, однако журналисту следовало бы иметь в виду, что не каждому читателю приятно видеть на страницах газеты столь явную отсылку к ненормативной лексике.

Кроме того, как заметила Н.И. Клушина, «повторяемость экспрессивных заголовков разрушает эффективность их использования»⁶. Именно это становится важнейшей проблемой, связанной с обилием в МК заголовков на основе цитат. Читатель привыкает к постоянному их употреблению и перестает реагировать на тот или иной «интригующий» оборот речи. Таким образом, заголовки лишаются своей сигнальной функции, поскольку вызывают не интерес и смех, а раздражение читателя.

Редакторскую обработку заголовков газеты «Московский комсомолец» следует направить на уменьшение количества однотипных приемов и анализ точности избираемых формулировок. В противном случае эффект получается обратным: заголовки обесцениваются, приедаются читателям и теряют свою эффективность.

Примечания

¹ *Славкин В.В.* Заголовок как часть современного газетного текста // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 1. С. 39–49.

² *Басовская Е.Н.* Обезглавливание через озаглавливание // Русская речь. 2003. № 4. С. 56–62.

³ *Жуков В.П.* Фразеологический школьный словарь. М.: Просвещение, 2009. С. 14.

⁴ Кодекс профессиональной этики российского журналиста: одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года // Сайт Союза журналистов России. URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm> (дата обращения: 25.01.2013 г.).

⁵ *Басовская Е.Н.* Указ. соч.

⁶ *Клушина Н.И.* Новые штампы новой журналистики // Русская речь. 2010. № 1. С. 61–64.

Е.П. Буторина, А.К. Покатилова

КОЛЛОКАЦИИ В ДЕЛОВОЙ ПРЕССЕ*

В статье рассматриваются коллокации, употребляемые в деловых текстах российской и британской прессы. Сопоставляется их частотность в различных изданиях на русском и английском языках. Сравняются значения коллокаций в русско- и англоязычных деловых текстах и электронных корпусах.

Ключевые слова: коллокации, русский язык, английский язык, деловая пресса.

Деловая пресса не только отражает особенности деловых коммуникаций на том или ином языке, но и формирует эти особенности. Любой фрагмент мира воспроизводится в текстах «путем отображения его пиков»¹, т. е. наиболее актуальных и значимых точек. Этот механизм находит отражение в выборе лексем и их сочетаний, что приводит, в частности, к появлению коллокаций.

Предлагаемая работа заключается в выявлении наиболее активно используемых коллокаций в газетных текстах деловых российских и британских изданий. Материалом для наблюдений послужили по 50 коллокаций из текстов российских газет «КоммерсантЪ», «Ведомости», «РБК daily» и британских газет “The Independent”, “The Guardian”².

1. О понятии «деловая пресса»

Принято выделять два вида деловой коммуникации³. Первый тип представлен средствами современной массовой информации. Основные функции такой коммуникации – удовлетворение ин-

---

© Буторина Е.П., Покатилова А.К., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

формационных потребностей делового сообщества и формирование общественного мнения в сфере производства и управления. Второй тип – это рекламные коммуникации.

В нашей работе рассматривается первый тип деловой коммуникации. Деловая информация является важной составной частью информационной среды, в которой формулируются решения в сфере экономики, бизнеса и политики. Качество этой среды напрямую связано с качеством принимаемых решений. Целевой аудиторией таких изданий являются государственные служащие, руководители фирм и компаний, специалисты, причастные к подготовке и выработке решений.

Специфика аудитории определяет характер информации, которая размещена в деловой прессе. Деловые коммуникации характеризуются высокой степенью утилитарности сведений, необходимых для успешной деятельности. Немаловажный фактор – это получение информации в условиях дефицита времени.

Эти особенности деловых коммуникаций приводят к унифицированной подаче материала.

2. О понятии «коллокация» в современной лингвистике

Термин «коллокация» впервые был употреблен Уильямом Фаллером в фундаментальном труде “English Grammar” (1857) при изучении внутренней структуры группы слов. В русскоязычной научной литературе он впервые появился в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой⁴, которая определяет коллокации как лексико-фразеологическую обусловленную сочетаемость слов в речи для реализации их полисемии.

Первая работа в российской лингвистике, посвященная исследованию понятия коллокации и его функционированию в речи на материале русского языка, – это монография Е.Г. Борисовой⁵. Е.Г. Борисова считает, что коллокации имеют немало общего с фразеологизмами. Отличие состоит в следующем: хотя мы и не можем заменять слова в коллокации или изменять их порядок, мы тем не менее легко понимаем значение коллокации исходя из значений ее компонентов.

В современной лингвистике существуют различные определения понятия «коллокация». Большинство определений строится на явлении семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания⁶. Чаще всего коллокация понимается как несвободное, нефразеологическое, традиционное сочетание слов в речи, воспринимающееся естественно для носителей языка.

Выявление и изучение коллокационного ряда слов в деловой прессе дает важную дополнительную информацию о значениях слова и необходимую информацию о сфере его употребления. Для исследования коллокаций деловой прессы важно, что образование коллокации обуславливается не только правилами грамматики, синтаксиса и лексикологии, но и речевыми традициями, языковым мышлением говорящего.

3. Частотность коллокаций в современной деловой прессе

В настоящее время термин «коллокация» широко используется в корпусной лингвистике, где понятие коллокации упрощается по сравнению с традиционной лингвистикой. Такой подход исследователи называют статистическим⁷. Коллокации в корпусной лингвистике определяют как *статистически устойчивые словосочетания*. При этом такое статистически устойчивое сочетание может быть как фразеологизированным, так и свободным.

Нами была предпринята попытка определить частотность употребления коллокаций в англоязычной и русскоязычной деловой прессе при помощи Британского национального корпуса и газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Национальный корпус представляет тот или иной язык на определенном этапе (или этапах) его существования. Для выявления частотности употребления коллокаций в английской прессе были использованы данные Британского национального корпуса. Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC) – один из наиболее известных корпусов английского языка, один из первых национальных корпусов, по образцу которого создавались многие современные справочные ресурсы различных языков. Его объем превышает 100 млн слов. В нем представлены письменная (90 %) и устная (10 %) речь, полные тексты различных жанров с метатекстовой и морфологической разметкой. Национальный корпус русского языка тоже активно пополняется и насчитывает около 10 млн слов.

В статьях газеты «КоммерсантЪ», посвященных политике, бизнесу и экономике, нами были выделены наиболее частотные коллокации: *обратить внимание* (1407), *принять решение* (830), *внутренний рынок* (784), *процентные ставки* (543), *получить решение* (320), *увеличить долю* (287), *комплекс мер* (282), *развитие бизнеса* (246). Вероятно, эти несвободные сочетания, отражающие российские реалии, являются наиболее актуальными при обсуждении вопросов бизнеса. Как показывает лексический анализ коллокаций газеты «КоммерсантЪ», наиболее часто встречаются сочета-

ния, которые относятся к теме бизнеса и экономики, что отражает кредо этого издания.

В выборке из газеты «Ведомости» чаще всего в газетном подкорпусе встречается сочетание *подавляющее большинство* (1338), которое относится к политической сфере. Синонимичная же коллокация *подавляющее число* встречается в газетном подкорпусе всего 104 раза. На втором месте коллокация *вести переговоры* (627), тогда как коллокация *начать переговоры* встречается всего 184 раза. Синонимичные коллокации *отток средств* и *отток депозитов* встречаются по 67 раз. При анализе газетного материала нам встретилось еще одно сочетание со словом *депозиты* (*привлечь депозиты*), однако данные газетного подкорпуса говорят о том, что в таком сочетании эта коллокация встречается редко, всего три раза. Не исключено, что это связано с общей нестабильностью на российском финансовом рынке.

Выделяется еще одна группа синонимичных сочетаний *повышать качество* (58), *повышать уровень* (53) и *поднять планку* (59), которые встречаются примерно одинаковое количество раз. Можно сделать вывод, что эти коллокации прочно вошли в газетный язык и при обсуждении проблем определенной тематики авторы стремятся избегать повторов.

Интересно отметить, что сочетания *повышенные риски*, *контролировать риски*, употребляемые в современном деловом языке, встретились только в газете «Ведомости».

Наиболее широко в обсуждаемом издании, как показывает анализ, представлены коллокации по темам «политика» и «экономика».

В газете «РБК daily» встречается наименьшее количество коллокаций газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Интересно отметить, что такое глагольное сочетание, употребляемое в политической сфере, как *принять закон*, в газетном подкорпусе встречается 306 раз, а именное *принятие закона* только 206 раз. Коллокация же *принять документ* употребляется лишь 24 раза, а *одобрить закон* всего 5 раз. Коллокации *обсудить вопрос* и *вынести проблемы* (на обсуждение) встречаются 56 и 39 раз соответственно, хотя по своей сути являются синонимичными.

Следует отметить, что в газете «РБК daily» равномерно представлены коллокации по условным темам «бизнес» и «политика», тогда как в предыдущих газетах в основном представлена тема бизнеса.

Анализ газеты «The Guardian» и газетного подкорпуса Британского национального корпуса показывает, что наиболее часто встречаются коллокации, связанные с бизнесом и экономикой: *exchange*

rate (валютный курс) (1192), *labour market* (рынок труда) (1014), *money supply* (денежная масса) (933), *stock market* (рынок ценных бумаг) (662), *tax relief* (налоговая льгота) (450), *living standards* (уровень жизни) (383), *economic recovery* (экономическое восстановление) (319) и т. д.

Однако большое внимание уделяется и вопросам, относящимся к социальной сфере: *mental health* (психическое здоровье) (933), *age group* (возрастная группа) (652), *customer service* (служба работы с клиентами) (211), *youth unemployment* (безработица среди молодежи) (65) и т. д.

В статьях газеты “The Independent” чаще всего встречаются сочетания, связанные с вопросами политики и экономики страны: *chief executive* (глава правительства / исполнительный директор) (2327), *a private sector* (частный сектор) (1822), *to take into account* (принимать во внимание) (839) и др. Анализ употребления коллокаций в Британском национальном корпусе показывает, что эта тематика является популярной для газетных изданий страны.

Несмотря на предположительно сходные дискурсивные практики британских газет, одинаковых коллокаций не выявлено, за исключением *economic recovery* (экономическое восстановление) (319).

***

Проанализировав лексическое значение и употребление коллокаций в текстах деловой прессы, посвященных политике, бизнесу и экономике (российские газеты «Коммерсантъ», «Ведомости», «РБК daily» и британские газеты «The Independent», «The Guardian»), можно сделать следующие выводы:

1. Представленные газеты являются общественно-политическими и аналитическими изданиями.

2. Несмотря на то что российские и британские деловые газеты имеют общую тематику, сходных коллокаций не выявлено. По всей видимости, это зависит от различий в политической и экономической жизни стран.

3. Перевод коллокаций с английского языка на русский показал, что коллокации английского языка чаще всего переводятся на русский язык идиоматически.

4. Наиболее частотные коллокации употребляют газеты «Коммерсантъ» и «The Independent», что может свидетельствовать о более активном использовании стереотипных фреймов журналистами этих изданий.

-
- ¹ *Почепцов О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110.
- ² Источниками для данного исследования послужили материалы периодических изданий, опубликованные в сети Интернет на следующих сайтах: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>; <http://www.ruscorpora.ru>; <http://lingvo-pro.abbyyonline.com/ru>; <http://www.kommersant.ru>; <http://www.rbcdaily.ru>; <http://www.vedomosti.ru>; <http://www.guardian.co.uk>; <http://www.independent.co.uk>; <http://www.rbcdaily.ru>.
- ³ *Мурзин Д. А.* Структурируя понятие // Медиа-дискурс: Теория и практика массовых коммуникаций. 2007. № 6.
- ⁴ *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- ⁵ *Борисова Е.Г.* Коллокации: Что это такое и как их изучать. М.: Филология, 1995.
- ⁶ *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.
- ⁷ *Дементьева И.Е., Табанакова В.Д.* Коллокация как средство семантизации слова в английском словаре // Язык и литература. № 4. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No4/text6.htm> (дата обращения: 13.05.2012).

В.Н. Тищенко

ЗАГОЛОВКИ СТАТЕЙ, ОБЗОРОВ И РЕЦЕНЗИЙ В ЖУРНАЛЕ «ЭКОНОМИСТ»

(На материале номеров за сентябрь–декабрь 2012 г.)

В статье анализируются заголовки в британском издании «Экономист». На материале номеров еженедельника, вышедших с сентября по декабрь 2012 г., выявляется тематика заголовков и особенности словоупотребления в них.

Ключевые слова: «Экономист», деловая пресса, пресса Великобритании, заголовки, словоупотребление в англоязычных СМИ.

«Экономист» («The Economist») – британский еженедельник, первый номер которого увидел свет в 1843 г. Сами издатели настаивают на обозначении издания термином «газета» (newspaper), подразумевая оперативный характер обзоров и специфику подачи материалов.

«Экономист» нельзя считать специализированным бизнес-изданием, так как в нем присутствуют разделы, посвященные науке, искусству, обзорам книг и т. д. Кроме того, материалы экономической и политической тематики освещаются с позиции читателя образованного, но не обязательно хорошо знакомого с этими вопросами. Об этом свидетельствует характер не только публикаций, но и заголовков.

Принципы издания, в материалах которого соединяются серьезность, аналитичность с легкой и остроумной манерой письма, во многом были определены еще Уолтером Бейджотом (Walter Bagehot, 1861–1877), одним из самых ярких редакторов за всю историю журнала. Бейджот призывал сотрудников «приблизиться к простоте и естественности повседневной речи, излагать мысли так, как это делают люди в обычном разговоре, но не забывать при этом о стилистической выразительности»¹.

Существенным элементом текста, в котором наиболее ярко проявляются общие особенности стиля издания, следует считать заголовки. Как правило, каждый материал в журнале предваряется некоей трехчленной конструкцией, состоящей из обозначения рубрики, собственно заголовка и краткого резюме, передающего основное содержание материала.

Как отмечает С.В. Губик², такая структура позволяет наиболее удачно реализовать основополагающий принцип построения медиатекстов – чередование экспрессивных и стандартных элементов. В данном случае компоненты «рубрика» и «резюме» выполняют роль стандартных информативных элементов, в то время как основной заголовок призван в наиболее емкой и броской форме дать представление об авторской точке зрения и привлечь внимание читателя. Использование кратких, эмоционально и стилистически окрашенных слов, тяготеющих к разговорной лексике, соответствует роли заголовка как элемента воздействия на читателя и объясняется стремлением автора максимально приблизить заголовок к ситуации общения³.

М.Е. Засорина в работе о характеристиках заголовочных структур СМИ⁴ анализирует сферы культуры и общественной жизни, которые становятся наиболее распространенными источниками для заголовков. Эти сферы автор называет интермедийными источниками единиц интертекста: фольклор, клише, прецедентное имя, кино, музыка, художественная литература, экономика, религия, военные действия, политика, спорт, компьютерная терминология, наука, медицина.

Приведенная выше классификация взята в данной статье за основу для анализа и систематизации групп заголовков материалов, опубликованных в номерах «Экономиста», вышедших с сентября по декабрь 2012 г.

1. К группе «Языковые средства» отнесены различные идиоматические выражения, пословицы и поговорки, позволяющие создавать наиболее экспрессивные и образные заголовки.

*Fat chance*⁵. В английском языке фразеологизм «fat chance» имеет несколько ироничный оттенок и обозначает «ни малейшего шанса». В рассматриваемом случае он употреблен в обратном смысле в заметке об отмене одного из самых дебатлируемых налогов Дании – налога на содержание в продуктах питания насыщенных жиров. Эта налоговая мера, направленная на снижение потребления жирной и вредной пищи и оздоровление нации, в действительности привела к банкротству тысячи небольших фермерских хозяйств, занимающихся производством молочных и мясных продуктов. Таким обра-

зом, для них отмена налога на жир – действительно шанс на развитие бизнеса.

*Hold your nose and talk*⁶. Выражение «hold one's nose» обозначает ситуацию, когда любой выбор будет неприятен, но обстоятельства все же вынуждают остановиться на «меньшем из зол». Дословный перевод – «зажмите нос и начните говорить». Это заметка о политической ситуации в Нигерии, где ширится и углубляется конфликт между мусульманским и христианским населением. В материале говорится о том, что правительство страны должно идти на компромисс и вести переговоры с лидерами экстремистов, чтобы не допустить кровопролития.

2. Следующая группа примеров – образцы авторского окказионального словообразования.

*Merry Chrismukkah*⁷. Окказионализм *Chrismukkah* образован сложением двух слов: *Christmas* (христианское Рождество) + *Hanukkah* (еврейский праздник Ханука). Материал рассказывает о том, как американцы еврейского происхождения адаптируют национальные традиции к реалиями западной действительности.

*Embassy-mates*⁸. Данный окказионализм можно весьма условно перевести на русский язык как «однопосольственники». Двусоставное слово образовано от *embassy* – «посольство» и *mates* – часть слова, указывающая на сопряженность двух объектов (*classmates* – одноклассники, *soulmates* – влюбленные, родственные души). Заметка рассказывает о том, что с целью урезания расходов на содержание дипломатических корпусов Канада и Великобритания приняли решение взять в совместное пользование здания посольств и служебный транспорт. Эксперимент уже доказал свою эффективность в таких странах, как Бирма и Гаити.

*RIPPP*⁹. Пример окказиональной аббревиации. Сокращение образовано путем сложения двух реально существующих аббревиатур: *RIP* + *PPP*. *RIP* (*rest in peace*) – «покойся с миром» – традиционная надпись на надгробьях в англоязычных странах. *PPP* (*public-private partnership*) – частно-государственное товарищество, форма управления, при которой частные компании управляют государственными активами. Статья рассказывает о плачевном состоянии инфраструктуры в Индии, где такая форма распространена, несмотря на ее низкую эффективность.

3. Группа «Клише» вмещает в себя как выражения, дословно цитирующие прецедентный источник (какое-либо расхожее выражение), так и те сочетания, в которых подмена одной единицы создает эффект игры слов, основанной на рифме или созвучии. Этот прием

помогает обогатить устойчивое словосочетание дополнительным смыслом, делая его двухмерным.

*The end of euro's Indian summer*¹⁰. Дословно – «конец бабьего лета для евро». *Indian summer* («бабье лето») – устойчивое выражение, обозначающее период по-летнему теплой погоды в начале осени. В аналитическом материале с таким заголовком дается хроника попыток евро стабилизировать свои позиции.

*Door wide shut*¹¹. Дословный перевод – «настежь закрытая дверь». В устойчивом клише «door wide opened» (настежь распахнутая дверь) страдательное причастие было заменено на противоположное по смыслу. Такой прием использован, чтобы максимально ярко описать ситуацию, сложившуюся в канадской экономике. С одной стороны, она активно пытается привлечь инвестиции из азиатских стран, но в то же время отказывается от выгодного предложения из Малайзии, ссылаясь на несогласие с ее авторитарным правительством и расхождения в вопросах экологии.

*A Dalai Lama dilemma*¹². Этот заголовок, основанный на созвучии, предваряет материал о давнем противостоянии тибетских монахов властям Китая.

4. В группе «Прецедентное имя» используются в качестве источника все имена собственные, в том числе имена политиков и видных общественных деятелей, географические названия, названия корпораций и др.

Прецедентное имя собственное также может встречаться в сочетании с источником из другой области, что позволяет создавать многомерные заголовки, а также становиться частью игры слов, основанной на рифме или созвучии.

*Henrique and Hugoliath*¹³. Материал посвящен президентской гонке в Венесуэле, которая на момент его публикации была в самом разгаре. Заголовок обыгрывает имена двух соперников – оппозиционного кандидата Энрике Каприлеса и лидера Венесуэлы Уго Чавеса – в латинской транскрипции Нуго. Трансформация Нуго в Hugoliath вызывает аллюзию на бой молодого Давида, будущего царя Иудеи, с Голиафом, могучим и до этого момента непобедимым филистимлянским воином.

*Toot toot, king Tut*¹⁴. Первый из приемов, бросающийся в глаза, при анализе данного заголовка, – рифма. Но здесь также использовано в урезанном виде и имя собственное. Если *toot toot* – обозначение резкого звука, например свистка или трубы, то *King Tut* – сокращение от «царь Тутанхамон». Одна из заметок в разделе «Наука и технологии» посвящена тем мерам, которые принимают сегодня ученые для сохранения гробницы египетского правителя. Гробница

пришла в критическое состояние из-за наплыва туристов, что стало причиной постоянных перепадов температуры и влажности.

*Land of freer*¹⁵. Словосочетание можно перевести как «еще более свободная земля». В оригинале это выражение звучит как «Land of free» и является названием национального гимна крошечного государства Белиз в Центральной Америке. До обретения независимости оно носило название Британский Гондурас и до сих пор входит в состав стран Содружества. Рассматриваемый материал рассказывает о послаблениях, которые должны быть внесены в законодательство 38 штатов США после референдума, в частности, они расширяют права однополых пар, легализуют эвтаназию и т. д.

5. В группу, с определенной степенью условности названную «Кино», входят заголовки, представляющие собой прямое цитирование названий известных кинокартин или аллюзии на них. В иных случаях сам источник может быть модифицирован, что придает ему дополнительные коннотации.

*Judge dread*¹⁶. Дословный перевод – «судья-страх». Заголовок строится на созвучии с названием популярного фантастического фильма «Судья Дредд» («Judge Dredd»), в котором персонаж Джо-зеф Дредд выступает образцом справедливого и непреклонного судьи в антиутопическом будущем. Статья в «Экономисте» рассказывает об ужесточении этических и правовых стандартов в отношении прессы.

*Lights, camera, acción!*¹⁷ «Мотор, камера, начали!» – фраза, используемая в кинопроизводстве для того, чтобы обозначить начало съемок очередного дубля. Последнее слово в ней заменено на испанский аналог (*acción* вместо *action*) не случайно, так как материал повествует о развитии испаноязычного телевидения в Соединенных Штатах.

*The good, the bad and the ugly*¹⁸. Заголовок полностью повторяет название знаменитого вестерна режиссера Серджо Леоне, в российском прокате имеющий название «Хороший, плохой, злой». Это история о противостоянии трех основных персонажей, амплуа которых в трактовке «Экономиста» соответствуют расстановке сил между тремя крупными японскими игроками на рынке электроники – компаниями «Шарп», «Панасоник» и «Сони».

6. «Музыка» – группа заголовков, в которую входят как заимствования названий музыкальных произведений, так и цитирование популярных отрывков из них.

*Wild is the wind*¹⁹. Песня «Дикий ветер» написана в 1950-х годах для одноименного фильма. В данном случае цитата вполне

буквальна: речь в материале идет о тяжелых последствиях урагана Сэнди, обрушившегося на северо-восток США осенью 2012 г.

*Winds of change*²⁰. В оригинале название известной композиции немецкой рок-группы «Scorpions» звучит как «Wind of change» («Ветер перемен»). Песня посвящена перестройке в СССР и окончанию холодной войны. Тема распада коммунистических режимов продолжается в самой статье, в которой рассказывается о том, что кубинцы постепенно начинают пользоваться социальными сетями и блогами, тем самым отвоёвывая у государства монополию на информацию.

*Making it through the storm*²¹. Заголовок «Преодолеваю бурю» – еще один в ряду материалов о природных катаклизмах. Он образован от названия песни Элтона Джона, в оригинале звучащего как «Make it through the storm» и призывающего оставаться стойким в сложных обстоятельствах. Статья рассказывает о том, как владельцам малого бизнеса удалось преодолеть последствия урагана Сэнди.

7. Весомый лексический пласт среди заголовков журнала «Экономист» составляют выражения, которые образуют группу под названием «Художественная литература». Она представлена упоминаниями названий художественных произведений и использованием известных цитат из классической литературы. При этом цитата может быть как прямой, так и представлять собой игру слов, создавая дополнительную аллюзию.

*The naked Emperor*²². «Голый король» – заголовок, навеянный сказкой Ганса Христиана Андерсона «Новое платье короля» («The Emperor's New Clothes»), рассказывающей о тщеславном и недалекком короле, которому двое аферистов шьют якобы невидимое для глушцов платье. В материале «Экономиста» же говорится о пропагандистской активности китайского руководства. При этом роль маленького мальчика, разоблачившего фарсовую ситуацию крылатой фразой «А король-то голый!», выполняет интернет-сообщество в Поднебесной.

*Big Brother is back*²³. Big Brother (Большой брат) – персонаж романа Дж. Оруэлла «1984», диктатор и олицетворение надзорных функций в полицейском государстве, где свобода и ценность отдельной личности сведены к нулю. Статья поднимает проблему нарастающего контроля со стороны государства над экономикой в отдельных европейских странах, таких как Франция и Германия. В частности, в связи с кризисом правительства скупают акции крупнейших корпораций и получают места в советах директоров.

*Fathers and sons*²⁴. Еще один пример обращения к классической литературе. Заголовок статьи повторяет название романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». В данном случае это рецензия на мемуары публициста Марко Рота, помещенная в разделе «Книги и искусство». Автор посвящает большую часть рецензии биографии отца, ученого-биолога, который заразился ВИЧ в своей лаборатории, случайно коснувшись шприца больного пациента. Здесь очевидна параллель с Евгением Базаровым, героем романа Тургенева, который умер, заболев тифом после вскрытия трупа.

8. Среди заголовков в «Экономисте» есть и те, которые можно отнести к группе «Религия».

*Eurogeddon*²⁵. Явный пример окказионального словообразования, отсылающий к библейскому топониму. Армагеддон (Armageddon) – место, где должна произойти решающая битва добра со злом. В сочетании с названием евровалюты заголовок дает яркий образ, предваряя обзор экономической литературы, освещающей истоки кризиса и перспективы существования Евросоюза.

*The week shall inherit the Earth*²⁶. Цитата из Евангелия от Матфея «Блаженны кроткие, ибо они наследуют Землю» (Мт. 5, 5). Материал повествует о неожиданных преимуществах, которыми обладают экономики стран со слабой национальной валютой по сравнению с теми, чья денежная единица стабильна.

*Land of milk and honey*²⁷. Усеченный вариант выражения «A land flowing of milk and honey» (на русском – «земля, текущая молоком и медом»). В Торе это определение относится к Земле Обетованной. В «Экономисте» же оно предваряет материал о Новой Зеландии, где мясомолочная промышленность является ведущей отраслью экономики страны.

9. В отдельную группу под названием «Наука» можно выделить термины и понятия, заимствованные из научного оборота.

*Brownian motion*²⁸. В заголовке использован термин из области физики – броуновское движение. Это обозначение беспорядочного, никогда не прекращающегося движения микроскопических видимых частиц. В рассматриваемом материале с этим физическим процессом сравнивается избирательная кампания в штате Калифорния.

*Time's arrows*²⁹. Дословно «стрелы времени» – понятие, введенное в научный оборот английским астрофизиком Артуром Эддингтоном. Оно указывает на однонаправленность времени и процессов во Вселенной. В данном случае материал в разделе «Наука и технологии» рассказывает о фрагментах древнего оружия, найденного при раскопках и могущего пролить свет на некоторые вопросы

эволюции. В частности, существование отдельных видов оружия на заре цивилизации рождает гипотезы о том, что культура наших предков развивалась существенно меньшими темпами, чем современная, ввиду их малочисленности, а вовсе не низкого интеллекта. Малым сообществам просто нужно больше времени, чтобы аккумулировать знания.

10. Немногочисленна группа заголовков под названием «Медицина».

*An incurable disease*³⁰. Дословный перевод – «неизлечимая болезнь». Материал посвящен анализу ситуации, сложившейся в системе здравоохранения США, которая переживает сложные времена, несмотря на увеличивающиеся в геометрической прогрессии затраты на ее поддержание и развитие.

*Shock treatment*³¹. В заголовок материала вынесено название одного из радикальных методов психиатрического лечения – шоковая терапия. В «Экономисте» с шоковой терапией сравнивают крайне непопулярную меру – существенное повышение налоговых ставок, – которую не так давно решило ввести руководство Франции с целью восстановления конкурентоспособности экономики.

11. Завершает обзор группа заголовков «История».

Сюда относятся материалы, в заголовках которых использованы выражения или понятия, пришедшие из сферы истории или ассоциирующиеся с каким-либо историческим явлением или деятелем.

*The Founding Brothers*³². Словосочетанием «Founding Fathers» – «отцы-основатели» – принято обозначать группу политических деятелей, сыгравших важную роль в формировании американского государства, среди которых Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Александр Гамильтон, Бенджамин Франклин, Томас Пейн и другие. В журнале «Экономист» речь идет о партии «Братья-мусульмане», одним из руководителей которой неофициально считается нынешний президент Египта Мухаммед Мурси. Автор статьи иронизирует, сравнивая его с великими деятелями прошлого, подчеркивая, что деятельность «Братьев-мусульман» не имеет ничего общего с реформами.

*Great Wall Builders*³³. Дословный перевод – «строители великой стены». При этом словосочетанием «Great Wall» принято обозначать именно Великую китайскую стену – символ могущества древнего Китая. В журнальном материале речь идет о китайских фирмах, которые в короткие сроки вышли на лидирующие позиции в мировой строительной индустрии.

*Workers of Europe, protest!*³⁴ Дословный перевод: «Рабочие Европы, протестуйте!» Это парафраз самого известного лозунга комму-

нистического движения «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» («Workers of the World, unite!»). Материал о волне забастовок и демонстраций в Испании, вызванных последствиями экономического кризиса.

В ходе анализа стало очевидно, что для словоупотребления в журнале «Экономист» характерны образность, тяготение к ярким, эмоционально окрашенным формам подачи материала. Заголовок здесь обладает не столько информативной функцией (что-то сообщить), сколько эмоциональной (привлечь внимание), а подчас и оценочной (познакомить читателя с точкой зрения журнала на заданную тему).

Нужно принимать во внимание и то обстоятельство, что, по мнению редколлегии журнала, его читатель обладает примерно тем же интеллектуальным багажом, что и автор, а также сходным уровнем знаний в различных областях общественной и культурной жизни.

Поэтому можно сделать вывод, что, хотя журнал «Экономист» адресован читателям разных стран, он в наибольшей степени востребован в странах английского языка, а также среди тех читателей, которые владеют английским языком на достаточно высоком уровне, чтобы воспринять и оценить те аллюзии заголовка, которые заложены в нем автором.

Примечания

¹ To be conversational, to put things in the most direct and picturesque manner, as people would talk to each other in common speech, to remember and use expressive colloquialisms (The Economist Newspaper Limited. URL: http://www.economist.com/help/about-us#About_Economistcom (дата обращения: 15.01.2013)).

² Губик С.В. Когнитивно-дискурсивное исследование английского экономического массмедийного дискурса: на материале журнала «The Economist»: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. С. 101.

³ Там же.

⁴ Засорина М.Е. Прагма-интертекстуальные характеристики заголовочно-го дискурса СМИ на материале журналов «Коммерсант-Власть» и «The Economist»: Дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2009. 173 с.

⁵ Fat chance // The Economist. 2012. Nov. 17.

⁶ Hold your nose and talk // Ibid. Sep. 29.

⁷ Merry Chrismukkah // Ibid. Dec. 15.

⁸ Embassy-mates // Ibid. Sep. 29

⁹ RIPP // Ibid. Dec. 15.

¹⁰ The end of euro's Indian summer // Ibid. Sep. 29.

¹¹ Door wide shut // Ibid. Oct. 27.

- ¹² A Dalai Lama dilemma // Ibid. Oct. 20.
- ¹³ Henrique and Hugoliath // Ibid. Sep. 29.
- ¹⁴ Toot toot, King Tut // Ibid. Nov. 10.
- ¹⁵ Land of freer // Ibid. Nov. 3.
- ¹⁶ Judge Dread // Ibid. Nov. 17.
- ¹⁷ Lights, camera, acci n! // Ibid. Dec. 15.
- ¹⁸ The good, the bad and the ugly // Ibid. Nov. 10.
- ¹⁹ Wild is the wind // Ibid. Nov. 3.
- ²⁰ Winds of change // Ibid.
- ²¹ Making it through the storm // Ibid. Nov. 10.
- ²² The naked Emperor // Ibid. Nov. 17.
- ²³ Big Brother's back // Ibid. Nov. 3.
- ²⁴ Fathers and sons // Ibid. Nov. 10.
- ²⁵ Eurogeddon // Ibid. Nov. 17.
- ²⁶ The week shall inherit the Earth // Ibid. Oct. 6.
- ²⁷ Land of milk and honey // Ibid. Nov. 3.
- ²⁸ Brownian motion // Ibid. Nov. 17.
- ²⁹ Time's arrows // Ibid. Nov. 10.
- ³⁰ An incurable disease // Ibid. Sep. 29.
- ³¹ Shock treatment // Ibid. Nov. 3.
- ³² The Founding Brothers // Ibid. Dec. 15.
- ³³ Great Wall Builders // Ibid. Oct. 27.
- ³⁴ Workers of Europe, protest! // Ibid. Nov. 17.

Библиография

Н.А. Сацирова

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
КОВАЛЁВ-СЛУЧЕВСКИЙ К.П.
ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКА XXI ВЕКА:
НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ПОЗНАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ТВ.
М.: Грифон, 2012. 176 с.

Автор книги – Константин Ковалёв-Случевский – известный писатель, публицист, историк, культуролог, телеведущий и путешественник. Читаемый им курс тележурналистики в Институте журналистики и литературного творчества пользуется сегодня большой популярностью среди студентов и работников СМИ.

«Тележурналистика XXI века. Настольная книга для познания современного ТВ»¹ вышла в свет в 2012 г. Доступный стиль изложения делает книгу привлекательной для всех, кому интересно современное телевидение и его будущее.

Автор предлагает читателю свежий взгляд на современное телевидение в контексте актуальных проблем. В книге девять глав: «Психология телевещания», «Эфирная политика», «Антикультура экрана», «Религиозное ТВ» и др. Исследование основано на собственных наблюдениях Ковалёва-Случевского и примерах, собранных им во время многолетней работы на телевидении. Он говорит о ТВ без прикрас и развенчивает мифы, которые на протяжении многих лет бытуют в обществе. Кто она – элита отечественного ТВ? Отвечая на этот вопрос, автор приводит в пример российскую премию ТЭФИ, которая существует уже почти 20 лет и вручается за высшие достижения в области телевизионных искусств. Ковалёв-Случевский не признает престижа конкурса и далеко не всех обладателей премии считает элитой голубого экрана: «Казалось бы, все атрибуты элитарности налицо: удостоверение “академика”, пригласительная, телетрансляция обеспечена... Однако с каждым годом мы все больше осознаем простую истину – не существует никакой “академии”, уже давно не участвуют в ТЭФИ основные телеканалы страны, такие как “Россия”... НТВ, ГНТ и другие. Действо превратилось в междусобойчик с раздачей игрушек от обид...»²

Автор ставит вопросы: Что такое современное ТВ? Как стать тележурналистом? Как массмедиа воздействуют на человека и манипулируют массовым сознанием? – и отвечает на каждый из них, приводя убедительные аргументы. Ковалёв-Случевский стремится определить главные проблемы современного вещания и представить ситуацию максимально объективно. Это актуально в условиях начала XXI в., когда ТВ России столкнулось с новыми реалиями, которые не лучшим образом отразились на качестве отечественного эфира.

Уже в первой главе автор демонстрирует нестандартный подход к трактовке ТВ: «Телевидение – это Колизей современности»³; «таблетка от одиночества»⁴; телевизор – «источник мифов»⁵.

В главе, посвященной психологии телевещания, Ковалёв-Случевский рассматривает проблему восприятия аудиторией телепродукта, в частности имеющего криминальную тематику. Такие программы «порождают устойчивое чувство незащищенности и страха, а якобы отражение действительности на самом деле становится пропагандой самого насилия»⁶. На основании подобных наблюдений автор берет на себя смелость заявить: «Эфир наших главных каналов сегодня – самое распущенное и всеядное, беспринципное и пошлое ТВ на планете»⁷.

Ковалёв-Случевский рассуждает о предсказуемости отечественного телевидения, которое из сезона в сезон представляет зрителю однообразную по форме и содержанию продукцию: «Нет проявления изобретательности в форматах, идеях, именах, отсутствует “глубокая ширина” и “широкая глубина”»⁸. В книге критикуются «телеканалы-клоны», которые «порождают программы-клоны»⁹.

В учебном пособии говорится и о необходимости изменения подхода к обучению будущих журналистов в новых условиях. «Молодежь устремилась в сторону экрана»¹⁰, но ведь «умение “улыбаться в кадре” “шустрить по аппаратным” – это лишь одна сотая часть профессии для тележурналиста»¹¹.

Задача автора не сводится к тому, чтобы критиковать телевизионный контент и специалистов, которые его создают. Наоборот, жесткая критика дает читателю понять, что Ковалёву-Случевскому небезразлична судьба российского ТВ. Более того, он предлагает конкретные способы выхода из непростой ситуации, в которой оказалось эфирное вещание XXI в. Например, что поможет в условиях глобализации цифрового вещания, когда «все “гадости” скоро прямо в дома полезут с экранов»? «Пора будет на телевизоры решетки вешать»¹². А если серьезно, то «цензором сможет стать только... закон, написать и исполнить который будет намного сложнее, чем внедрить саму интерактивность»¹³.

Разбирая «гормональные шутки “Комеди Клаба”»¹⁴ и ему подобных программ, автор находит простой выход «из многоканальной и совсем не смешной экранной оперетты»: «нужно и можно все данные программы запустить на специальный Телеканал Юмора. Кому надо, тот кнопку нажмет. Кому не надо – даже и не вспомнит»¹⁵.

А вот для повышения грамотности телеведущих Ковалёв-Случевский в шутку предлагает «раздавать краткие специализированные словари русского языка. Не только современного, но и древнерусского, и даже церковнославянского или текстов Корана»¹⁶.

Особенность книги состоит в том, что об актуальных проблемах журналистики говорится легко и с иронией, но это вовсе не делает авторские выводы несерьезными и поверхностными. Так, рассуждая на тему недавнего создания в России Общественного телевидения, автор называет иллюзией мнение политологов о том, что «временное полугосударственное ТВ воспитает общество, а потом оно уже и сделает нужные шаги»¹⁷. Ковалёв-Случевский уверен: к такому Общественному телевидению зритель не готов, «общество еще не созрело. А значит, вывод прост – в ближайшие годы мы такого телевидения не увидим, а все его замещающее, что бы кто ни говорил, является все той же иллюзией. Но будем верить, будто, как считается многими, лучшее еще впереди»¹⁸.

Книгу «Тележурналистика XXI века» можно читать с любой страницы. «Это особенная книга, у которой нет начала и, как надеется автор, еще долго не будет конца, потому что в виртуальном мире телевидения для всех нас, скорее всего, продолжение – следует...»¹⁹. Тем более что «чудо нынешнего века» – телевизор – вовсе не «пятая власть», а скорее – «первая»²⁰. К.П. Ковалёв-Случевский сделал все, чтобы читатель в этом не усомнился.

Примечания

---

¹ Ковалёв-Случевский К.П. Тележурналистика XXI века. Настольная книга для познания современного ТВ. М.: Грифон, 2012. 176 с.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 240.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ Там же. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Там же. С. 41.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 23.

Д. Розенсон

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
*SICHER E. BABEL IN CONTEXT:
A STUDY IN CULTURAL IDENTITY:
(BORDERLINES: RUSSIAN AND EAST
EUROPEAN-JEWISH STUDIES).*
Boston: Academic studies press, 2012. 309 p.

В новой книге известного израильского ученого проф. Университета Бен-Гуриона (Беер-Шева) Эфраима Зихера представлена современная картина изучения жизни и творчества Исаака Бабеля. В книге, в частности, есть описание той газетно-журнальной среды, в которой работал автор «Одесских рассказов» и «Конармии». При этом надо помнить, что и сам Бабель был журналистом в конармии С.М. Буденного, да и дискуссия вокруг его сочинений, затеянная тем же командующим Первой конной армией, стала заметным событием газетно-журнальной жизни 20-х годов XX в.

Новая работа израильского филолога продолжает и его книгу «Style and Structure in the Prose of Isaak Babel» (1986), и книгу о русских писателях-евреях в годы Октябрьской революции и Гражданской войны: «Jews in Russian Literature After the October Revolution: Writers and Artists Between Hope and Apostasy» (1996), и главу из недавнего сборника статей о Бабеле под редакцией Бориса Гаспарова «The Enigma of Isaak Babel. Biography. History Context» (2009), который назывался по разделу, написанному Зихером.

Попытку разгадать «энигму» – тайну или загадку – Бабеля автор рецензируемой книги пытается очень давно, однако именно в рецензируемой работе он особое внимание уделил совершенно необычному журнальному идишскому и ивритскому контекстам. Не так уж часто приходится встречаться с анализом одного-единственного выпуска предельно маргинального даже для ивритского контекста советского журнала на иврите, который в сравнении с далеко не маргинальным русским и советско-идишским журнальным контекстом открывает какие-то новые пути к постижению «энигмы» такого загадочного писателя, как Исаак Бабель. Хотя сам факт, что писатель мог редактировать свои тексты в переводах на еврейские

языки, что было известно, в данном контексте позволяет еще более уверенно включать в постижение «энигмы» писателя и его работу над переводами на русский язык Шолом-Алейхема, и иудейские подтексты его рассказов. Наконец, и сам конармейский дневник Бабеля, созданный во время похода армии Буденного в глубинные еврейские и даже хасидские районы Западного края, – это дневник советского журналиста, т. е. документ не просто личный, но еще и источник по истории советской красноармейской журналистики. Недаром одним из бабелевских органов печати была и газета «Красный кавалерист».

Нынешний этап изучения жизни и творчества Бабеля, связанный с рассмотрением конармейского дневника Бабеля, привел к привлечению нового литературного контекста. Мы имеем в виду литературу о Гражданской войне на языках идиш и иврит. Многочисленные параллели произведений Бабеля с сочинениями представителей двух еврейских литератур позволили увидеть те пласты творчества писателя, которые не видны ни из русской, ни из близкой Бабелю французской литературы.

Наиболее интересным здесь оказывается изучение Э. Зихером того журнального контекста, который связан с появлением сочинений Бабеля в недолговечном советском журнале на иврите «Берешит» («Начало»), где в 1926 г. появились рассказы из «Конармии», в частности «Сын рабби». Рассмотрение этих переводов в ивритском контексте, наряду с изучением традиционных для бабелеведения «Красной нови» или «Лефа», позволит увидеть различие и общее в восприятии русским и ивритским читателем-переводчиком. Очевидно, что контексты советской коммунистической печати на иврите (языке, с 1924 г. практически запрещенном в СССР как язык иудейского культа и сионизма), предназначенной для заграницы, где печатались переводы (журнал даже печатался в Берлине из-за отсутствия соответствующей наборной кассы), и текстов Бабеля на русском языке принципиально различны. Однако сочетание имен еврейского мудреца Маймонида и вождя революции Ленина, которые сошлись в одной точке при описании духовных ценностей сына старого ребе, лишний раз показывает необходимость знакомства исследователей творчества Бабеля с материалом, представленным в книге Зихера.

Еще один важный сюжет связан с исследованием книжных и журнальных карикатур на Бабеля. Так, Борис Ефимов или Кукрыниксы в советской печати акцентируют красноармейский контекст. Напротив того, как показывает Зихер, в рассказах типа «Пан Аполек» или описаниях еврейских погромов актуализируется образ «еврейского Христа», понимаемого в данном случае как страдаю-

щего еврея, что включает творчество Бабеля в контекст изображения Гражданской войны, представленный живописью Марка Шагала и скульптурой Джейкоба Эпстина.

Таким образом, Э. Зихер одним из первых восстановил недостающие звенья работы Бабеля как в советской печати, так и в ее малоизвестном еврейскоязычном сегменте. Рецензируемая книга является ценным дополнением к нашим знаниям о Бабеле, и она должна войти в обязательную библиографию исследователей творчества Бабеля – писателя и журналиста.

Abstracts

O Afanasieva, Ya. Kanevskaya

THE CONCEPT “POLITICS” IN A.I. KOLESNIKOV’S JOURNALISM (ON A MATERIAL OF THE NEWSPAPER “KOMMERSANT”)

The article is devoted to a concept “politics” in A.I. Kolesnikov’s journalism. The reportings published in the “Kommersant” newspaper became object of research. The concept “politics” in this article is investigated from linguistic positions. The structure of a concept was restored through studying of the fragment of a language picture of the world corresponding to this concept by identification and the analysis of lexico-semantic fields.

Key words: concept “politics”, conceptual picture of the world, language picture of the world, “Kommersant” (“Businessman”) newspaper, A.I. Kolesnikov.

E. Arutyunova

REFORM OF THE RUSSIAN SPELLING 1960s IN MIRROR MEDIA: THE CONFLICT

The article analyses first stage of the debate over spelling reform of beginning of 1960s, which unfolded on pages of various periodicals. It identifies the reasons, which brought up the idea to change Russian spelling significantly and the principles of reform, proposed at that stage. The conclusion is made that the objective of the discussion was primarily to draw attention of linguists and the general public to the problems of the theory of spelling and language development in general.

Key words: reform spelling, spelling reform theory, the theory of spelling, language policy.

E. Basovskaya

“ALL THE SAME”. NOTES ON LINGUISTIC ECOLOGY AND LANGUAGE OF MODERN RUSSIAN LITERATURE

The author considers the linguistic peculiarities of modern Russian literature through the prism of critical remarks, which Soviet press in

different years expressed to the address of the language of fiction. The numerous examples demonstrate trends, which have been repeatedly declared by Soviet ideology alien and harmful, but being in fact the nature of the literature, which reflects the consciousness of man and his perception of the surrounding reality. The conclusion is made about the inefficiency of the struggle for the so-called «purity» of the language of fiction and about the fact that the struggle for linguistic purity often serves as a form of expression of philosophical, ethical or political views.

Key words: language of fiction, the Soviet press, linguistic ecology.

E. Berezina

JUDICIAL ESSAY IN THE JOURNALISM TODAY

The aim of the article is an attempt to analyse the state of judicial journalism today. Despite the rather detailed definition of the judicial essay given in the journalistic terminology, the legal interpretation of this type of journalistic text does not always coincide with its linguistic and textual assessment. Often the emotional component in the framework of which the author of the material takes one side or another is at the forefront, thus losing their objectivity and impartiality. Many newspaper and magazine publications, analysed in the article show how the blurred the concept of «judicial essay» is. The analysis of legal publications, dedicated to the well-known case of the athlete Rasul Mirzaev – clearly states that.

Key words: journalism, society, law, newspapers, judicial essay, press, problems.

Yu. Bit-Yunan

RUSSIAN EMIGRANT PRESS AND PUBLICISM ON THE ARREST OF V. GROSSMAN'S NOVEL "LIFE AND FATE"

The author analyses the publicistic pieces and the materials in the Russian emigrant press highlighting the history of V. Grossman's novel "Life and Fate" being put under arrest. The researcher concludes that the works answered the publicistic purposes.

Key words: Russian emigrant press, publicistic, V.S. Grossman, "Life and Fate", memoirs.

E. Brodskaya

CONCERNING HISTORY OF THE SOVIET THEATER JOURNALISM. “LIFE OF GALILEO” AND “HAMLET”

For decades the Taganka Theatre was associated with aesthetic opposition to the Communist regime. The theatre was a symbol of the epoch. The truth is that the Taganka was evolving from a theatre to be loyal to the regime to one being in the opposition. This article is to analyse the reaction of the Soviet press on such performances of the theatre as «Life of Galileo» and «Hamlet». The reviews observing these two performances were seriously affected by the zigzag course of Soviet domestic and foreign policy as much as the opportunities to create some oasis of dissident aesthetic. The Prague Spring played its part in the process to change the aesthetic landscape of the country once and forever.

Key words: Taganka Theatre, sovietic press, Hamlet, Halileo, The Soviet society, regime, intellectuals.

E. Butorina, A. Pokatilova

COLLOCATIONS IN THE BUSINESS PRESS

In the article the collocations used in the text of the Russian business and the British press are under discussion. Their frequency in different publications in Russian and English languages and the values of collocations in Russian and English texts and e-corpora are compared.

Key words: collocation, Russian, English, business press.

S. Ehrlich

MYTH ABOUT PUSHKIN IN MODERN RUSSIAN PUBLICISM

The article is devoted to the transformation of Soviet myth about Pushkin who in modern Russian publicism is depicted as a friend of Decembrists. The author of the article comes to the conclusion that traditional understanding of Pushkin as having the same views as

Decembrists goes on living in political discourse, although in a slightly changed form. However an old mythologeme “Pushkin is a friend of Decembrists” is exhausted greatly for modern publicists. Instead of it, there appeared some other myths very often having no connection at all with the facts of Pushkin’s life and works.

Key words: A.S. Pushkin, theory of myth, revolutionary character, A.G. Bitov, G.M. Kruzhkov, illuminators.

G. Eliasberg

ARTICLES ABOUT THE NATIONAL THEATRES IN THE MAGAZINE “THEATRE AND ART” (1897–1918)

An article reviews how St. Petersburg magazine “Theatre and Art” is acquainting Russian public with the drama and theatre life on the non Russian outskirts of the Russian Empire. Special attention is focused on the Polish theatre and drama and their reflection on the pages of “Theatre and Art”.

Key words: “Theatre and Art”, A.R. Kugel, Polish theatre, S. Pshibishevsky, province.

D. Feldman

CONCERNING ANALYSIS OF THE PUBLICISTIC DISCOURSE. “PARTISANS” IN “NATIVE” AND OTHER WARS

The author of the article tells us about history of usage of the term “partisans” in Russian publicism of the XIXth and XXth centuries. The author of the article analyses also the context in which such terms as “mother land” and “native war” are used. Such periodicals as “Beseduiuchshyi grazhdanin”, “Russkyi vestnik” and “Syn otechestva” magazines and some others are taken as material for analysis as well as some reference books and works on historiography. The author of the article comes to the conclusion that the Russian tradition of the word usage is defined by general European cultural context, while the Soviet one is defined by publicistic discourse.

Keywords: patriot, motherland, Native war, A.I. Mikhailovskiy-Danilevskiy, F.N. Glinka, A.N. Radichshev, Soviet press, L.D. Trotskiy, "Socialist motherland is in danger!".

G. Fetkullina

MULTIMEDIATISATION OF MASS MEDIA AT THE BEGINNING OF THE XXIth CENTURY

The article sets out an analysis of the transformation of modern media enterprises. Digitalization and convergence at different levels have led to a multimedia content generation possible to be distributed via different technological platforms. The experience of Russian and foreign media companies shows that there is no single model of transfer to the multimedia strategy at the present day. But at the same time we can identify basic characteristics of multimediatisation. The paper examines them assessing the evolution of leading international news agencies "Associated Press", "RIA Novosti", "BBC".

Key words: mass media, digitalization, convergence, multimediatisation, news agencies, Associated Press, RIA Novosti, BBC.

V. Gopman

RECEPTION OF JAMES GRAHAM BALLARD'S SCIENCE FICTION NOVELS IN RUSSIAN PERIODICALS OF THE SECOND HALF OF THE XXth CENTURY

The author of the article studies the reception of J.G. Ballard's science fiction novels in Russian periodicals, starting from the very first publications on writer's works in the 1960s up to the beginning of the XXIst century. The author of the article analyses publications in different newspapers and magazines, in specialized journals as well as in popular editions, and shows the dynamics of the reception of J.G. Ballard' works in Russia.

Key words: J.G. Ballard, science fiction novel, reception, Russian press.

A. Gotovtseva, O. Kiyanskaya

“TEMPORARY ASSESSORS OF PARNASSUS”.
CONCERNING HISTORY OF THE “POLYARNAYA
ZVEZDA” ALMANAC

The article tells us about one of the most popular Russian almanacs at the beginning of the XIXth century, namely about “Polyarnaya Zvezda” almanac published by A.A. Bestuzhev and K.F. Ryleev. Both of them are known, first of all, as the members of the secret societies, people who have organised revolt in December 1825 on the Senatskaya square. Consequently “Polyarnaya Zvezda” has been viewed by many researchers in the field of history of journalism as an edition propagandizing the ideas of Revolution. However the analysis of the almanac shows that there were no works of the kind in the content of “Polyarnaya Zvezda”. The reason of the success of “Polyarnaya Zvezda” had nothing to do with the revolutionary ideas. Ryleev and Bestuzhev, for the first time in the history of Russian journalism, tried to create common literary space united for separate writers’ groups. The circumstances of editing of “Polyarnaya Zvezda” analysed in detail in the article till now have been out of the field of vision of the researchers – in particular, such interesting facts as Ryleev’s and Bestuzhev’s relations with the officials from Ministry of ecclesial affairs and people’s education and with its head, prince A.N. Golitsyn.

Key words: K.F. Ryleev, A.A. Bestuzhev, P.A. Vyazemskiy, almanac “Polyarnaya Zvezda”, A.I. Turgenev, A.N. Golitsyn, A.S. Pushkin.

E. Kolesnikova

THE INSURRECTION IN POLAND (1863–1864) ON THE
PAGES OF P.D. BOBORYKIN’S JOURNAL “BIBLIOTEKA
DLYA CHTENIYA”

The article tells us about the way in which the insurrection in Poland, 1863–1864, has been viewed in P.D. Boborykin’s “Biblioteka dlya Chteniya” magazine. The situation in Russian journalism of the 1860s is also analysed in the article, as well as the position of the Russian editors-in-chef of the leading national periodicals concerning the so-called Polish question. The author of the article describes polemics between “Bibiloteka dlya Chteniya”, on the one hand, and

M.N. Katkov's editions, on the other (starting, first of all, from the "Russkiy Vestnik" magazine). The author of the article comes to the conclusion that speaking about freedom of Poland Boborykin's magazine stood on the democratic grounds and supported in that respect A.I. Gertsen's "Kolokol" magazine.

Key words: P.D. Boborykin, N.N. Voskoboynikov, "Biblioteka dlya Chteniya" magazine, insurrection in Poland of 1863–1864.

E. Komarova

SASHA SOKOLOV'S REFLECTION IN THE "ZERKALO" MAGAZINE (TO THE QUESTION OF THE SELF-PRESENTATION OF RUSSIAN EXPAT WRITER IN THE EXPATRIATE PRESS)

An article is focused on the self-presentation of Sasha Sokolov, writer of the Third wave of Russian emigration, in Russian-Israel magazine "Zerkalo". The author demonstrates direct ties between 20 years break in Sokolov's publications and changes in book markets. It is caused by the fact that postmodernism loses its actuality as a literary movement. The reasons for the fall of interest of critics to the recent Sokolov's works and the motive of his presence in the magazine with the atmosphere of the Second Russian avant-garde are analysed.

Key words: Sasha Sokolov, "Zerkalo" magazine, literary criticism, postmodernism, self-representation.

K. Makhova

"ZVYOZDOCHKA" MAGAZINE BY A.O. ISHIMOVA

The article tells us about children's magazine "Zvyozdochka", which was published in the middle of the XIXth century by A.O. Ishimova. It was one of the first magazines for children. As the publication of a purely monarchical direction, "Zvyozdochka" provoked disapproval of the liberal-minded contemporaries. The article analyses in detail materials of the magazine and shows how the ideological orientation of the reign of Nicholas I was implemented in allegorical form.

Key words: A.O. Ishimova, "Zvyozdochka" magazine, Ya.K. Grot, N.A. Dobrolyubov.

D. Nerents

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF INVESTIGATIVE JOURNALISM IN THE UK AND USA

The paper is devoted to the assessment of the major characteristics of contemporary investigative reporting, which is still one of the most sophisticated analytical genre of journalism. The globalisation of media and the rapid development of “new media” brought significant changes in investigative journalism. Most clearly these trends are visible in the USA and the UK. The economic crisis and commercial motives of media enterprises encourage the investigative journalism to leave the traditional printed and electronic media and resettle in the Internet to be fed by blogs and social networks «crowd-sourcing», at least partially. Among the recent changes is also the appearance of the false, or pseudo investigative reporting, which the audience often takes for real.

Key words: journalism, investigation, exposure, pseudo-investigation, crowd-sourcing, mass media, new media.

A. Nesterov

JOSEPH BRODSKY'S LITERARY REPUTATION, THE AUDIENCE OF POETRY READINGS AND MEDIA PROMOTION OF “NEW POETRY” IN RUSSIA IN THE 1960s

The author analyses some strategies of fighting for reader in Russian poetry of the 1960s that made possible the domination of “poetry to be read in the Polytechnical Museum”. In the 1960s J. Brodsky's poetry had to exist in the shadow of poems by such authors as E. Evtushchenko, A. Voznesenskiy, R. Rozhdestvenskiy and B. Achmadulina. These four were associated with “poetry reading in the Polytechnical museum” that was organised as a special event to be filmed for Marlen Khutsiev movie “I'm twenty” (1965). The movie with its 20 minutes long “footage” of poetry reading was a great promotion for the young poets. As the result, they utilized the reputation of the leading voices for the generation. Their audience was orientated for appeasement of emotional hunger and demanded a very special kind of poetry to be associated with: the poem should be not very long to be easy memorized and based on some aphoristic formulas to absorb some typical social experience so it could

create some group identity to the listeners. On this spot the poetics of Brodsky seemed to be of absolutely another kind.

Key words: J. Brodsky, B. Slutskiy, M. Kchutsiev, readers' audience, emotional hunger, the neurotic generation, disorientation in reality, the children of the XX CPSU Congress.

M. Odesskiy

PUBLICISM IN A SCIENTIFIC TEXT. ON THE HISTORY OF RUSSIAN MEDIEVAL STUDIES

The article deals with the function of publicism in a scientific text. At the first sight Russian medieval studies have little in common with publicism and are concerned exceptionally with scientific problems. However in the Soviet era medieval studies on the one hand professed the official ideology (propaganda of patriotism and class struggle) and on the other hand promulgated alien religious values.

Key words: publicism, scientific text, Russian medieval studies, D.S. Lihachev, V.V. Kuskov.

N. Satsirova

PRAGMATIC ASPECT OF TELEVISION INTERVIEWS (BASED ON STUDYING THE CHANNELS "ROSSIJA 24" AND "MOSKVA 24")

The article examines pragmatic mistakes that are made in broadcasts of the television channels "Rossiia 24" and "Moskva 24" by presenters as well as participants of information programmes. The article also reviews the effect of pragmatic failures on the audience's perception of the text. The main goal of this study is to find out the most significant pragmatic features and errors of the modern Russian information television text as demonstrated in television interviews. Topicality of this research is justified by the fact that the stylistics of these television channels have not been subject of a specialised study before.

Key words: pragmatics, pragmatic failures, television speech, interview.

V. Tischshenko

TITLES OF THE ARTICLES, REVIEWS AND REFERENCES
IN “THE ECONOMIST” MAGAZINE (ISSUES FOR
SEPTEMBER – DECEMBER, 2012)

The article analyses different ways of entitling the articles in British magazine “The Economist”. The subject-matter and word usage peculiarities of these titles are studied on the material of the issues from September till December, 2012.

Key words: “The Economist”, business press, British press, titles, word usage in English mass media.

D. Tyukova

HEADLINES OF THE NEWSPAPER “MOSKOVSKY
KOMSOMOLETS” (2012) IN RESPECT TO LITERARY
EDITING

The article gives analysis of headlines of the newspaper “Moskovsky Komsomolets”, classifies committed errors and proposes options for the editing. In the course of the works an effectiveness of text’s headlining is determined. Particular attention is given to the correspondence between the texts and headlines.

Key words: “Moskovsky Komsomolets”, “MK”, headline, quote, language game, editing.

Yu. Yakovleva

“THE INTENSIVE FIRE IS OUR ANSWER TO THE
SHELLING...” (SPEECH AGGRESSION IN THE “LEF”
MAGAZINE POLEMIC ARTICLES IN 1923)

The article considers specifics of speech aggression manifestation in the “LEF” magazine as a tactics of answers to critics in the leading editions of 1920 years.

Key words: polemic, speech aggression, “LEF”, fight, discredit.

Сведения об авторах

- Арутюнова Елена Вячеславовна* – старший преподаватель кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, alen_rus@mail.ru.
- Афанасьева Ольга Максимовна* – канд. филол. наук, доцент кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, Olga.Afanacieva@mail.ru.
- Басовская Евгения Наумовна* – д-р филол. наук, доцент, завкафедрой медиаречи Института массмедиа РГГУ, jeni_ba@mail.ru.
- Березина Елена Анатольевна* – соискатель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ; заместитель редактора отдела деловых приложений «Российской газеты», Berezina@rg.ru.
- Бит-Юнан Юрий Геваргисович* – канд. филол. наук, преподаватель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com.
- Бродская Евгения Вадимовна* – канд. филол. наук, преподаватель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, eugenia.brodskaya@gmail.com.
- Буторина Елена Петровна* – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ, butorinaelena@gmail.com.
- Гопман Владимир Львович* – канд. филол. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, vlgopman@mtu-net.ru.
- Готовцева Анастасия Геннадьевна* – д-р филол. наук, доцент кафедры литературной критики РГГУ, brunhilda@yandex.ru.
- Каневская Яна Евгеньевна* – менеджер проектов Агентства политических и экономических коммуникаций; окончила Институт массмедиа РГГУ, Ioanna.Kanevskaya@mail.ru.
- Киянская Оксана Ивановна* – д-р истор. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, kianoks@inbox.ru.
- Колесникова Елена Витальевна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, i_koliesnikova@inbox.ru.
- Комарова Елена Николаевна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, e.komarova@mail.ru.

- Махова Ксения Александровна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, xenia.makhova@gmail.com.
- Неренц Дарья Валерьевна* – аспирант Учебно-научного центра экономики и социологии медиарынка Института массмедиа РГГУ, ya.newlevel@yandex.ru.
- Нестеров Антон Викторович* – канд. филол. наук, доцент кафедры английского перевода Московского государственного лингвистического университета, avnesterov@gmail.com.
- Одесский Михаил Павлович* – д-р филол. наук, профессор, завкафедрой литературной критики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru.
- Покатилова Александра Константиновна* – студентка Института лингвистики РГГУ, alexanrashyva@gmail.com.
- Розенсон Давид* – аспирант кафедры истории классической русской литературы ИФИ РГГУ; начальник Отдела образовательных программ Благотворительного фонда Джойнт, david.rozenson@gmail.com.
- Сацирова Нина Александровна* – аспирант кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, satsirova@yandex.ru.
- Тищенко Валерия Николаевна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, yunaya_ledi@inbox.ru.
- Тюкова Дарья Никитична* – студентка кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, dantuk@mail.ru.
- Фельдман Давид Маркович* – д-р истор. наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, dmfeld@inbox.ru.
- Феткуллина Галия Абдулбировна* – аспирант Учебно-научного центра экономики и социологии медиарынка Института массмедиа РГГУ, galiya.fet@gmail.com.
- Элиасберг Галина Аркадьевна* – канд. филол. наук, преподаватель Российско-американского учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ, eliasgal@ Rambler.ru.
- Эрлих Сергей Ефроимович* – канд. истор. наук, директор издательства «Нестор-История», ehrlich@mail.ru.
- Яковлева Юлия Владимировна* – студентка Института массмедиа РГГУ, yak112@inbox.ru.

General data about the authors

- Afanasieva Olga M.* – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Media Discourse, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, Olga.Afanacieva@mail.ru.
- Arutyunova Elena V.* – senior lecturer, Department of Media Discourse, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, alen_rus@mail.ru.
- Basovskaya Evgeniya N.* – Dr. in Philology, associate professor, head, Department of Media Discourse, Institute of Massmedia, Russian State University for Humanities, jeni_ba@mail.ru.
- Berezina Elena A.* – applicant, Department of Literary Criticism, Russian State University for the Humanities; deputy editor, Department of Business Supplements, “Rossiyskaya gazeta”, Berezina@rg.ru.
- Bit-Yunan Yury G.* – Ph.D. in Philology, lecturer, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com
- Brodskaya Eugenia V.* – Ph.D. in Philology, lecturer, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, eugenia.brodskaya@gmail.com.
- Butorina Elena P.* – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Institute for Linguistics, Russian State University for the Humanities, butorinaelena@gmail.com.
- Ehrlich Sergei E.* – Ph.D. in History, director, “Nestor-Historia” Publishing House, ehrlich@mail.ru.
- Eliasberg Galina A.* – Ph.D. in Philology, lecturer, Russian-American Research and Training Center for Bible and Judaica, Russian State University for the Humanities, eliasgal@rambler.ru.
- Feldman David M.* – Dr. in History, professor, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, dmfeld@inbox.ru.
- Fetkullina Galiya A.* – postgraduate student, Research and Training Center for Economics and Sociology of Mediamarket, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, galiya.fet@gmail.com.
- Gopman Vladimir L.* – Ph.D. in Philology, professor, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, vlgopman@mtu-net.ru.

- Gotovtseva Anastasiya G.* – Dr. in Philology, associate professor, Department of Literary Criticism, Russian State University for the Humanities, brunhilda@yandex.ru.
- Kanevskaya Yana E.* – project manager, Agency of Political & Economic communication, graduate, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, Ioanna.Kanevskaya@mail.ru.
- Kiyanskaya Oksana I.* – Dr. in History, professor, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, kianoks@inbox.ru.
- Kolesnikova Elena V.* – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, i_koliesnikova@inbox.ru.
- Komarova Elena N.* – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, e.komarova@mail.ru.
- Makhova Ksenia A.* – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, xenia.makhova@gmail.com.
- Nerents Darya V.* – postgraduate student, Research and Training Center for Economics and Sociology of Mediamarket, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, ya.newlevel@yandex.ru.
- Nesterov Anton V.* – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of English Translation, Moscow State Linguistic University, avnesterov@gmail.com.
- Odesskiy Mikhail P.* – Dr. in Philology, professor, head, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities; modessky@mail.ru.
- Pokatilova Alexandra K.* – student, Institute for Linguistics, Russian State University for the Humanities, alexanrashyra@gmail.com.
- Rozenson David* – postgraduate student, Department of History of Classical Russian Literature, Institute for History and Philology, Russian State University for the Humanities; director, Department of Educational Programs, American Jewish Joint Distribution Committee, david.rozenson@gmail.com.
- Satsirova Nina A.* – postgraduate student, Department of Media Discourse, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, satsirova@yandex.ru.
- Tischshenko Valeriya N.* – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, yunaya_ledi@inbox.ru.

Tyukova Daria N. – student, Department of Media Discourse, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, dantuk@mail.ru.

Yakovleva Yulia V. – student, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, yak112@inbox.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Картамышева*

Компьютерная верстка *И.Г. Кирикова*

Формат 60×90 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,6.

Тираж 1050 экз. Заказ № 146

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru